

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

О Н С

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

5

2022

Москва

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

**The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year**

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

5

2022

Moscow

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громько Ал. А. член-корр. РАН, член НИСО РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е. В. к. филос. н., в. н. с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. д. и. н., декан исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)

Валентей С. Д. д. э. н., профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)

Дынкин А. А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Кокошин А. А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В. М. академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Торкунов А. В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И. О. член-корр. РАН, д. э. н., директор Института Африки РАН (Москва, Россия)

Байсингер Марк Р.

(Beissinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)

Буторина О. В. член-корр. РАН, д. э. н., зам. директора Института Европы РАН (Москва, Россия)

Войтоловский Ф. Г. член-корр. РАН, д. полит. н., директор ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Габов А. В. член-корр. РАН, д. ю. н., г. н. с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН (Москва, Россия)

Гарбузов В. Н. член-корр. РАН, д. и. н., директор Института США и Канады РАН (Москва, Россия)

Глинчикова А. Г. д. полит. н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)

Дискин И. Е. д. э. н., с. н. с. Высшей школы экономики, член научно-экспертного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)

Кондаков И. В. д. филос. н., в. н. с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)

Либман А. М. профессор Свободного университета Берлина (Libman) (Берлин, Германия)

Наумкин В. В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Нестик Т. А. д. психол. н., г. н. с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Паин Э. А. д. полит. н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Петренко В. Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Порфирьев Б. Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Синекокая Ю. В. член-корр. РАН, д. филос. н., заместитель директора Института философии РАН (Москва, Россия)

Фомин-Нилов Д. В. к. и. н., ректор ГАУГН (Москва, Россия)

Хабриева Т. Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Чубарьян А. О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Яковлев А. А. к. э. н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2022

© Составление. Редколлегия журнала «Общественные науки и современность», 2022

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-21 ООО «Тематическая редакция»

Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314, Москва, 105082

Адрес редакции: Мароновский пер., 26, каб. 310, Москва, 119049

Тел. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru

Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS,
Member of Scientific Publishing Council of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS
(Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)
Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)
Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)
Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)
Feodor Voitlovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)
Valery Garbuzov Corresponding Member of the RAS, Doctor of Sciences (History), Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)
Iosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics
Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading researcher of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)
Aleksandr Libman Professor of FU Berlin (Berlin, Germany)
Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)
Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Julia Sineokaya Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS (Moscow, Russia)
Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Rector of the State Academic University for Humanities (Moscow, Russia)
Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)
Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2022

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2022

Publisher: Russian Academy of Sciences

Executor under the contract № 4Y-9A-131-21 "Thematic editorial office", Ltd
Rubtsovskaya nab., 3-1, office 1314, Moscow, 105082

Address: Maronovskiy pereulok, 26, office 310, Moscow, 119049 Russia.

Tel. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru. Website: <https://ons-journal.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ЭНЕРГЕТИКА И ЗЕЛЁНАЯ ЭКОНОМИКА

Габов А.В., Лизикова М.С. Водородная энергетика: правовое обеспечение и международное сотрудничество	7
Рогинко С.А. «Зеленая» повестка и арабская нефть	33
Клинова М.В. Энергетический вектор современной европейской экономики и политики	48

ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Борейко А.В., Вернигора А.А., Кислицин С.В. Инфраструктурная конкуренция США и КНР в развивающихся странах	60
---	----

УНИВЕРСАЛИЗМ VS МНОГООБРАЗИЕ

Семененко И.С., Хайнацкая Т.И. Дискурсы о благополучии в реальности «неустойчивого развития»: между прошлым и будущим	76
Алферов А.А. Полицентризм против универсализма в картине социального мира	100
Дискин И.Е. «Колея» и гражданское общество	113
Минат В.Н. Этно-демографическая неоднородность и социально-экономическое развитие юго-западных штатов США	128

ФИНАНСЫ И ПРАВО

Лютова О.И., Шичанин М.А. Публичный финансовый контроль в условиях современного российского федерализма: актуальные проблемы и пути их решения	144
---	-----

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Асеева И.А. Антропологическая адекватность как показатель человекомерности цифровизации	156
--	-----

CONTENTS

WORLD ENERGY AND GREEN ECONOMY

Gabov A., Lizikova M. Hydrogen Energy: Legal Support and International Cooperation	7
Roginko S., Fazelianov E. Green Agenda and Arab Oil	33
Klinova M. Energy Policy in Contemporary European Economy and Politics	48

GLOBAL POLITICS

Boreyko A., Vernigora A., Kislitsyn S. The USA and China Infrastructure Competition in Developing Countries	60
--	----

UNIVERSALISM VS DIVERSITY

Semenenko I., Khaynatskaya T. Well-Being Discourses in an Environment of “Unsustainable Development”: Bridging the Past and the Future	76
Alferov A. Polycentrism versus Universalism in the Picture of the Social World	100
Diskin I. Path Dependence and Civil Society	113
Minat V. Ethno-Demographic Heterogeneity and Socio-Economic Development of the Southwestern States of the USA	128

FINANCES AND LAW

Lyutova O., Shichanin M. Public Financial Control in Conditions of Modern Russian Federalism: Acute Problems and Their Solutions	144
---	-----

CHALLENGES OF DIGITALIZATION

Aseeva I. Anthropological Adequacy as an Indicator of the Human Dimension of Digitalization	156
--	-----

DOI: 10.31857/S0869049922050094
EDN: FAYIDD

МИРОВАЯ ЭНЕРГЕТИКА И ЗЕЛЁНАЯ ЭКОНОМИКА WORLD ENERGY AND GREEN ECONOMY

Оригинальная статья / Original Article

Водородная энергетика: правовое обеспечение и международное сотрудничество

© А.В. ГАБОВ, М.С. ЛИЗИКОВА

Габов Андрей Владимирович, Институт государства и права Российской академии наук (Москва, Россия), gabov@igpran.ru. ORCID: 0000-0003-3661-9174

Лизикова Марина Сергеевна, Институт государства и права Российской академии наук (Москва, Россия), lizikova_m@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5538-4385

В статье рассматривается правовое обеспечение, а также существующие и потенциальные контуры и примеры международного сотрудничества в области водородной энергетики. Отмечено отсутствие четко сформулированных стратегий и планов на основе анализа международных «водородных» инициатив и международных организаций, деятельность которых распространяется на водород, а также взаимодействия в сфере водородной энергетики в рамках региональных интеграционных объединений (БРИКС, ЕАЭС, ШОС, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, ЕС) и отдельных регионов. Сложившаяся ситуация не способствует достижению видимых эффектов от сотрудничества и препятствует обеспечению стабильности международных энергетических рынков. Соответственно, встает вопрос о необходимости выработать новые международные правила, которые должны быть закреплены в соответствующих международных соглашениях в данной сфере, а также о создании международной организации, которая стала бы мировым центром сотрудничества в области водорода.

Ключевые слова: водородная энергетика, водород, возобновляемые источники энергии, энергетический переход, международное сотрудничество, энергетическое право

Цитирование: Габов А.В., Лизикова М.С. (2022) Водородная энергетика: правовое обеспечение и международное сотрудничество // Общественные науки и современность. №. 5. С. 7–32. DOI: 10.31857/S0869049922050094, EDN: FAYIDD.

Hydrogen Energy: Legal Support and International Cooperation

© A. GABOV, M. LIZIKOVA

Andrey V. Gabov, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), gabov@igpran.ru

Marina S. Lizikova, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), lizikova_m@mail.ru

The article discusses legal support, existing and potential contours, as well as examples of international cooperation in the field of hydrogen energy. Based on the analysis of international “hydrogen” initiatives and international organizations whose activities to some degree extend to hydrogen, as well as interactions in the field of hydrogen energy within the regional integration associations (BRICS, EEU, SCO, Association of Southeast Asian Nations, Regional Comprehensive Economic Partnership, EU) and individual regions, the lack of clearly defined strategies and plans is noted. This situation does not contribute to the achievement of visible effects from cooperation and hinders the stability of international energy markets, raises issues of the need to develop new rules at the international level, which should be enshrined in relevant international agreements in this sphere, as well as the necessity to create an international organization that would become a world center for cooperation in the field of hydrogen.

Keywords: hydrogen energy, hydrogen, renewable energy sources, energy transition, international cooperation, energy law

Citation: Gabov A., Lizikova M. (2022) Hydrogen Energy: Legal Support and International Cooperation. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 7–32. DOI: 10.31857/S0869049922050094, EDN: FAYIDD.

Введение

На развитие энергетики в России и в мире влияет множество факторов, которые, в конечном итоге, находят свое отражение в различного рода концептуальных и стратегических документах, принимаемых как отдельными государствами, так и их объединениями (союзами) и международными организациями. Одним из факторов, который определил направление развития и технологий в энергетике, а также экономические и правовые решения, стал вопрос изменения климата. Данная дискуссия вылилась в решения, связанные с декарбонизацией. Повестка со временем стала общемировой; начались разговоры о новом энергопереходе, который предполагает переход от традиционных источников энергии – а также от традиционных технологий ее добычи и использования – к возобновляемым. Следует отметить, что в научной литературе энергопереход не ограничивают только указанным содержанием. Авторы подчеркивают, что энергопереход представляет «более сложное и комплексное явление, предполагающее повышение энергоэффективности, сокращение добычи природных ресурсов и продление жизненных циклов основных материалов (прежде всего за счет широкого внедрения принципов циркулярной экономики)» [Коданева 2021].

Экономические и правовые решения, направленные на воплощение идей нового энергоперехода, влекут не только изменения в технологиях энергетики (что само по себе позитивно), но и создают конкуренцию между традиционными и новыми (углеродно-нейтраль-

ными и низкоуглеродными) источниками энергии и технологиями, приводят к изменению инвестиционной и энергетической политики государств – и, соответственно, геополитической расстановки сил в мире. Вместе с тем они порождают новые риски и вызовы в области энергетической безопасности: от высоких финансовых и технологических издержек декарбонизации энергетики до серьезных социально-экономических и политических потрясений [Боровский 2021]. Более того, высказываются идеи о «новом понимании энергетической безопасности» [Farah 2020], отличительными чертами которой становятся: смещение приоритетов с обеспечения поставок на укрепление диверсификации и противодействие негативному воздействию потребления энергии на окружающую среду; включение компонента устойчивости в энергетику и политику на национальном и международном уровнях; разработка новых стратегий, которые будут обеспечивать баланс устойчивого, безопасного энергетического и экономического развития.

Частью новой повестки стал вопрос об использовании водорода, развитии водородной энергетики и водородных технологий. По мнению Международного энергетического агентства (IEA), развитие водородной энергетики призвано способствовать созданию устойчивой энергетической системы и достижению целей по нулевым выбросам к 2050 г.¹ Однако для воплощения в жизнь соответствующих сценариев (прогнозов) необходимо развивать международное сотрудничество в области водородной энергетики. В условиях, когда многие государства уже приняли соответствующие национальные стратегии, для построения международной водородной экономики, которая бы учитывала баланс интересов новой отрасли и национальной энергетической безопасности, целесообразно осуществлять последовательную, согласованную политику в рассматриваемой области, а также прилагать совместные усилия, чтобы создать механизмы международно-правового регулирования – особенно в части обеспечения безопасности и разработки системы международных стандартов и сертификации [Лизикова 2021]. Вместе с тем, чтобы определить приоритеты в международном сотрудничестве в области водородной энергетики как на данном этапе, так и в будущем, необходимо четкое согласованное видение роли водорода в мировой энергетической системе в 2030, 2040 и 2050 гг. в соответствии с Парижским соглашением по климату. Общее видение стало бы основой для объединения национальных стратегий в глобальные и региональные дорожные карты [Van de Graaf et al. 2020], и, в конечном итоге, способствовало бы снижению количества пробелов в стратегиях (и, соответственно, устранению таких пробелов), а также рисков невыполнения поставленных целей.

Инструментом для оценки, планирования и стратегии развития водородных проектов государств может выступить дорожная карта МЭА², разработанная с целью определить наиболее важные действия, необходимые в краткосрочной и долгосрочной перспективе для успешной разработки и внедрения водородных технологий в поддержку глобальных целей в области энергетики и климата. Ту же функцию способна выполнять дорожная карта МАГАТЭ³, которая информирует о коммерческом развертывании производства водорода с использованием атомной энергии. Первая из них в числе приоритетных направлений международного сотрудничества для развития водородных технологий (которому в этом процессе отводится ключевая роль) указывает на необходимость распространять знания

¹ Technology report: Global Hydrogen Review 2021. IEA. (<https://www.iea.org/reports/global-hydrogen-review-2021>).

² Technology Roadmap: Hydrogen and Fuel Cells. IEA. 2015. (<https://iea.blob.core.windows.net/assets/e669e0b6-148c-4d5c-816b-a7661301fa96/TechnologyRoadmapHydrogenandFuelCells.pdf>).

³ IAEA to create roadmap for nuclear hydrogen deployment. World Nuclear News. 06 May 2022. (<https://www.world-nuclear-news.org/Articles/IAEA-to-create-roadmap-for-nuclear-hydrogen-deploy>).

о водородных технологиях между развитыми и развивающимися регионами, привлекать развивающиеся страны к деятельности по развертыванию технологий чистой энергии, а также на автономное внедрение инноваций в области чистой энергии.

Прежде чем перейти к рассмотрению существующих и потенциальных контуров и примеров международного сотрудничества в области водородной энергетики, необходимо затронуть вопрос о подходах к классификации водорода, так как для эффективного развития международного сотрудничества и формирования нормативно-правового регулирования правоотношений в рассматриваемой сфере необходимо единое понимание различных типов водорода.

Классификация водорода

Несмотря на то что водород является самым распространенным элементом во Вселенной, в природе он практически не встречается в чистой форме, а выделяется из других соединений. Способы получения водорода (паровая конверсия метана и природного газа, газификация угля, электролиз воды, пиролиз, частичное окисление, биотехнологии) и выделяемый при этом углеродный след (от полного отсутствия CO_2 до выделения углекислоты в тех же объемах, что и при сгорании природного газа) используют в качестве критериев при классификации водорода по цвету. Так, в рамках данного подхода выделяют: зеленый, желтый, бирюзовый, серый, голубой и коричневый водород, где первый наиболее экологически чист, а последний – самый неэкологичный. Достоинства и недостатки того или иного вида водорода находятся в центре внимания представителей научного сообщества. Так, перспективы зеленого водорода отмечают [Noussan et al. 2021; Kakoulakia et al. 2021], [Howarth, Jakobson 2021] сравнивают зеленый и серый водород с условной позиции экономической целесообразности, а [Park etc. 2022] и [Alfradique etc. 2022] отмечают, что использование голубого водорода трудно оправдать с точки зрения изменения климата.

Несмотря на широкое распространение, эта классификация имеет недостатки. Развитие перспективных технологий получения водорода, как отмечает А. Ишков⁴, приведет к многократному увеличению количества выделяемых видов водорода, потому более научной он считает классификацию по углеродному следу. Согласно иному доводу, классификация «по цветам» имеет политические смыслы, и его использует в основном Европейский союз для достижения целей декарбонизации [Януш 2021]. В то же время ЕС в водородной стратегии придерживается иной классификации водорода, подразделяя его на возобновляемый и низкоуглеродный.

Следует отметить, что из всего объема производимого водорода только 5% могут считаться коммерческим продуктом. На современном этапе мощностей для производства низкоуглеродного водорода недостаточно. Темп формирования мирового рынка водорода обусловлен как экономическими факторами, так и техническими трудностями обеспечения его хранения, использования и транспортировки. Технические возможности транспортировки водорода, потенциальная экологическая опасность ряда производных продуктов, эффективность использования водорода в энергоемких отраслях и другие вопросы – предмет самостоятельных научных исследований и дискуссий, которые выходят за рамки настоящей статьи.

⁴ По углеродному следу. Газпром предложил более научную классификацию водорода и хочет построить в ЕС завод по его производству. Neftegaz.ru. 2 декабря 2020. (<https://neftegaz.ru/news/Alternative-energy/652500-gazprom-predlozhili-politkorrektnuyu-klassifikatsiyu-vodorodov/>).

Международные «водородные» инициативы

В настоящее время на международном уровне действует ряд «водородных» инициатив [Barbir 2009; de Valladares, Jensen 2011]. Так, с конца 70-х гг. XX в. работают Международная ассоциация водородной энергетики (ИАНЕ) и Программа сотрудничества МЭА в области водородных технологий (Hydrogen TCP/IEA Hydrogen), которые осуществляют научно-исследовательскую и просветительскую деятельность в области водорода, а также обмен информацией между странами-членами.

На обеспечение надежной и безопасной международной торговли водородом направлена деятельность Водородного совета (Hydrogen Council) – глобальной инициативы ведущих компаний⁵ из всей цепочки создания стоимости водорода. Международная ассоциация по водородным топливным элементам (HFCFA) позиционирует себя как мост и связующее звено для интеграции ресурсов по всей цепочке производства водородных топливных элементов с целью совместного решения проблем, стоящих перед отраслью в период ее коммерциализации и создания рыночной среды. Международное партнерство по водороду и топливным элементам (IPHE) стремится облегчить и ускорить переход к чистой и эффективной энергии и системам мобильности с использованием технологий водорода и топливных элементов во всех секторах, распространяя информацию о преимуществах и проблемах внедрения широко распространенных коммерческих технологий водорода и топливных элементов в экономике.

Цель Миссии инноваций в области чистого водорода (MI IC8) – ускорить развитие глобального рынка водорода, выявляя и преодолевая ключевые технологические барьеры на пути производства, распределения, хранения и использования водорода в гигаваттном масштабе. Министерская инициатива по чистой энергии (СЕМ) представляет собой глобальный форум высокого уровня для продвижения политики, программ и технологий чистой энергии, а также для обмена передовым опытом и поощрения перехода к глобальной экономике чистой энергии. В свою очередь, Глобальное партнерство по водороду Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (UNIDO) начало глобальную программу по содействию применению зеленого водорода в промышленности. Свой вклад в развитие мировой водородной энергетики вносит и Международная организация по стандартизации (ISO), роль которой с развитием международной торговли водородом будет только возрастать.

Также развитием водородной энергетики занимаются и другие международные организации. Так, Международное агентство по возобновляемым источникам энергии (IRENA) обладает опытом в области возобновляемых источников энергии и зеленого водорода; Международное энергетическое агентство (IEA) подходит к водородной проблематике с точки зрения энергетической безопасности; Международное агентство по атомной энергии (IAEA) предоставляет информацию о производстве ядерного водорода; Международный энергетический форум обеспечивает платформу для диалога между продавцами и покупателями энергии, а Организация по развитию и сотрудничеству в области глобального объединения энергосистем (GEIDCO) развивает применение новых водородных технологий накопления и трансфера энергии по ряду направлений развития глобальных энергосистем [Филимонов, Филимонова, Чичирова, Чичиров 2021].

Эффективность вышеназванных инициатив во многом будет зависеть от координации их деятельности во избежание дублирования, а также от синергии сотрудничества на гло-

⁵ В настоящее время в организацию входит 134 компании со всего мира.

бальном и региональном уровнях⁶, что будет способствовать укреплению необходимых связей между заинтересованными сторонами и месту того или иного региона в будущем низкоуглеродном водородном ландшафте.

Так, например, для укрепления глобальных усилий по инновациям в области возобновляемых источников энергии, а также для ускорения инноваций за счет более эффективной политики и более широкого трансграничного сотрудничества развивают партнерство Международное агентство по возобновляемым источникам энергии и Миссия инноваций. Между этими организациями существует явная синергия: во-первых, обе преследуют общую цель – содействовать разработке решений в области возобновляемых источников энергии, во-вторых, 20 из 23 членов Миссии инноваций также участвуют в IRENA, в-третьих, обе играют решающую роль в ускорении прогресса. Как следует из Письма о намерениях о сотрудничестве между Международным агентством по возобновляемым источникам энергии и Миссией инноваций⁷, такое взаимодействие дает IRENA уникальную объединяющую силу, а также широкие перспективы и понимание прогресса и проблем энергетического перехода. В то же время опыт, данные, идеи, а также сетевые и организационные возможности IRENA могут помочь Миссии инноваций в выполнении ее цели по ускорению инноваций в области экологически чистой энергии.

В свою очередь, Международное энергетическое агентство и Миссию инноваций объединяет признание того, что инновации в энергетике имеют решающее значение для продвижения перехода к чистой энергии, сокращения выбросов парниковых газов и загрязнения воздуха, повышения энергетической безопасности, расширения доступа к энергии и повышения экономического роста. Возможно взаимовыгодное расширение сотрудничества между ними по таким направлениям, как:

- улучшение сбора данных и отчетности о государственных и частных инвестициях в исследования, разработку и демонстрацию чистой энергии;
- обмен данными об экономических и технических улучшениях технологий экологически чистой энергетики, выявление ключевых долгосрочных пробелов в технологических инновациях в различных секторах и технологиях, определение мер по дальнейшему расширению масштабов разработки и внедрения технологий;
- совместное определение стран, заинтересованных в дополнительной поддержке в этом отношении, для содействия в достижении целей, связанных с инновационными усилиями со стороны IEA, а также адаптации инновационных идей к контексту конкретной страны. Данный шаг позволит Международному энергетическому агентству продолжать развивать партнерские отношения с ключевыми развивающимися экономиками со всего мира, а Миссии инноваций – тесно сотрудничать с частным сектором⁸.

Государственно-частное сотрудничество имеет решающее значение для ускорения перехода к чистой энергии при ключевой роли чистого водорода в глубокой декарбонизации; одновременно оно обеспечивает необходимую гибкость и устойчивость энергетических систем. Укреплению такого партнерства призвано способствовать сотрудничество

⁶ Hydrogen in Latin America: From near-term opportunities to large-scale deployment. IEA. 2021. (https://iea.blob.core.windows.net/assets/65d4d887-c04d-4a1b-8d4c2bec908a1737/IEA_HydrogeninLatinAmerica_Fullreport.pdf).

⁷ Letter of Intent on Collaboration between the International Renewable Energy Agency and Mission Innovation. IRENA. Malmö. Sweden. 23 May 2018. (<http://mission-innovation.net/wp-content/uploads/2019/02/IRENA-and-MI-letter-of-intent.pdf>).

⁸ Letter of Intent on Cooperation between Mission Innovation and the International Energy Agency. IRENA. Malmö. Sweden. 22 May 2018. (<http://mission-innovation.net/wp-content/uploads/2019/01/6.1.16-IEA-and-MI-letter-of-intent.pdf>).

между Международным агентством по возобновляемым источникам энергии и Советом по водороду⁹.

При поддержке Международного энергетического агентства Министерская инициатива по чистой энергии по водороду, которая продвигает политику, программы и проекты по ускорению коммерциализации и внедрению водородного топлива и технологий во всех аспектах экономики (в партнерстве с Международным партнерством по водороду и топливным элементам в экономике и Миссией инноваций), акцентирует внимание на том, как водород может содействовать построению более чистой энергетической системы, способствуя устойчивости, отказоустойчивости и энергетической безопасности¹⁰. Среди ключевых областей их сотрудничества можно выделить: помощь в успешном внедрении водорода в текущих промышленных приложениях, содействие в развертывании водородных технологий на транспорте и изучение роли водорода в удовлетворении энергетических потребностей населения. Результатом проделанной работы стал опубликованный в мае 2022 г. отчет о глобальных целях по водороду 70 национальных правительств.

Латинская Америка

По данным МЭА¹¹, значимая роль в международном движении к низкоуглеродному водороду как важнейшему элементу глобального будущего с нулевыми выбросами отводится Латинской Америке – одному из ведущих в мире регионов по использованию ВИЭ, который обладает долгосрочным потенциалом для производства больших объемов конкурентоспособного низкоуглеродного водорода и экспорта его на другие мировые рынки. Показательно, что если в 2019 г. на регион приходилось всего 3 пилотных проекта производства такого водорода, то в настоящее время их количество возросло до 25, причем среди них есть несколько проектов «гигаваттного масштаба, нацеленных на экспорт за пределы региона». Залогом их успешной реализации – а также развертывания производства и применения водорода и создания нового промышленного сектора для производства высокотехнологичного оборудования – стали международный диалог и координация. Они призваны обеспечить укрепление необходимых связей между заинтересованными сторонами и участниками рынка, предоставить возможность регионам занять место на будущем низкоуглеродном водородном ландшафте, а также могли бы способствовать формированию будущих рынков водорода.

В настоящее время государства Латинской Америки участвуют в ряде международных инициатив. В свою очередь, региональный диалог по водороду сосредоточен на общих проблемах и потенциале, который может помочь оптимизировать использование государственных ресурсов для решения региональных энергетических проблем и определить будущие возможности региональной торговли. Диалог идет в рамках инициатив по внедрению экологически чистых энергетических технологий. К ним относятся: Центральноамериканская система интеграции (SICA), Региональная комиссия по инте-

⁹ Irena and Hydrogen Council Forge Alliance to Scale up Hydrogen Across the Energy System. Hydrogen Council. September 8, 2021. (<https://hydrogencouncil.com/en/irena-and-hydrogen-council-forge-alliance-to-scale-up-hydrogen-across-the-energy-system/>).

¹⁰ Hydrogen. Clean Energy Ministerial. (<https://www.cleanenergyministerial.org/initiatives-campaigns/hydrogen-initiative/>).

¹¹ Hydrogen in Latin America: From near-term opportunities to large-scale deployment. IEA. 2021. (https://iea.blob.core.windows.net/assets/65d4d887-c04d-4a1b-8d4c2bec908a1737/IEA_HydrogeninLatinAmerica_Fullreport.pdf).

грации энергетики (CIER) для Латинской Америки и Карибского бассейна, Латиноамериканская энергетическая организация (OLADE), а также амбициозная инициатива «Возобновляемые источники энергии для Латинской Америки и Карибского бассейна» (RELAC).

Последняя была анонсирована 10 декабря 2019 г. во время конференции ООН COP25. Она объединила 11 стран региона, которые обязались к 2030 г. достичь цель по использованию возобновляемых источников энергии на 70%, что более чем в два раза превышает план Европейского союза. Инициатива получила информационную и финансовую поддержку Национальной лаборатории возобновляемых источников энергии (NREL), Латиноамериканской энергетической организации (OLADE), Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (IRENA), Международного энергетического агентства (IEA), Глобального партнерства по стратегиям развития с низким уровнем выбросов (LEDS GP), Партнерства NDC и Всемирного фонда дикой природы.

Потенциал региона по экспорту водорода и продуктов его переработки требует диалога с потенциальными импортерами. Развитие перспективных направлений регионального сотрудничества стран Латинской Америки – например, декарбонизации грузовых перевозок за счет сочетания технологий устойчивой мобильности – могло бы поддержать пилотные проекты в рамках сети, которая обеспечивает региональный экспорт через порты Тихого и Атлантического океанов, тем самым способствуя формированию еще одного «водородного моста»¹², соединяющего Латинскую Америку и Европу.

Можно перечислить несколько первых шагов в указанном направлении. Так, заключено соглашение о продвижении зеленого водорода между Чили и Германией (от 29 июня 2021 г.)¹³, нацеленное на поддержку проектов электролиза за рубежом и создание нового коммерческого маршрута для импорта зеленого водорода. Кроме того, правительства Чили и Нидерландов обнародовали Совместное заявление о торговле низкоуглеродным водородом (июль 2021 г.)¹⁴. Обсуждается также взаимное сотрудничество в области зеленого водорода между Германией и Бразилией¹⁵ и между Россией и Бразилией¹⁶.

¹² В условиях развития водородной энергетики прогнозируют [Борисов 2022] появление новых энергетических сверхдержав, представляющих собой технологических лидеров в сфере производства и разработки оборудования для новой энергетики, а также трансформацию существующих и появление новых торговых и геополитических альянсов. В качестве примеров таковых, наряду с прогнозом превращения ближневосточных и североафриканских государств в государства-экспортеры и утраты доминирующего положения нынешних государств-экспортеров и их объединений, чаще всего приводят формирующиеся «водородные мосты» Северная Африка-Европа и Япония-Австралия. Перечень можно продолжить.

¹³ Chile and Germany Sign Agreement for the Promotion of Green hydrogen. Energy-Partnership Chile-Alemania. (<https://www.energypartnership.cl/newsroom/chile-and-germany-sign-green-hydrogen-agreement/>).

¹⁴ Joint statement of Chile and The Netherlands on collaboration in the field of green hydrogen import and export. Government of the Netherlands. (<https://www.government.nl/documents/diplomatic-statements/2021/07/01/joint-statement-of-chile-and-the-netherlands-on-collaboration-in-the-field-of-green-hydrogen-import-and-export>).

¹⁵ German-Brazilian cooperation on green hydrogen. Federal Ministry for Economic Affairs and Climate Action. 25/05/2022. (<https://www.german-energy-solutions.de/GES/Redaktion/EN/News/2022/20220525-h2-cooperation-brazil.html>).

¹⁶ Joint Statement by President of the Federative Republic of Brazil Jair Bolsonaro and President of the Russian Federation Vladimir Putin. Ministério das Relações Exteriores. Feb 16, 2022. (<https://www.gov.br/mre/en/contact-us/press-area/press-releases/joint-statement-by-president-of-the-federative-republic-of-brazil-jair-bolsonaro-and-president-of-the-russian-federation-vladimir-putin>).

Примерами иных направлений сотрудничества в отношении развития устойчивой и доступной цепочки поставок водорода, включая производство водорода из ВИЭ, служат аргентинско-японское¹⁷ и бразильско-американское¹⁸ сотрудничество.

БРИКС

Важную роль в обеспечении мирового устойчивого развития в части всеобщего доступа к недорогим, надежным и устойчивым источникам энергии играют не только отдельные государства и регионы, но и интеграционные объединения государств. В силу того, что практически весь рост мирового спроса на энергию приходится на быстрорастущие развивающиеся экономики, которые также лидируют по эмиссиям парниковых газов [Ковалев, Поршнева 2021], будет справедливым отнести странами БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) особое место в этом процессе.

Вопросы энергетического сотрудничества, начиная с 2014 г., последовательно включают в повестку БРИКС. Однако лишь в октябре 2020 г. был принят первый комплексный документ, который зафиксировал согласованные планы развития энергетического диалога стран-участниц этого объединения [Синчук 2022]. Он не содержал никаких юридических обязательств, но дополнял договоренности между сторонами – «Дорожную карту» энергетического сотрудничества до 2025 г.¹⁹. Она предусматривает такие этапы работы в рамках Платформы сотрудничества БРИКС в области энергетических исследований, как: выявление наиболее перспективных новых технологий и создание механизмов сотрудничества; определение потребностей и вызовов в области энергетической безопасности и развития энергетики, а также путей повышения роли стран БРИКС в глобальной энергетической повестке; достижение договоренностей о конкретных направлениях и формах сотрудничества с целью содействовать развитию национальных энергетических систем и энергетического перехода.

«Дорожная карта» относит возобновляемые источники энергии к сфере секторального сотрудничества. Отмечается, что страны БРИКС могут извлечь выгоду из обмена передовым опытом и передовыми технологиями возобновляемой энергетики, совместного анализа проблем, связанных с быстрым увеличением доли ВИЭ в энергетическом балансе и расширением распределенной генерации.

Принятая на XII Саммите БРИКС²⁰ (Москва, РФ) в ноябре 2020 г. Московская декларация приветствовала одобрение «Дорожной карты» и начало практического сотрудничества в рамках Платформы сотрудничества БРИКС в области энергетики (ЕРСР), а также подчеркнула важность международного диалога для продвижения интересов стран БРИКС в глобальном масштабе путем укрепления стратегического партнерства.

¹⁷ Memorandum of Cooperation on Hydrogen between the Government Secretariat of Energy, of The ministry of the Treasury of the Argentine Republic and the Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. (https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:2-D3XOhTViAJ:https://tratados.cancilleria.gob.ar/tratado_archivo.php%3Ftratados_id%3DkqWllps%3D%26tipo%3Dkg%3D%3D%26id%3Dkp6pmZY%3D%26caso%3Dpdf+%&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=safari).

¹⁸ Memorandum of Understanding Between the Department of Energy of the United States of America and the Ministry of Mines and Energy of the Federative Republic of Brazil for the Establishment of a Mechanism for Consultations on Energy Cooperation. (https://www.energy.gov/sites/default/files/2014/03/f12/brazil_us_mou_statement.pdf).

¹⁹ Road Map for BRICS Energy Cooperation up to 2025. (<https://brics-russia2020.ru/images/85/29/852976.pdf>).

²⁰ XII BRICS Summit Moscow Declaration. Ministério das Relações Exteriores. Nov 17, 2020. (<https://www.gov.br/mre/en/contact-us/press-area/press-releases/xii-brics-summit-moscow-declaration>).

В свою очередь, принятая в сентябре 2021 г. в рамках XIII Саммита БРИКС (Нью-Дели, Индия)²¹ декларация, отметив перспективность водорода для энергетического перехода каждой страны и для создания надежных энергетических систем и укрепления энергетической безопасности, расширила круг приоритетных направлений энергетического сотрудничества.

Значимым событием 2021 г. в рассматриваемой сфере стал Саммит по инициативам «зеленого водорода»²² с участием стран БРИКС, в ходе которого обсуждались варианты финансирования новых технологий зеленого водорода и институциональной поддержки, необходимой для создания экосистемы, с целью лучшего понимания водородного ландшафта с точки зрения БРИКС. Итогом Саммита стал вывод о том, что зеленый водород всегда был стратегически важным направлением в повестке дня стран БРИКС. Участники также отметили, что целесообразно было бы принять общий международный стандарт безопасности транспортировки и хранения больших объемов водорода и разработать соответствующий сертификат происхождения.

Кроме того, следует отметить подготовку проекта Справочника энергетических исследований БРИКС²³ – документа, которому отводится ключевая роль в развитии исследовательского сотрудничества в области низкоуглеродных технологий между странами-членами, а также между академическими и правительственными кругами.

Дальнейшее продвижение сотрудничества в области «зеленого» развития объявил Китай, страна-председатель БРИКС на 2022 г., назвав его одним из векторов ускоренного пути БРИКС для глобального развития²⁴. Однако принятая 23 июня 2022 г. Пекинская декларация XIV саммита БРИКС²⁵ вопросов развития водородной энергетики напрямую не коснулась, подчеркнув основополагающую роль энергетической безопасности в достижении Целей устойчивого развития и приветствуя достижения объединения в энергетической сфере. Согласно документу, совместная деятельность в формате «БРИКС плюс» придаст новый импульс укреплению международного сотрудничества и солидарности в выполнении Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. В ходе саммита о намерении присоединиться к БРИКС заявили Иран и Аргентина – государства, которые активно продвигают водородную энергетику.

Двустороннее сотрудничество стран БРИКС в области водородной энергетики развивается как в рамках объединения, так и с третьими странами. Так, примерами первого вида сотрудничества служат совместное заявление по итогам XXI российско-индийского саммита «Россия-Индия: партнерство во имя мира, прогресса и процветания» от 6 декабря 2021 г.²⁶, а также Меморандум о взаимопонимании между Минэкономразвития России и Минкоммерции КНР по вопросу углубления инвестиционного сотрудничества в области устойчивого («зеленого») развития, подписанный в рамках Российско-

²¹ XIII BRICS Summit - New Delhi Declaration. Ministério das Relações Exteriores. Sep 09, 2021. (<https://www.gov.br/mre/en/contact-us/press-area/press-releases/xiii-brics-summit-new-delhi-declaration>).

²² India to hold 2-day BRICS meet on Green Hydrogen initiatives. Business Standard. June 20, 2021. (https://www.business-standard.com/article/current-affairs/india-to-hold-2-day-brics-meet-on-green-hydrogen-initiatives-121062000452_1.html).

²³ BRICS Energy Research Directory 2021. (<http://www.brics.utoronto.ca/docs/210902-energy-research-directory.pdf>).

²⁴ Wang Yi (2022) Asia's time has come in global governance. BRICS2022. (http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/dtxw/202203/t20220309_10650092.html).

²⁵ Пекинская декларация XIV саммита БРИКС. Kremlin.ru.23.06.2022. (<http://kremlin.ru/supplement/5819>).

²⁶ Совместное заявление по итогам XXI российско-индийского саммита «Россия – Индия: партнерство во имя мира, прогресса и процветания». Kremlin. ru. 6 декабря 2021 года. (<http://www.kremlin.ru/supplement/5745>).

Китайского саммита в Пекине 4 февраля 2022 г.²⁷. Оба документа направлены на поощрение взаимодействия и инвестиций в проекты и технологии водородной энергии. Примерами второго вида сотрудничества можно назвать индийско-германское партнерство в области «зеленого» водорода и последовательного развития, а также индийско-датское «зеленое» партнерство.

Таким образом, несмотря на то, что для БРИКС в энергетической сфере более характерен двусторонний формат сотрудничества [Мастепанов 2016], следует отметить тенденцию к интенсификации многостороннего сотрудничества – принятие первого многостороннего акта в области энергетики, проведение саммитов на регулярной основе, расширение повестки дня – что отвечает интересам развития водородной энергетики как в рамках объединения в целом, так и между государствами-членами. Преимущество в условиях энергетического перехода будут иметь «первопроходцы», потому что «правительства и объединения, которые раньше других разработают новаторскую политику и технологии... с большей вероятностью получают выгоду от экспорта» [Grigoryev 2021]. В силу того, что потенциалом в области водородной энергетики обладают все государства БРИКС, всестороннее взаимодействие в данной сфере может обеспечить им успешное продвижение своих интересов в условиях формирования новой мировой энергетической системы, в том числе в части влияния на выработку новых регуляторных процедур, терминологии и стандартов. Условиями активной роли в зарождающихся глобальных механизмах управления энергетикой [Fumagalli 2020] для БРИКС выступают проведение согласованной политики, чтобы преодолеть неравномерный темп энергетических преобразований в странах-участниках; курс на внедрение новых «чистых» технологий, – в частности на развитие водородного транспорта; производство водорода и развитие водородных технологий, а также сопутствующая ему экологическая трансформация.

Евразийский экономический союз

Что касается другого евразийского интеграционного объединения – Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – следует отметить, что вопросы развития ВИЭ изначально не были отражены в положениях договора о его создании. Ситуация начала меняться с 2018 г. после подписания Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС²⁸, которая отражает намерение государств-членов осуществлять совместные проекты в области зеленых технологий, энергосбережения, энергоэффективности, ВИЭ и др. Данное направление было подкреплено заявлением глав государств-членов ЕАЭС²⁹ от октября 2021 г., согласно которому международный обмен и недискриминационное использование технологий, обеспечивающих сокращение парниковых выбросов, рассматриваются в качестве одного из направлений экономического сотрудничества государств-членов ЕАЭС в рамках климатической повестки. Следует отметить, что ESG-повестку

²⁷ Меморандум о взаимопонимании между Министерством экономического развития Российской Федерации и Министерством коммерции Китайской Народной Республики по вопросу углубления инвестиционного сотрудничества в области устойчивого («зеленого») развития. Kremlin. ru. 4 февраля 2022 года. (<http://kremlin.ru/supplement/5769>).

²⁸ Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. (https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018).

²⁹ Заявление об экономическом сотрудничестве государств-членов Евразийского экономического союза в рамках климатической повестки. ЕЭК. 14.10.2021. (<https://eec.eaeunion.org/news/zayavlenie-ob-ekonomicheskom-sotrudnichestve-gosudarstv-chlenov-%20evrazijskogo-ekonomicheskogo-soyuza-v-ramkah-klimaticheskoy-povestki/>).

включили в Стратегию развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.³⁰, в соответствии с которой предполагается объединить усилия по созданию и использованию новых технологий и инноваций – в т.ч. «зеленых» технологий и ВИЭ.

В условиях санкций, направленных на отказ от российских энергоресурсов, перед ЕАЭС остро встал вопрос о необходимости расширения стратегии – в том числе за счет придания ключевого значения водородной энергетике. Данное направление нашло практическое воплощение в договоренности о целесообразности начать совместную научно-исследовательскую деятельность в области разработки проектов, связанных с водородом, чтобы повысить конкурентоспособность водородной энергетике в странах ЕАЭС. Речь шла и о создании рабочей группы в сфере водородной энергетике с участием научно-исследовательских организаций³¹.

«Формирование кластеров по апробации водородных технологий, сотрудничество с предприятиями и научными организациями по созданию электролизеров и топливных элементов, принятие технических решений для производства водорода на АЭС и транспорта на водороде, а также проработка механизмов финансирования проектов в области водородной энергетике» станут, как следует из выступления министра по промышленности и агропромышленному комплексу Евразийской экономической комиссии А. Камалаяна, «конкретными шагами для дальнейшего развития отрасли» в рамках ЕАЭС³².

Еще одним шагом в развитии сотрудничества в области водородной энергетике стало соглашение о совместной работе РОСНАНО и Евразийского банка развития по реализации проектов в сфере альтернативной энергетике, высоких технологий и «зеленого» водорода в странах ЕАЭС, подписанное на полях Петербургского международного экономического форума 3 июня 2021 г.³³

Также необходимо отметить, что ЕАЭС в рамках Большого евразийского партнерства развивает сотрудничество в рассматриваемой области с другими объединениями, действующими на евразийском пространстве. В частности, формирование и реализация энергетической политики в Азиатско-тихоокеанском регионе стало одним из пунктов Программы сотрудничества между ЕАЭС и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) на 2020–2025 гг., а также акцентом Меморандума о взаимопонимании между ЕЭК и Секретариатом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)³⁴.

Интеграционные объединения Азиатско-Тихоокеанского региона

Что касается развития взаимодействия в сфере водородной энергетике в рамках Шанхайской организации сотрудничества, в которой принимают участие практически все

³⁰ О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. Утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 12.12.2020 № 12. (https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/ett_12012021_12).

³¹ В ЕЭК рассмотрели перспективы развития в Союзе водородной энергетике. ЕЭК. 27.09.2021. (https://eec.eaeunion.org/news/v-cek-rassmotreli-perspektivy-razvitiya-v-soyuze-vodorodnoj-energetiki/?sphrase_id=105167).

³² Страны евразийской «пятерки» развивают инновационное сотрудничество в промышленности. DKN World News. 12 июня. (<https://dknews.kz/ru/ekonomika/239913-strany-evraziyskoj-pyaterki-razvivayut-innovacionnoe>).

³³ РОСНАНО и ЕАБР намерены реализовать в ЕАЭС проекты в сфере альтернативной энергетике. In-power.ru. 03.06.2021. (<https://www.in-power.ru/news/alternativnayaenergetika/38447-rosnano-i-eabr-namereny-realizovat-v-eaes-proekty-v-sfere-alternativn.html>).

³⁴ ЕЭК и Секретариат Шанхайской организации сотрудничества подписали меморандум о взаимопонимании в рамках юбилейного саммита ШОС/ЕЭК. 17.09.2021. (<https://eec.eaeunion.org/news/cek-i-sekretariat-shanhajskoj-organizatsii-sotrudnichestva-podpisali-memorandum-o-vzaimoponimanii-v-ramkah-yubilejnogo-sammitta-shos/>).

государства-члены ЕАЭС, то в принятой 12 августа 2021 г. Концепции сотрудничества государств-членов ШОС в энергетической сфере внедрению «зеленой» энергетики и энергоэффективных технологий уделено особое внимание. На более широкое внедрение ресурсосберегающих и экологически чистых технологий направлена принятая на юбилейном саммите ШОС (17 сентября 2021 г.) Программа «Зеленого пояса» Шанхайской организации сотрудничества³⁵.

Кроме того, наряду с Энергетическим клубом ШОС, который служит площадкой для взаимодействия всех заинтересованных производителей и потребителей энергоресурсов стран организации, учреждена Рабочая группа государств-членов ШОС в сфере энергетики. Ее цель заключается в том, чтобы определить перспективные направления практического сотрудничества.

Для Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) вопросы безопасности и международного сотрудничества в энергетической сфере не считаются новым направлением [Копылов 2011]. Развитие региональных энергетических проектов, в том числе и в сфере возобновляемой энергетики, энергоэффективности и энергосбережения, было предусмотрено еще в Плане действий АСЕАН в сфере энергетического сотрудничества на 2010–2015 гг.

В настоящее время, по данным Института экономических исследований, в АСЕАН и Восточной Азии выявлен значительный потенциал спроса и предложения на водородную энергию. Так, например, с конца 2019 г. Бруней экспортирует сжиженный водород в Японию. Сингапур также тесно сотрудничает с японскими компаниями в изучении разработки водорода как экологически чистого топлива, чтобы стимулировать экономику и сократить выбросы углерода. Однако водород все еще официально не включен в повестку дня стран региона в качестве альтернативного топлива, в то время как в Плане действий АСЕАН по сотрудничеству в области энергетики на 2021–2025 гг. предусмотрены политические меры для развития альтернативных технологий, таких как хранение водорода с целью ускорить энергетический переход в регионе и укрепить энергетическую устойчивость за счет инноваций и сотрудничества. Данной цели должна способствовать кооперация с Россией, что следует из совместного заявления Россия-АСЕАН по итогам IV саммита Россия-АСЕАН в октябре 2021 г.³⁶. Сотрудничество направлено на расширение совместных исследований, развития, производства и использования всех источников энергии (включая возобновляемые и альтернативные), внедрения низкоуглеродных и энергоэффективных устойчивых энергетических технологий.

Как справедливо отмечают исследователи³⁷, для успешной адаптации к формированию новой международной энергетической системы АСЕАН необходимо разработать дорожную карту развития водорода с общим соглашением о политических стимулах, которые будут содействовать этому процессу, а также проводить четкую инвестиционную политику по содействию разработке и внедрения водорода.

Что касается сотрудничества в данной области в рамках таких региональных экономических инициатив, как Транстихоокеанское партнерство и «Один пояс, один путь», то, например, к последнему неофициально добавляют и «зеленую» концепцию «Пояса и пути» [Корнеев 2021].

³⁵ Документы саммита Шанхайской организации сотрудничества. Kremlin.ru. 17 сентября 2021 года. (<http://www.kremlin.ru/supplement/5698>).

³⁶ Саммит Россия – АСЕАН. Kremlin.ru. 28 октября 2021 года. (<http://kremlin.ru/events/president/news/67019>).

³⁷ Phoumin H. (2021) The Role of Hydrogen in ASEAN's Clean Energy Future. NBR. August 20, 2021. (<https://www.nbr.org/publication/the-role-of-hydrogen-in-aseans-clean-energy-future/>).

В международных цепочках торговли водородом для энергетических нужд АСЕАН активно участвуют Япония, Китай и Южная Корея. Недавно совместными усилиями они создали крупнейшее экономическое интеграционное образование в Восточной Азии – Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП)³⁸. Оно также включило в свою повестку инновационное энергетическое сотрудничество, одним из направлений которого выступает водородная энергетика. Сотрудничество между членами ВРЭП может помочь достичь конкурентоспособности на экспортном рынке водорода не только действующим сильным игрокам, но и новым участникам рынка.

Европейский союз

ЕС активно продвигает идею глобальной декарбонизации; приняв «Зеленый» курс (Green Deal), союз вступил на путь трансформации экономики и преобразований в энергетической системе, в которой водороду отведена ключевая роль. «Водородная стратегия для климатически нейтральной Европы»³⁹, опубликованная в 2020 г., предусматривает меры по содействию быстрому и целенаправленному развитию производственных мощностей для зеленого водорода. Одной из таких мер считается и международное сотрудничество – как с соседними странами, так и в рамках международных учреждений – с целью создать международные стандарты, сформулировать единые определения и общие подходы к методологии.

Учрежденный в дополнение к стратегии Европейский альянс чистого водорода (The European Clean Hydrogen Alliance) – структура, которой отводится ведущая роль в становлении и формировании будущего водородного рынка в Европе. Альянс призван содействовать расширению производства, распределению и внедрению возобновляемых и низкоуглеродных источников водорода до 2030 г. [Белов 2020]. Эта организация уже выступила с несколькими инициативами по привлечению заинтересованных сторон в области водорода и поощрению инвестиций. Однако к 2021 г. для достижения заявленных показателей потребовалась скорректировать взятый курс, что привело к принятию соглашения «Fit for 55»⁴⁰, которое поставило цель произвести до 5,6 млн тонн зеленого водорода к 2030 г. Кроме того, с принятием Пакета декарбонизации рынка водорода и газа⁴¹ Комиссией ЕС в декабре 2021 г. начался пересмотр существующего газового законодательства ЕС для создания нормативно-правовых рамок производства и торговли водородом.

На выполнение положений Fit for 55 опирается REPowerEU⁴² – принятый в мае 2022 г. план Европейской комиссии сделать Европу независимой от российского ископаемого топлива до 2030 г. в свете «вторжения» России на Украину. План предусматривает быстрое снижение зависимости от российского ископаемого топлива и ускорение зеленого перехода

³⁸ Подписание Соглашения о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) состоялось 15 ноября 2020 г., с 1 января 2022 г. оно вступило в силу для 10 стран АТР (Австралия, Бруней, Камбоджа, Китай, Япония, Лаос, Новая Зеландия, Сингапур, Таиланд и Вьетнам).

³⁹ A hydrogen strategy for a climate-neutral Europe. COM (2020) 301 final. Brussels. 8.7.2020. (https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/hydrogen_strategy.pdf).

⁴⁰ Fit for 55. Council of the EU and the European Council. (<https://www.consilium.europa.eu/en/policies/green-deal/fit-for-55-the-eu-plan-for-a-green-transition/>)

⁴¹ Hydrogen and decarbonised gas market package. European Commission. (https://energy.ec.europa.eu/topics/markets-and-consumers/market-legislation/hydrogen-and-decarbonised-gas-market-package_en).

⁴² REPowerEU Plan: Communication from the Commission to the European Parliament, The European Council, The Council, The European Economic and Social Committee and The Committee Of The Regions. COM(2022) 230 final. Brussels. 18.5.2022. (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52022DC0230&from=EN>).

при одновременном повышении устойчивости общеевропейских энергетических систем. Наряду с иными мерами с этой целью предполагается: проводить общие закупки водорода через Энергетическую платформу ЕС для всех государств-членов; наладить новые энергетические партнерские отношения с надежными поставщиками; в сжатые сроки развернуть проекты в области солнечной и ветроэнергетики в сочетании с возобновляемым водородом и утвердить первые общеевропейские водородные проекты в краткосрочной перспективе, а также создать водородный ускоритель для производства электролизеров мощностью 17,5 ГВт и разработать современную нормативно-правовую базу для водорода – в среднесрочной (до 2027 г.).

Как следует из Плана, возобновляемый водород рассматривается в качестве «ключа» к замене природного газа, угля и нефти в труднодекарбонируемых отраслях и на транспорте. Также следует отметить, что наряду с зеленым водородом другие формы водорода также играют важную роль в замене природного газа. REPowerEU устанавливает цель в 10 млн тонн внутреннего производства возобновляемого водорода и такое же количество импортируемого возобновляемого водорода к 2030 г. Для достижения поставленных показателей планируется: быстро завершить пересмотр пакета рынка водорода и газа; пополнить инвестиции Horizon Europe в Совместное предприятие по водороду, чтобы удвоить количество водородных долин; вынести на общественное рассмотрение два делегированных акта об определении и производстве возобновляемого водорода; завершить оценку первых важных проектов общего европейского интереса по водороду к лету 2023 г.; ускорить работу над недостающими стандартами водорода – в частности для производства водорода, инфраструктуры и конечного использования приборов; с 2025 г. сообщать в тесном сотрудничестве с государствами-членами о поглощении водорода и использовании возобновляемого водорода в труднодоступных приборах в промышленности и на транспорте.

В качестве шагов по достижению обозначенной выше цели можно расценивать обязательство промышленности к 2025 г. десятикратно увеличить соответствующие производственные мощности, закрепленное в принятой на Европейском электролизерном саммите (05.05.2022) Совместной декларации, а также обсуждение проектов правовых актов, направленных на уточнение определения возобновляемого водорода [Белов 2022].

Достижением цели REPowerEU по диверсификации поставок и поддержке Энергетической платформы ЕС занимается Целевая группа по энергетической платформе ЕС. Она создана для обеспечения альтернативных поставок и агрегирует спрос, проводит координацию потенциала и переговоры по энергоснабжению, оказывает поддержку Региональным целевым группам государств-членов и соседних стран, а также управляет охватом международных партнеров. Согласно плану, ожидается, что объединенная международная деятельность будет сосредоточена на заключении долгосрочных рамок сотрудничества с доверенными партнерами посредством обязательных или необязательных соглашений, которые поддерживают разработку проектов по закупке газа, водорода и чистой энергии при полном использовании коллективной силы союза.

Кроме того, в выполнение плана REPowerEU вносит свой вклад утвержденный Европейской Комиссией 15 июля 2022 г. IPCEI Hy2Tech – «первый в истории важный проект, представляющий общий европейский интерес в водородном секторе»⁴³. В нем участвуют 35 компаний и 41 проект из 15 государств-членов. Проект направлен на разработку инно-

⁴³ Remarks by Executive Vice-President Vestager on Important Project of Common European Interest in the hydrogen technology value chain. European Commission. 15 July 2022. (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_22_4549).

вационных технологий для водородной цепочки создания стоимости с целью декарбонизации промышленных процессов и мобильности.

Рассмотренные выше документы призваны обеспечивать сотрудничество в областях, где более эффективно действовать скоординированно на уровне ЕС, а не на национальном уровне. Ключевым фактором для достижения заявленных в них целей должно стать обновление национальных энергетических планов и стратегий, в том числе и в рассматриваемой сфере. В настоящее время водородные стратегии разработаны почти во всех странах ЕС, однако они значительно различаются. Так, например, в Германии упор делается на химическую, нефтехимическую и сталелитейную промышленность, а также на автомобили большой грузоподъемности; во Франции – на замену водорода на основе углерода в существующих промышленных секторах и производство электролизеров; в Нидерландах – на развитие водородной инфраструктуры для подключения различных пользователей; в Норвегии – на производство водорода рядом с клиентами и транспортировку CO₂ обратно в Норвегию для хранения; в Испании и Португалии – на производстве и внутреннем потреблении возобновляемого водорода с долгосрочными целями экспорта⁴⁴.

Несмотря на различия, Евросоюзу крайне важно, чтобы национальные амбиции со временем переросли в единую стратегию на европейском уровне. Как справедливо отмечают исследователи, структурные различия между странами ЕС открывают потенциал для нового европейского разделения труда в рамках общей водородной сети с точки зрения как производства, так и потребления, что подчеркивает необходимость межстранового сотрудничества при планировании европейской водородной инфраструктуры [Wolf, Zander 2021]. Способствовать такому сотрудничеству должен и упомянутый выше Альянс. Он открыт для всех заинтересованных сторон (промышленных компаний, государственных структур, научно-исследовательского и инновационного сообщества, а также для представителей гражданского общества), которые планируют использовать возобновляемый и низкоуглеродистый водород и стремятся внести вклад в его внедрение, используя перспективные водородные технологии и оборудование при сотрудничестве с соответствующими партнерскими сетями ЕС в области исследований, разработок и инноваций [Белов 2020].

В целом, вполне можно рассматривать в качестве всеобъемлющей дорожной карты совокупность документов, нацеленных на переход к углеродно-нейтральной экономике и обществу в Европе на принципах экономики замкнутого цикла и использования водорода в больших масштабах в качестве топлива, как средства для хранения энергии и в качестве сырья для различных отраслей промышленности [Bonciu 2020] («Зеленый» курс, Новая промышленная стратегия для Европы, Стратегия ЕС по интеграции энергетической системы, Водородная стратегия для климатически нейтральной Европы). В то же время принятие REPowerEU в качестве первого шага для создания внутреннего рынка водорода и декарбонизированных газов, а также регулирование сектора декарбонизированного газа стали серьезной заявкой на роль крупного игрока в современном геополитическом энергетическом ландшафте.

Тем не менее, в конечном итоге, как отмечают И. Копытин и А. Попадько, перспективы развития водородной энергетики зависят от способности компаний реального сектора интегрировать водород в свои бизнес-модели [Копытин, Попадько 2021]. В рамках данной статьи рассмотреть все международные проекты ведущих европейских компаний не представляется возможным. Отметим некоторые из них, например:

⁴⁴ Hydrogen on the Horizon: Ready, Almost Set, Go? Working Paper | National Hydrogen Strategies. World Energy Council. September 20, 2021. (https://www.worldenergy.org/assets/downloads/Working_Paper_-_National_Hydrogen_Strategies_-_September_2021.pdf).

- проект по зеленому водороду NorthH2, который реализуют Royal Dutch Shell совместно с RWE, Equinor, Gasunie и Groningen Sea Ports;
- H2SHIPS – проект ЕС, направленный на развитие инфраструктуры для судоходства с использованием водородного двигателя, который осуществляет дочерняя компания EDF Group;
- HyLaw – финансируемый FCH JU проект, направленный на привлечение внимания к правовым барьерам, которые должны быть устранены, объединил 23 партнера из Австрии, Бельгии, Болгарии, Дании, Финляндии, Франции, Германии, Венгрии, Италии, Латвии, Норвегии, Польши, Румынии, Испании, Швеции, Португалии, Нидерландов и Соединенного Королевства;
- GET H2 – проект по строительству интегрированной водородной инфраструктуры, связывающей электроэнергетику, теплоэнергетику, промышленность и транспорт по всей цепочке создания стоимости, в котором участвуют компании RWEGeneration, Nowega, OGE, Gascade, БП, BASF, Stadtwerke Lingen, Hydrogenious Technologies и др.

Также при поддержке ArcelorMittal, Enagás, Fertiberia и DH2 Energy реализуется HyDeal Spain – крупнейший в мире проект (по оценке IRENA) по возобновляемым водородом для производства зеленой стали, зеленого аммиака и зеленых удобрений. Компания BP Plc возглавит еще один из числа крупнейших в мире проектов в области чистой энергетики AREH, цель которого – поставка зеленого водорода из Австралии на ключевые рынки.

В качестве примера новейших водородных проектов европейских компаний можно привести крупное хранилище водорода, которое строит концерн Uniper SE, инвестиции Robert Bosch GmbH в разработку компонентов для электролизного производства водорода до 2030 г., проект Deutsche Bahn AG и Siemens Mobility GmbH по созданию поезда на водородном топливе и др. [Белов2022].

Правовое обеспечение водородной энергетики

Для формирования новой отрасли экономики принципиальное значение имеет не только международная система нормативно-правового регулирования, но и национальные. В настоящее время водородная энергетика находится только в начале своего пути. По мере ее развития начинает складываться и нормативно-правовое регулирование в данной области. На сегодняшний день можно констатировать отсутствие всеобъемлющей и четко определенной законодательной базы, необходимой для формирования водородной энергетики.

Интерес к водороду возрастает, и все большее количество государств включается в развитие цепочек создания стоимости чистого водорода. Показательно, что за последние 5 лет количество государств, которые разработали или разрабатывают стратегии использования водорода, возросло с 1 до 30⁴⁵. Однако существуют значительные различия в масштабах и деталях их стратегий.

В ряд стран, претендующих на лидерство в области чистых водородных технологий, входят Япония, США, Германия, Южная Корея, Китай и Россия. Важную роль в его достижении сыграет политика по регулированию и стимулированию участников отрасли и потребителей, а также разработка нормативно-правовой базы для облегчения производства водорода.

⁴⁵ Geopolitics of the Energy Transformation: The Hydrogen Factor, International Renewable Energy Agency. IRENA. 2022 Abu Dhabi.

Так, например, Япония первой приняла национальную водородную стратегию (2017 г.) и объявила о намерении создать «водородное общество» за счет широкого использования водорода во всех секторах экономики. Однако она еще не приняла законы, касающиеся использования водорода⁴⁶. Безопасность водорода регулируют положения Закона о безопасности газа высокого давления⁴⁷, а его хранение и транспортировку, наряду с выше-названным актом, – Закон о дорожном транспорте⁴⁸, Закон о дорогах⁴⁹, Закон о морских портах, правила перевозки опасных грузов и иные правила, устанавливающие технические стандарты. Вопросы экологической безопасности при обращении с водородом координируют Закон о борьбе с загрязнением воздуха⁵⁰, Закон о регулировании шума⁵¹, Закон о регулировании вибрации⁵² и др.

Регулирование в рассматриваемой сфере в США на федеральном уровне восходит к 90-м гг. XX в. и основано на положениях Закона об исследованиях, разработках и демонстрационных программах Spark M. Matsunaga⁵³, Закона о водородном будущем (1996 г.)⁵⁴, Закона об энергетической политике (2005 г.)⁵⁵, Закона об энергетической независимости и безопасности (2007 г.), а также на 45Q Tax Credit⁵⁶. В рамках последнего акта только в июле 2020 г. на финансирование 18 проектов по доступному производству, хранению, транспортировке и применению водорода было выделено около 64 млн долл. США [Azni, MdKhalid 2021]. В 2002 г. была принята Национальная дорожная карта по водородной энергетике⁵⁷. Также важно отметить, что каждый штат США имеет свои дорожные карты для создания водородной инфраструктуры. Министерство энергетики США признает Калифорнию, Техас и Луизиану основными штатами-производителями водорода.

В Южной Корее водородная энергетика подпадает под действие Закона о развитии и использовании технологий альтернативной энергетики, принятого еще в 1987 г. Следующим шагом по созданию правовой базы регулирования отношений в рассматриваемой сфере стало принятие в 2019 г. Дорожной карты водородной экономики до 2040 г. в Корее⁵⁸, затем – принятие в 2020 г. Закона о содействии водородной экономике и управлении безопасностью водородной энергетики (Закон о водородной экономике)⁵⁹.

⁴⁶ Niunoya M., Shima M., Masaki K. Hydrogen law and regulation in Japan. CMS. 2021. (<https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-hydrogen/japan>).

⁴⁷ High Pressure Gas Safety Act. Act No. 204 of June 7, 1951. (<https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/1974>).

⁴⁸ Road Traffic Act. 1960. Act No. 32 of 2022. Official Gazette on April 27, 2022. (<https://perma.cc/LJA3-7YHL>).

⁴⁹ Road Transport Vehicle Act Amended. Act No. 185 of 1951. (<https://perma.cc/KRD3-8WXU>).

⁵⁰ Air Pollution Control Act. Act No. 97 of June 10, 1968 (2018 ed.). (<https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3561/en>).

⁵¹ Noise Regulation Law. Ministry of the Environment Government of Japan. (<https://www.env.go.jp/en/laws/air/noise/ap.html>).

⁵² Vibration Regulation Law. Ministry of the Environment Government of Japan. (<https://www.env.go.jp/en/laws/air/vibration/ap.html>).

⁵³ Spark M. Matsunaga Research, Development, and Demonstration Program Act. (https://www.hydrogen.energy.gov/pdfs/matsunaga_act_1990.pdf).

⁵⁴ Hydrogen Future Act of 1996. (https://www.hydrogen.energy.gov/pdfs/hydrogen_future_act_1996.pdf).

⁵⁵ Energy Policy Act of 2005. (<https://www.energy.gov/sites/prod/files/2014/03/f14/EPAof2005.pdf>).

⁵⁶ 45Q Tax Credit. Cornell Law School. (<https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/45Q>).

⁵⁷ National Hydrogen Energy Roadmap. (https://www.hydrogen.energy.gov/pdfs/national_h2_roadmap.pdf).

⁵⁸ Hydrogen Economy Roadmap of Korea. Ministry of Trade, Industry and Energy. (https://docs.wixstatic.com/ugd/45185a_fc2f37727595437590891a3c7ca0d025.pdf).

⁵⁹ Act on Fostering the Hydrogen Economy and Hydrogen Safety Management. (<https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=213891&chrClsCd=010202&urlMode=lsInfoP&efYd=20210205&ancYnChk=#0000>).

Германия также одно из немногих государств, где существует специальное законодательство в данной области. Наряду с принятой в 2020 г. Национальной водородной стратегией⁶⁰ действуют: обновленный Закон об энергетике⁶¹, содержащий положения для регулирования водородных сетей, а также Закон об электромобильности⁶² и План действий по борьбе с изменением климата до 2050 г.⁶³

В отличие от вышеназванных стран, Китай еще не вводил законы или административные положения об использовании водородной энергии. Однако в Законе об энергетике⁶⁴ водород указан в числе источников энергии, также он подлежит включению в энергетическую статистику Национального бюро статистики.

Согласно Указу Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.»⁶⁵ и положениям «Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 г.»⁶⁶, водородная энергетика входит в число приоритетных направлений государственной энергетической политики, и ее развитие считается одной из стратегических задач, стоящих перед государством. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. отнес водородные технологии к наиболее перспективным направлениям научных исследований технологий.

Программа мероприятий, призванная обеспечить формирование в России водородной энергетике, утверждена «дорожной картой» по развитию водородной энергетике в Российской Федерации до 2024 г.⁶⁷ Результатом первого этапа ее реализации стала разработка и утверждение Концепции развития водородной энергетике в России⁶⁸.

К первоочередным мерам, которые должны быть приняты на первом этапе развития отрасли, отнесена и деятельность по созданию нормативно-правовой базы, необходимой для функционирования водородной энергетике и ее интеграции в экономику страны с выходом на международные рынки. Существующее в настоящее время нормативно-правовое обеспечение включает систему стандартов, регулирующих генерацию, хранение, транспортировку и некоторые виды использования водорода, которые устанавливают единую терминологию, требования безопасности, методы испытания и др., а также нормы законодательства в сфере энергоснабжения, которые носят в основном декларативный и программный характер и лишь косвенно регулируют отношения в рассматриваемой области.

⁶⁰ National Hydrogen Strategy. The Federal Government. (https://www.bmwi.de/Redaktion/EN/Publikationen/Energie/the-national-hydrogen-strategy.pdf?__blob=publicationFile&v=6).

⁶¹ Energy Act amendment. 4 July 2021.

⁶² Electric Mobility Act of 2015. (https://www.now-gmbh.de/wp-content/uploads/2022/04/NOW_Leitfaden-EmoG_03.22.pdf).

⁶³ Climate Action Plan 2050. Federal Environment and Consumer Protection Ministry. (<https://www.bmuv.de/en/download/climate-action-plan-2050>).

⁶⁴ 国家能源局关于《中华人民共和国能源法（征求意见稿）》公开征求意见的公告. National Energy Administration. 2020-04-10. (http://www.nea.gov.cn/2020-04/10/c_138963212.htm).

⁶⁵ Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

⁶⁶ Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года». СЗ РФ. 2020. № 24. Ст. 3847.

⁶⁷ План мероприятий («дорожная карта») по развитию водородной энергетике в Российской Федерации до 2024 года, утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 октября 2020 г. № 2634-р. Министерство энергетики РФ. (<https://minenergo.gov.ru/node/19194>).

⁶⁸ Распоряжение Правительства РФ от 05.08.2021 г. № 2162-р «Об утверждении Концепции развития водородной энергетике в Российской Федерации». (<http://static.government.ru/media/files/5JFns1CDAKqYKzZ0mnRADAw2Nqcvsexl.pdf>).

В поисках подходов к правовому оформлению водородной энергетики юристы отмечают возможность распространить законодательство о газоснабжении на отношения в сфере обращения водорода [Семенович 2022, 195–199], а также использовать уже созданную инфраструктуру нефтегазовой отрасли для реализации водородных проектов с адресной проработкой проектов по созданию инфраструктурных решений для водородной энергетики [Василькова 2022].

Как отмечается в юридической литературе [Семенович 2022, Ратушняк 2021], для эффективного нормативно-правового обеспечения формирующейся отрасли энергетики предстоит решить ряд задач: разработать и законодательно закрепить определение понятия водорода, включить водород в перечень стратегических энергоресурсов, определить правовой режим водорода как объекта общественных отношений, сформировать систему связей между субъектами водородной энергетики и др. Также немаловажное значение для совершенствования нормативно-правовой базы развития водородной энергетики имеет, наряду с мерами по созданию механизмов стимулирования и государственной поддержки развития водородной энергетики, изменение налогового законодательства в рамках поддержки развития водородной энергетики, а также внесение изменений и дополнений в систему торгового и таможенного регулирования.

К проблемным моментам следует отнести и вопрос о включении водорода в возобновляемые источники энергии. ФЗ РФ «Об электроэнергетике»⁶⁹ содержит закрытый перечень видов энергии, относящихся к возобновляемым, в котором водород не указан. В результате водородная энергетика лишена доступа к мерам государственной поддержки, направленных на стимулирование возобновляемых источников энергии. Одновременно в других странах стимулированию развития водородной энергетики уделяется повышенное внимание. Так, например положения Закона США об энергетической политике определяют водород как альтернативное топливо, что позволяет использовать все выгоды, предусмотренные настоящим Законом. В свою очередь, в Южной Корее в Закон о развитии и использовании технологий альтернативной энергетики 1987 г. включено понятие новой и возобновляемой энергии, к которой отнесена водородная. В законодательстве Франции закреплены и определены такие понятия, как «возобновляемый водород», «низкоуглеродный водород» и «водород на основе углерода».

Справедливости ради необходимо отметить, что на сегодняшний день регулирование водородной энергетики в зарубежных странах также не свободно от пробелов, тормозящих развитие отрасли. Например, законодательство Германии не охватывает такие аспекты, как улавливание и хранение выбросов, связанных с производством голубого водорода. В то же время включенные в Закон об энергетике новые правила носят лишь переходный характер, а технические правила для увеличения смешивания водорода с сетью природного газа все еще находятся в стадии рассмотрения⁷⁰. Французское законодательство не регулирует продажу водорода⁷¹. В США к проблемным моментам относится необходимость модернизировать нормы и стандарты, применимые к системам хранения водорода и технологиям сопряжения, а также отсутствие стандартизации аппаратного обеспечения и рабочих процедур.

⁶⁹ Федеральный закон РФ от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике». СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.

⁷⁰ CMS expert guide to hydrogen energy law and regulation facing the future of hydrogen. CMS. (<https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-hydrogen>).

⁷¹ Hydrogen law and regulation in France. CMS. (<https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-hydrogen/france>).

Помимо законодательных мер, развитие водородной энергетики регулируют такие инструменты, как стандартизация и сертификация. Однако на данном этапе приоритеты стандартизации между государствами сильно различаются. Сложившаяся ситуация затрудняет сотрудничество и задерживает развитие спроса на водород и инвестиции, а также вызывает вопросы о гармонизации⁷². Удачным примером инициатив в области стандартов можно назвать предложение Японии о разработке международных правил морской перевозки сжиженного водорода через Международную морскую организацию (ИМО). Из стандартов, принимаемых государствами, следует упомянуть «Стандарт и оценку низкоуглеродного водорода, чистого водорода и возобновляемого водорода», выпущенный Китаем в декабре 2020 г., – «первый официальный стандарт зеленого водорода в мире, который предоставляет методы расчета парниковых газов для различных путей производства водорода» [Liu, Yanming, Yalin, Gao 2022].

Представляется серьезной проблемой и то, что в условиях, когда законодательные и регулирующие меры только находятся в стадии разработки, водородные проекты внедряют в сжатые сроки за счет упрощения существующих правовых рамок, а также снижения потенциальных барьеров и административной нагрузки⁷³. Стремление сократить сроки проектов вступает в конфликт с безопасностью, которую зачастую рассматривают как препятствие для продвижения рынка водорода. Широкое использование водородных технологий несет риски для общества и сопряжено с пока не просчитанными негативными экологическими эффектами [Десярев, Березкин 2021]. Оно требует наличия высококвалифицированных и подготовленных кадров, которые смогут обеспечить безопасность функционирования систем, а также разработку и принятие жестких требований, стандартов и нормативов для обеспечения безопасности, которые в настоящее время отсутствуют [Литвиненко, Цветков, Двойников, Буслаев 2020]. Показательно, что в период с 2000 по 2020 г. в области водородной энергетики случилось более 90 происшествий, таких как взрыв резервуаров для хранения водорода в Южной Корее в 2019 г. и взрыв водорода на тайваньской электростанции в 2022 г. [Chen, Zang, Li 2022].

Выводы

Государства пока находятся в поиске оптимальных правовых решений в области водородной энергетики. «Оптимальность» в данном случае определяется тем, что при создании новой «водородной экономики» государства (особенно Российская Федерация) не должны утратить свои конкурентные преимущества, особенно в силу попыток ряда государств и их объединений лишить Россию таких преимуществ с помощью санкций.

При развитии внутреннего регулирования также нельзя упускать международно-правовую составляющую развития водородной энергетики, тем более, что многие важные и конфликтные вопросы в сфере традиционной энергетики (к примеру, транспортировка с использованием трубопроводным транспортом), будут актуальны и для водородной. Международное сотрудничество в сфере водородной энергетики в настоящее время активно развивается, однако даже в рамках отдельных интеграционных объединений к настоящему времени не сформированы четкие стратегии и планы, что не способствует достижению видимых эффектов от сотрудничества, в то время как обеспечение стабильности

⁷² Hydrogen on the Horizon: Ready, Almost Set, Go? Working Paper | National Hydrogen Strategies. World Energy Council. (https://www.worldenergy.org/assets/downloads/Working_Paper_-_National_Hydrogen_Strategies_-_September_2021.pdf).

⁷³ Ibid.

международных энергетических рынков требует глобального диалога по актуальным энергетическим проблемам.

В идеале необходимо разработать новые правила на международном уровне, которые должны найти свое закрепление в соответствующих соглашениях в рассматриваемой сфере. Кроме того, требуют решения и вопросы координации международных «водородных» инициатив и организаций, деятельность которых в той или иной степени распространяется на водород, а, возможно, и вопрос о создании международной организации, которая стала бы мировым центром сотрудничества в области водорода.

До такого уровня сотрудничества, как думается, еще далеко. Пока не до конца ясно, насколько (и как) международно-правовые акты будут определять развитие водородной энергетики. Однако очевидно, что с учетом текущих геополитических событий сценарий создания общего международного документа, широкого по охвату стран-участников и глубокого по охвату предметов регулирования, маловероятен. Скорее всего, в ближайшие годы мы увидим сценарий регулирования вопросов водородной энергетики на уровне соглашений общего порядка (декларативных по содержанию) – двусторонних и многосторонних (в рамках отдельных объединений государств).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов В.Б. (2020) Европейский альянс чистого водорода // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. № 5. С. 52–59.
- Белов В.Б. (2022) Реализация водородных стратегий Германии и Евросоюза (март – май 2022) // Европейский союз: факты и комментарии. № 108. С. 37–44.
- Борисов М.Г. (2022) Новая энергетика и геополитика // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 5. Ч. 1. Отв. ред. В.И. Герасимов. М. ИНИОН РАН. С. 49–55.
- Боровский Ю.В. (2021) Проблема энергетической безопасности в контексте мирового «энергетического перехода» // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. Т. 21. № 4. С. 720–784.
- Василькова С.В. (2022). Развитие водородной энергетики в России: вызовы времени и актуальные правовые вопросы // Экономика. Право. Общество. Т. 7. № 2. С. 50–58.
- Дегтярев К.С., Березкин М.Ю. (2021) О проблемах водородной экономики // Окружающая среда и энерговедение. № 1. С. 14–23.
- Ковалев Ю.Ю., Поршнева О.С. (2021) Страны БРИКС в международной климатической политике // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. Т. 21. № 1. С. 64–78.
- Коданева С.И. (2022) Основные направления и перспективы энергетического перехода в России // Экономические и социальные проблемы России. № 1. С. 79–94.
- Коданева С.И. (2021) Перспективы устойчивого развития: переход к низкоуглеродной энергетике // Социальные новации и социальные науки. № 3. С. 26–41.
- Копылов О.В. (2011) Энергетическое сотрудничество в интеграционном контексте ЮВА и АТР: новые возможности для России // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 17. С. 39–47.
- Копытин И., Попадью А. (2021) Водородные стратегии крупнейших европейских энергетических компаний // Современная Европа. № 4. С. 83–94.
- Корнеев К. (2021) Зеленый водород в Восточной Азии // Геоэкономика энергетики. № 3. С. 98–115.
- Лизикова М.С. (2021) Стратегии развития и вопросы правового обеспечения водородной энергетики // Труды Института государства и права Российской академии наук. Т. 16. № 4. С. 135–151.
- Литвиненко В.С., Цветков П.С., Двойников М.В., Буслаев Г.В. (2020) Барьеры реализации водородных инициатив в контексте устойчивого развития глобальной энергетики // Записки Горного института. Т. 244. С. 428–438.

- Мастепанов А.М. (2016) Сотрудничество стран БРИКС в энергетической сфере как фактор прогнозирования мирового энергопотребления // *Бурение&Нефть*. № 1. С. 3–9.
- Ратушняк П.С. (2021) Текущая ситуация и перспективы развития водородной энергетики за рубежом и в России: проблемы и задачи правового регулирования // *Правовой энергетический форум*. № 1. С. 47–54.
- Семенович К.С. (2022) О концепции развития правового регулирования водородной энергетики России // *Журнал российского права*. Т. 26. № 2. С. 47–56.
- Семенович К.С. (2022) Правовое регулирование водородной энергетики России // В: *Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов III Международной научно-практической конференции*. Под ред. А.В. Габова. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ». С. 195–199.
- Синчук Ю.В. (2022) Деятельность стран БРИКС в энергетической политике // *Вестник ученых-международников*. № 1. С. 28–45.
- Тарасов Б.П., Лотоцкий М.В. (2006) Водород для производства энергии: проблемы и перспективы // *Альтернативная энергетика и экология*. № 8. С. 72–90.
- Филимонов А.Г., Филимонова А.А., Чичирова Н.Д., Чичиров А.А. (2021) Глобальное энергетическое объединение: новые возможности водородных технологий // *Известия высших учебных заведений. Проблемы энергетики*. Т. 23. № 2. С. 3–13.
- Януш О.Б. (2021) Политические дилеммы водородной энергетики // *Известия высших учебных заведений. Проблемы энергетики*. Т. 23. № 2. С. 173–180.
- Alfradique M., De Castro C.O., Gonçalves H.P., Show R., Bonelli C.M. (2022) Economic Aspects of Gray Hydrogen and its Blending with Natural Gas // *Rio Oil & Gas 2022: Technical Papers*, 228.
- Azni M.A., MdKhalid R. (2021) Hydrogen Fuel Cell Legal Framework in the United States, Germany, and South Korea – A Model for a Regulation in Malaysia // *Sustainability*. No. 13.
- Barbir F. (2009) International Association for Hydrogen Energy // In: *Handbook of Transnational Economic Governance Regimes*. Ed(s): Tietje Ch., Brouder A. Pp. 915–921.
- Bonciu F. (2020) The European Union Hydrogen Strategy as a Significant Step towards a Circular Economy // *Romanian Journal of European Affairs*. No. 20. Pp. 36–48.
- Chen X., Zang C., Li Y. (2022) Research and Development of Hydrogen Energy Safety // *Emergency Management Science and Technology*. Vol. 2.
- Farah P.D. (2020) Strategies to Balance Energy Security, Business, Trade and Sustainable Development: Selected Case Studies // *The Journal of World Energy Law & Business*. Vol. 13. Issue 2. Pp. 95–99.
- Fumagalli M. (2020) BRICS, Energy and Environmental Governance // In: *The BRICS and the Global Economy*.
- Grigoryev L. (2021) Reestablishing Global Cooperation is Key to Achieving SDGs // In: *Future of BRICS. India: Observer Research Foundation*. Pp. 152–156.
- Howarth R.W., Jakobson M.Z. (2021) How Green is Blue Hydrogen // *Energy Science and Engineering*. Vol. 9. Issue 10. Pp. 1676–1687.
- Kakoulakia G., Kougiassia I., Taylor N., Dolci F., Moya J., Jäger-Waldau A. (2021) Green Hydrogen in Europe – A Regional Assessment: Substituting Existing Production with Electrolysis Powered by Renewables // *Energy Conversion and Management*. Vol. 228.
- Liu W., Yanming W.L., Yalin W., Gao X.P. (2022) Green Hydrogen Standard in China: Standard and Evaluation of Low-Carbon Hydrogen, Clean Hydrogen, and Renewable Hydrogen // *International Journal of Hydrogen Energy*. Vol. 47. Issue 58. Pp. 24584–24591.
- Noussan M., Raimondi P.P., Scita R., Hafner M. (2021) The Role of Green and Blue Hydrogen in the Energy Transition – A Technological and Geopolitical Perspective // *Sustainability*. Issue. 13. No. 1.
- Park Ch., Koo M., Roul J. Jong W., Shin J. (2022) Economic Valuation of Green Hydrogen Charging Compared to Gray Hydrogen Charging: The Case of South Korea // *International Journal of Hydrogen Energy*. Vol. 47. Issue 32. Pp. 14393–14403.

Valladares de M.R., Jensen J.K. (2011) The International Energy Agency Hydrogen Implementing Agreement (IEA HIA): A Global Perspective on Progress And Politics in R, D&D Cooperation. 4th World Hydrogen Technologies Convention. Glasgow, U.K.

Van de Graaf T., Overland, I., Scholten, D., Westphald, K. (2020) The New Oil? The Geopolitics and International Governance of Hydrogen // *Energy Research & Social Science*. Vol. 70.

Wolf A., Zander N. (2021) Green Hydrogen in Europe: Do Strategies Meet Expectations? // *Intereconomics*. Vol. 56. Pp. 316–323.

REFERENCES

Alfradique M., De Castro C.O., Gonçalves H.P., Show R., Bonelli C.M. (2022) Economic Aspects of Gray Hydrogen and its Blending with Natural Gas. *Rio Oil & Gas 2022: Technical Papers*.

Azni M.A., MdKhalid R. (2021) Hydrogen Fuel Cell Legal Framework in the United States, Germany, and South Korea – A Model for a Regulation in Malaysia. *Sustainability*. No. 13.

Barbir F. (2009) International Association for Hydrogen Energy. In: *Handbook of Transnational Economic Governance Regimes*. Ed(s): Tietje Ch., Brouder A. Pp. 915–921.

Belov V.B. (2020) Evropeiskii al'yans chistogo vodoroda [European Pure Hydrogen Alliance]. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*. no. 5, pp. 52–59.

Belov V.B. (2022) Realizatsiya vodorodnykh strategii Germanii i Evrosoyuz (mart – mai 2022) [Implementation of the Hydrogen Strategies of Germany and the European Union (March – May 2022)]. *Evropeiskii soyuz: fakty i kommentarii*. no. 108, pp. 37–44.

Bonciu F. (2020) The European Union Hydrogen Strategy as a Significant Step Towards a Circular Economy. *Romanian Journal of European Affairs*. no. 20, pp. 36–48.

Borisov M.G.(2022) Novaya energetika i geopolitika [New Energy and Geopolitics]. In: Gerasimov, V.I. (Ed). *Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. Ezhegodnik*, issue 5, part 1. Moscow, pp. 49–55.

Borovsky Yu.V. (2021) Problema energeticheskoi bezopasnosti v kontekste mirovogo «energeticheskogo perekhoda» [The Problem of Energy Security in the Context of the Global «Energy Transition»]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. no. 21, pp. 720–784.

Chen X., Zang C., Li Y. (2022) Research and Development of Hydrogen Energy Safety. *Emergency Management Science and Technology*. vol. 2.

Degtyarev, K.S., Berezkin, M.Yu. (2021) O problemakh vodorodnoi ekonomiki [On the Problems of the Hydrogen Economy]. *Okruzhayushchaya sreda i energovedenie*. no. 1, pp. 14–23.

Farah P.D. (2020) Strategies to Balance Energy Security, Business, Trade and Sustainable Development: Selected Case Studies. *The Journal of World Energy Law & Business*. vol. 13, Iss. 2, pp. 95–99.

Filimonov A.G., Filimonova A.A., Chichirova N.D., Chichirov A.A. (2021) Global'noe energeticheskoe ob'edinenie: novye vozmozhnosti vodorodnykh tekhnologii [Global Energy Association: New Opportunities for Hydrogen Technologies]. *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Problemy energetiki*. no. 23, pp. 3–13.

Fumagalli M. (2020) BRICS, Energy and Environmental Governance. In: *The BRICS and the Global Economy*.

Grigoryev L. (2021) Reestablishing Global Cooperation is Key to Achieving SDGs. In: *Future of BRICS*. India: Observer Research Foundation. Pp. 152–156.

Howarth R.W., Jakobson M.Z. (2021) How Green is Blue Hydrogen. *Energy Science and Engineering*. vol. 9, issue 10, pp. 1676–1687.

Kakoulakia G., Kougiassia I., Taylor N., Dolci F., Moya J., Jäger-Waldau A. (2021) Green Hydrogen in Europe – A Regional Assessment: Substituting Existing Production with Electrolysis Powered by Renewables. *Energy Conversion and Management*. Vol. 228.

Kodaneva S.I. (2022) Osnovnye napravleniya i perspektivy energeticheskogo perekhoda v Rossii [The Main Directions and Prospects of the Energy Transition in Russia]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii*. no. 1, pp. 79–94.

Kodaneva S.I. (2021) Perspektivy ustoichivogo razvitiya: perekhod k nizekouglerodnoi energetike [Prospects for Sustainable Development: Transition to Low-Carbon Energy]. *Sotsial'nye novatsii i sotsial'nye nauki*. no. 3, pp. 26–41.

Kopylov O.V. (2011) Energeticheskoe sotrudnichestvo v integratsionnom kontekste YuVA i ATR: novye vozmozhnosti dlya Rossii [Energy Cooperation in the Integration Faculty of Southeast Asia and the Asia-Pacific Region: New Opportunities for Russia]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. no. 17, pp. 39–47.

Kopytin I., Popad'ko A. (2021) Vodorodnye strategii krupneishikh evropeiiskikh energeticheskikh kompanii [Hydrogen Strategies of Major European Energy Companies]. *Sovremennaya Evropa*. no. 4, pp. 83–94.

Korneev K. (2021) Zelenyi vodorod v Vostochnoi Azii [Green Hydrogen in East Asia]. *Geoekonomika energetiki*. no. 3, pp. 98–115.

Kovalev Yu.Yu., Porshneva O.S. (2021) BRICS Countries in International Climate Policy. *Vestnik RUDN. International Relations*. no. 21, pp. 64–78.

Liu W., Yanming W.L., Yalin W., Gao X.P. (2022) Green Hydrogen Standard in China: Standard and Evaluation of Low-Carbon Hydrogen, Clean Hydrogen, and Renewable Hydrogen. *International Journal of Hydrogen Energy*. vol. 47, issue 58, pp. 24584–24591.

Lizikova M.S. (2021) Strategii razvitiya i voprosy pravovogo obespecheniya vodorodnoi energetiki [Development Strategies and Issues of Legal Support of Hydrogen Energy]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk*. no. 16, pp. 135–151.

Litvinenko V.S., Tsvetkov P.S., Dvoinikov M.V., Buslaev G.V. (2020) Bar'ery realizatsii vodorodnykh initsiativ v kontekste ustoichivogo razvitiya global'noq energetiki [Barriers to the Implementation of Hydrogen Initiatives in the Context of the Sustainable Development of Global Energy]. *Zapiski Gornogo instituta*. vol. 244, pp. 428–438.

Mastepanov A. (2016) Sotrudnichestvo stran BRIKS v energeticheskoy sfere kak faktor prognozirovaniya mirovogo energopotrebleniya [The Cooperation of BRICS Countries in the Energy Sector as a Factor in Forecasting Global Energy Demand]. *Burenie i nefi'*. no. 1, pp. 3–9.

Noussan M., Raimondi P.P., Scita R., Hafner M. (2021) The Role of Green and Blue Hydrogen in the Energy Transition – A Technological and Geopolitical Perspective. *Sustainability*. no. 13.

Park Ch., Koo M., Roul J. Jong W., Shin J. (2022) Economic Valuation of Green Hydrogen Charging Compared to Gray Hydrogen Charging: The Case of South Korea. *International Journal of Hydrogen Energy*. vol. 47, issue 32, pp. 14393–14403

Ratushnyak P.S. (2021) Tekushchaya situatsiya i perspektivy razvitiya vodorodnoi energetiki za rubezhom i v Rossii: problemy i zadachi pravovogo regulirovaniya [Current Situation and Prospects for the Development of Hydrogen Energy Abroad and in Russia: Problems and Tasks of Legal Regulation]. *Pravovoi energeticheskii forum*. no. 1, pp. 47–54.

Semenovich K.S. (2022) Pravovoe regulirovanie vodorodnoi energetiki Rossii [Legal Regulation of Hydrogen Energy in Russia]. In: *Energeticheskoe pravo: modeli i tendentsii razvitiya: sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ed(s): Gabov A.V. Belgorod: PB «BelGU» NIU «BelGU». Pp. 195–199.

Semenovich K.S. (2022) O kontseptsii razvitiya pravovogo regulirovaniya vodorodnoi energetiki Rossii [On the Concept of Development of Legal Regulation of Hydrogen Energy in Russia]. *Zhurnal rossiiskogo prava*. no. 26, pp. 47–56.

Sinchuk Y.V. (2022) Activities of the BRICS Countries in Energy Policy. *IR Scientists' Herald*. no. 1, pp. 28–45.

Tarasov B.P., Lototskii M.V. (2006) Vodorod dlya proizvodstva energii: problemy i perspektivy [Hydrogen for Energy Production: Problems and Prospects]. *Al'ternativnaya energetika i ekologiya*. no. 8, pp. 72–90

Valladares de M.R., Jensen J.K. (2011) The International Energy Agency Hydrogen Implementing Agreement (IEA HIA): A Global Perspective on Progress And Politics in R&D Cooperation. *4th World Hydrogen Technologies Convention*. Glasgow, U.K.

Van de Graaf T., Overland, I., Scholten, D., Westphald, K. (2020) The New Oil? The Geopolitics and International Governance of Hydrogen. *Energy Research & Social Science*. vol. 70.

Vasilkova S.V. (2022) Razvitiye vodorodnoi energetiki v Rossii: vyzovy vremeni i aktual'nye pravovye voprosy [Development of Hydrogen Energy in Russia: Challenges of the Time and Topical Legal Issues]. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo*. vol. 7, no. 2, pp. 50–58.

Wolf A., Zander N. (2021) Green Hydrogen in Europe: Do Strategies Meet Expectations? *Intereconomics*. vol. 56, 6, pp. 316–323.

Yanush O.B. (2021) Politicheskie dilemmy vodorodnoi energetiki [Political Dilemmas of Hydrogen Energy]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Problemy energetiki*. vol. 23, no. 2, pp. 173–180.

Информация об авторах

Габов Андрей Владимирович, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, и.о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук. Адрес: ул. Знаменка, 10, Москва, Россия, 119019. E-mail: gabov@igpran.ru

Лизикова Марина Сергеевна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук. Адрес: ул. Знаменка, 10, Москва, Россия, 119019. E-mail: lizikova_m@mail.ru

About the authors

Andrey V. Gabov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Law), Acting Head of the Sector of Civil and Business Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Address: 119019, Moscow, Znamenka str., 10. E-mail: gabov@igpran.ru

Marina S. Lizikova, Candidate of Sciences (Law), Senior Research Fellow, Sector of Civil and Business Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Science. Address: 119019, Moscow, Znamenka str., 10. E-mail: lizikova_m@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 15.08.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 10.10.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 15.10.2022

DOI: 10.31857/S0869049922050100
EDN: FBBWIJ

Оригинальная статья / Original Article

«Зеленая» повестка и арабская нефть¹

© С.А. РОГИНКО, Э.М. ФАЗЕЛЬЯНОВ

Рогинко Сергей Анатольевич, Институт Европы РАН (Москва, Россия), Финансовый Университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), roginco@bk.ru. ORCID: 0000-0003-2094-9259

Фазельянов Энварбик Михайлович, Институт Европы РАН (Москва, Россия), fenvarbik@hotmail.com. ORCID: 0000-0002-6139-8345

Предмет статьи – влияние климатической повестки на политику арабских нефтедобывающих стран. Авторы исследуют, как климатическая повестка трансформировалась в механизм, который используют для компенсации роста геополитического влияния арабских нефтедобывающих стран. В данный механизм входят, в том числе, формируемые глобальными климатическими соглашениями тренды на отказ от углеводородного топлива и дивестиции в нефтяной отрасли. Проанализированы новые типы рисков для нефтяной отрасли, которые появились в последние годы и завязаны на климатическую повестку. Выявлены принципиально новые моменты в политике стран Персидского залива в 2022 г., которые в сложившихся условиях стремятся продвигать свою собственную версию климатической повестки и концепции «нулевых выбросов». Оценивается перспектива изменения роли арабских стран в глобальной климатической повестке в свете кардинальных изменений мирового порядка, проявившихся в 2022 г.

Ключевые слова: выбросы парниковых газов, климатическая политика, Парижское соглашение, Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Киотский протокол, ОПЕК, климатическая повестка, углеродный бюджет, проекты чистого развития, дивестиции, Пограничный корректирующий углеродный механизм, Международное Энергетическое Агентство (МЭА)

Цитирование: Рогинко С.А., Фазельянов Э.М. (2022) «Зеленая» повестка и арабская нефть // Общественные науки и современность. № 5. С. 33–47. DOI: 10.31857/S0869049922050100, EDN: FBBWIJ.

¹ Финансирование. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации.

Funding. The article was prepared based on the results of research supported by budgetary funds under the state assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Green Agenda and Arab Oil

© S. ROGINKO, E. FAZELIANOV

Sergey A. Roginko, Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia), Financial University of the Government of Russian Federation (Moscow, Russia), roginco@bk.ru. ORCID: 0000-0003-2094-9259

Envarbik M. Fazelianov, Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia), fenvarbik@hotmail.com. ORCID: 0000-0002-6139-8345

Abstract. The article studies the influence of the climate agenda on the policy of Arab oil-producing countries. The authors investigate the transformation of the climate agenda into a mechanism used to compensate for the Arab oil-producing countries' growing geopolitical influence. This mechanism includes – but is not limited to – trends formed by global climate agreements to abandon hydrocarbon fuels and devaluation in the oil industry. The new types of risks for the oil industry that have emerged in recent years and are tied to the climate agenda are analyzed. Fundamentally new moments in the policy of the Persian Gulf countries in 2022 have been revealed: an attempt to promote their own version of the climate agenda and the concept of “zero emissions”. The prospect of transformation of the role of Arab countries in the global climate agenda is assessed in the light of the fundamental changes in the world order that manifested themselves in 2022.

Keywords: Greenhouse Gas Emissions, climate policy, Paris Agreement, The UN Framework Convention on Climate Change (UNFCCC), Kyoto Protocol, OPEC, climate agenda, carbon budget, clean development projects, divestment, Carbon Border Adjustment Mechanism, International Energy Agency (IEA)

Citation: Roginko S., Fazelianov E. (2022) Green Agenda and Arab Oil. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 33–47. DOI: 10.31857/S0869049922050100, EDN: FBBWIJ.

Колоссальные запасы нефти и природного газа в странах Персидского залива практически полностью определили роль и место этих стран в мировой экономической системе. Ставка национальных элит на сохранение монархической власти в условиях противостояния мировых систем в XX в. однозначно отводила этим странам место в западном лагере, где доминировала сначала Великобритания, затем – США. С точки зрения международного разделения труда в западном понимании, место таких стран – в самом низу «пищевой цепочки». Они рассматриваются как вечные поставщики природных ресурсов и вечные же потребители всего остального: от продовольствия до вооружения. В то же время Запад, для которого основой экономического обмена с развивающимся миром в послевоенный период были пресловутые «ножницы цен», императивно требовал нефть по низкой цене. И получал желаемое – например, в период 1960–1969 гг. цены на нефть колебались в узком диапазоне между 2,91 долл. и 3,32 долл. США за баррель [Estrada 2020].

Усиление социалистического лагеря к 1970-м гг., которое выразилось, в частности, в выходе СССР на ракетно-ядерный паритет с США, дало странам арабского Востока небывалую свободу для маневра. Появление Советского Союза в качестве сильного игрока на Ближнем Востоке фактически означало, что новые военные конфликты в регионе невозможны без участия СССР или без его санкции. Более того, к тому времени Советский Союз в выборе партнеров стал демонстрировать больше прагматичности, отходя от ортодоксальных норм обязательной ориентации на социалистический путь развития. Наличие такого альтернативного центра силы сразу снимало для стран Залива риски западной карательной операции в случае нарушения этими странами табу на повышение цен.

Данные страны не преминули воспользоваться открывшимся окном возможностей. Первым поводом стал арабо-израильский конфликт 1973 г., в ходе которого страны офор-

мившегося к тому времени ОПЕК резко сократили поставки нефти, в результате чего цены возросли в 4 раза (с 3 до 12 долл. за баррель). Следующим поводом стали революция в Иране и ирано-иракская война, которые привели к сокращению поставок нефти из этих стран на мировой рынок. Страны ОПЕК (в первую очередь Саудовская Аравия) не стали реагировать на западные требования увеличить добычу, чтобы компенсировать выпадающие объемы поставок. В результате вновь повысились цены на нефть: с 14 долл. за баррель в 1978 г. до 35 долл. за баррель в 1981 г.

Шок и ответы

Шок коллективного Запада оказался небывалым: недоумение оказавшегося впервые за много лет перед угрозой блэкаута западного общества нашло много выражений – от песни Пола Маккартни *Power Cut* (1973 г.) до солнечных панелей на крыше Белого дома, которые водрузили туда по распоряжению президента Дж. Картера в 1979 г. (и сняли в 1986 г. – на втором сроке президентства Р. Рейгана)².

Однако нефтяной шантаж, с которым столкнулся Запад, был только частью проблемы. На другую ее составляющую обратил внимание в своем бестселлере «Всемирный вызов» один из властителей дум того времени Ж.-Ж. Серван-Шрейбер [*Servan-Schreiber* 1980]. Многократный рост цен на топливо дал нефтедобывающим странам колоссальные богатства, которые те могли бы использовать, чтобы повысить свое политическое влияние. Огромные средства, которые аккумулировали арабские нефтедобывающие страны, теоретически означали для них шанс отказаться от навязываемой им роли «богатого политического карлика», расширив свою сферу влияния, прежде всего, за счет Запада.

На решение указанных проблем были затрачены немалые усилия. Однако навязанные арабской элите карикатурные модели сверхпотребления, стимулирование инвестиций арабских стран в недвижимость и промышленные активы Запада, а также связывание финансовых активов этих стран вложениями в американские казначейские обязательства и евробонды давали только временную передышку, поскольку «нефтяные» бюджеты продолжали регулярно пополняться.

Гораздо успешней стало давление Вашингтона на Саудовскую Аравию, которое в 1985 г. вынудило последнюю резко нарастить добычу нефти – с 2 млн барр. до 10 млн барр. в день. В итоге в начале 1986 г. нефть стоила 10 долл. за баррель, откатившись с уровня 35 долл. Впрочем, и этот шаг оказался паллиативом: нефтяные цены к 1990-м гг. постепенно начали отыгрывать назад. Проблема требовала долговременного, стратегического решения.

Таким решением стала климатическая повестка, которую к 1990-м гг. вбросили в глобальный социум и за считанные месяцы «раскрутили» элиты и масс-медиа. Сигналом, поданным мировому сообществу, стал представленный в 1990 г. доклад Римского клуба «Первая глобальная революция». Тогда впервые в подобный документ была включена климатическая повестка – причем сразу в виде специального раздела с говорящим названием «Глобальное потепление и энергетические аспекты», увязывая решение проблемы потепления с сокращением потребления нефти и переходом на возобновляемые источники (ВИЭ). В документе прямо призывали «сократить потребление нефти как основного топливного источника... из-за «парникового эффекта» [*King, Schneider* 1990].

² Biello D. Where Did the Carter White House's Solar Panels Go? *Scientific American*. August 6, 2010. (<https://www.scientificamerican.com/article/carter-white-house-solar-panel-array>).

Такая постановка вопроса стала новостью не только для нефтедобывающих стран, но и для специалистов по глобальной экологии, которые тогда в целом расценивали тему глобального потепления как слабо изученную. В частности, в опубликованном в том же 1990 г. наиболее авторитетном издании по глобальной экологии State of the World 1989 (издавал существовавший до 2017 г. WorldWatch Institute, США) раздел по изменению климата отсутствует, а сама проблема в числе приоритетных не фигурирует.

Тем не менее, климатическую повестку в кратчайшие сроки не только внедрили в массовое сознание, но и придали ей высшую степень легитимности на уровне ООН: уже в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро состоялась Конференция ООН по окружающей среде и развитию (т. н. Саммит Земли), на которой торжественно приняли Рамочную конвенцию ООН об изменении климата, РКИК (Framework Convention on Climate Change, UNFCCC). Представители арабских нефтедобывающих стран без особых возражений подписали эту Конвенцию, не содержащую конкретных обязательств и в основном посвященную общим принципам действий стран по проблеме изменения климата.

Следующим шагом на пути продвижения климатической повестки стал заключенный в 1997 г. Киотский протокол. Данный документ уже содержал в себе определенные обязательства по снижению выбросов парниковых газов для государств, но они касались лишь развитых стран и стран с переходной экономикой. На развивающиеся страны подобные обязательства не распространялись: такой подход объяснялся заложенным еще в РКИК ООН принципом общей, но дифференцированной ответственности (CBDR-RC). Принцип постулирует, что страны имеют неодинаковые возможности в борьбе с изменением климата в связи с разным уровнем экономического развития, что наделяло развивающиеся страны правом на отказ от количественных ограничений на выбросы парниковых газов.

От Киото к Парижу

Арабские нефтедобывающие страны, располагая статусом развивающихся стран, сочли, что вступление в Киотский протокол не несет существенных рисков. Помимо прочего, дополнительным бонусом для них стала перспектива получения новых доходов в рамках т. н. рыночных механизмов Протокола. Придуманный специально для развивающихся стран механизм т. н. «чистого развития» (Clean Development Mechanism – CDM, ст. 12 Протокола) предоставлял им возможность продавать развитым государствам сокращения выбросов парниковых газов, достигнутые в ходе соответствующих проектов модернизации – в т. ч. проектов утилизации попутных нефтяных газов на нефтепромыслах.

К данной возможности нефтедобывающие страны Ближнего Востока отнеслись с энтузиазмом: в сентябре 2006 г., за полтора года до начала Первого отчетного периода Киотского протокола, по инициативе Саудовской Аравии в Эр-Рияде прошла Первая международная конференция по CDM. Выступивший на ней и. о. генерального секретаря ОПЕК М. Баркиндо заявил, в частности: «Мы в ОПЕК согласны с первоначальными целями CDM, Киотского протокола и РКИК ООН и поддерживаем их»³.

Вскоре последовали первые пилотные проекты CDM, среди которых:

- утилизация попутного нефтяного газа на месторождении Аль-Шахин (Катар);
- сокращение выбросов парниковых газов на заводе Дубайской алюминиевой компании в Джебел Али;

³ The Clean Development Mechanism: Is it meeting the expectations? A Speech by Mr. Mohammed Barkindo, Acting for the OPEC Secretary General, to the First International Conference on the Clean Development Mechanism. Riyadh, Saudi Arabia. 19–20 September 2006. (https://www.opec.org/opec_web/en/990.htm).

- утилизация свалочного метана на полигоне бытовых отходов в Шарье.

Однако о массовом развитии проектов CDM в арабских нефтедобывающих странах вряд ли стоит говорить: итоги работы механизма, подведенные к концу 2020 г. (дата окончания Второго отчетного периода Киотского протокола), показали, что эти страны не вошли в первую десятку лидеров даже на азиатском континенте ни по количеству проектов, ни по тоннажу проданных сокращений. Безусловным мировым лидером по части CDM оказался Китай, который партийным решением мобилизовал предприятия на разработку проектов CDM и продвижение сокращений на мировой углеродный рынок – и добился в итоге впечатляющих результатов, захватив более 60% рынка.

Впрочем, такая ситуация не обескураживала нефтедобывающие страны Залива, которые не испытывали особого недостатка в деньгах от продаж энергоносителей. Тем не менее, новый поворот климатической повестки поставил эти доходы под удар: из безобидной глобальной игрушки повестка трансформировалась в прямую угрозу всей модели благополучного существования арабских нефтедобывающих стран.

Поворотным моментом трансформации стало Парижское соглашение, в котором, помимо всеми цитируемых двух целей (удержание глобальной температуры и адаптации к изменению климата) содержится третья, менее известная цель. Формулируется она так: «Приведение финансовых потоков в соответствие с траекторией в направлении развития, характеризующегося низким уровнем выбросов и сопротивляемостью к изменению климата»⁴.

Нетрудно догадаться, что эта цель на деле означает для нефтедобывающих стран: речь идет о перестройке глобального миропорядка под определенные и не всеми разделяемые климатические приоритеты, а именно – о сворачивании энергетических проектов с использованием ископаемого топлива. Главным инструментом этого перехода назначили финансовые институты, от которых потребовалась решительная переориентация своих финансовых потоков от углеводородной энергетики к низкоуглеродным проектам. Данный сигнал воспринял ряд финансовых институтов: в частности, уже в 2016 г. о выводе своих капиталов из проектов ископаемого топлива объявили Норвежский и Шведский пенсионные фонды, а также Фонд Рокфеллеров. Последний в 2022 г. объявил о том, что доля проектов, связанных с ископаемым топливом, в портфеле Фонда сократилась до 0,3%.

Дивестиции: судьба отрасли под вопросом

Примеру последовали крупные европейские банки, прежде всего Европейский Инвестиционный Банк (ЕИБ), который в 2019 г. объявил, что больше не поддерживает традиционные энергетические проекты на ископаемом топливе, в том числе на нефти и природном газе⁵. Вслед за ЕИБ объявил о прекращении финансирования подобных проектов Европейский Банк Реконструкции и Развития (ЕБРР)⁶.

Полный список банков, которые присоединились к стратегии отхода от финансирования нефтегазовой отрасли, вряд ли сможет поместиться в данной статье. Гораздо важнее выявить детали этой стратегии в рамках логики, предписываемой финансовым институ-

⁴ The Paris Agreement. United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). 2016. (https://unfccc.int/sites/default/files/resource/parisagreement_publication.pdf).

⁵ Projects eligible for financing. EIB. July 1, 2021. (<https://www.eib.org/en/projects/sectors/energy/index.htm>).

⁶ Strohecker K. EBRD stops investing in upstream oil and gas to align with Paris goals. Reuters. July 1, 2021. (<https://www.reuters.com/business/energy/ebrd-stops-upstream-oil-gas-investments-aligns-with-paris-agreement-2021-07-01/>).

там. Здесь стоит процитировать специальное заявление на портале Фонда Рокфеллеров, посвященное дивестициям в проекты ископаемого топлива:

«По меньшей мере 60 процентов всех известных запасов ископаемого топлива должны оставаться несгоревшими, если у мира есть хоть какой-то шанс достичь целевого показателя в 1,5 градуса, установленного на Парижском саммите по климату в 2015 году, а это означает, что эти активы, скорее всего, окажутся “связанными”⁷ и со временем потеряют ценность. В результате все больше и больше учреждений решают отказаться от инвестиций, а управляющие активами все охотнее предлагают средства, не связанные с ископаемым топливом. Мы уверены, что надежные портфели могут быть созданы без использования ископаемого топлива»⁸.

По поводу корректности данного заявления возникают вопросы, особенно в части ссылки на целевой показатель в 1,5 градуса, якобы установленного на Парижском саммите по климату. На самом деле климатическая цель Парижского соглашения сформулирована иначе, а именно: «удержание прироста глобальной средней температуры намного ниже 2°C сверх доиндустриальных уровней и приложения усилий в целях ограничения роста температуры до 1,5°C»⁹.

Почему этот нюанс так важен? Сразу после Парижской конференции ООН по климату на дальнейших раундах климатических переговоров развернулась настоящая борьба ряда стран и экологических НПО за смену глобальной цели – отказ от лимита в 2 градуса и переход на 1,5-градусный лимит. Если учесть, что по сравнению с доиндустриальным периодом к настоящему периоду температура уже поднялась на 1,1 градуса, то речь идет о том, какой лимит повышения температуры считать допустимым: на 0,4 градуса по сравнению с нынешней температурой – или на 0,9. Попытка сократить «температурный резерв человечества» не случайна – ее назначение сугубо утилитарно. В данном случае введен в действие инструмент манипуляции сознанием, который подгоняет людей к немедленным действиям по принципу «беда у порога». Соотнося сценарии неизбежных катастроф с самыми незначительными изменениями температуры, манипулятор отсекает любые попытки взвешенного анализа проблемы и выхода на рационально продуманный образ действий.

Если же посмотреть на смену температурного репера с точки зрения нефтедобывающих стран, то вырисовывается еще более тревожная картина: выход на траекторию лимита в 1,5 градуса потребует намного более резких и масштабных сокращений глобальных выбросов по сравнению с тем, которые предполагались для лимита в 2 градуса, что вызовет более резкое и масштабное падение спроса на нефть.

Конкретным инструментом давления на производителей ископаемого топлива стала т. н. концепция «углеродного бюджета», продвигаемая Межправительственной группой экспертов по изменению климата (МГЭИК) и основанная на гипотезе о том, что общий объем выбросов парниковых газов, разрешенных человечеству, – величина конечная. И количество лет, на протяжении которых человечество сможет продолжать использовать минеральное топливо, зависит от температурного лимита.

Согласно оценке МГЭИК, при температурном лимите в 1,5 градуса атмосфера сможет поглотить не более 400 гигатонн (Гт) CO₂, начиная с 2020 г. При ежегодных глобальных

⁷ Имеется в виду выражение «stranded assets» – «связанные активы», которое стало базовым клише в климатическом дискурсе, направленном против ископаемого топлива.

⁸ Fossil Fuel Divestment. Rockefeller Brothers Fund. (<https://www.rbf.org/mission-aligned-investing/fossil-fuel-divestment>).

⁹ The Paris Agreement. United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). 2016. (https://unfccc.int/sites/default/files/resource/parisagreement_publication.pdf).

выбросах парниковых газов на уровне 42,2 Гт в год данный показатель означает, что углеродный бюджет будет израсходован уже в 2028 г. Соответственно, никакого использования ископаемого топлива после 2028 г. не предполагается. При увеличении порога до 2-х градусов углеродный бюджет увеличивается до 1150 Гт, что откладывает его исчерпание примерно до 2045 г.¹⁰ Следовательно, если принять все допущения МГЭИК, то можно сделать вывод о том, что температурный репер в 2 градуса продлевает жизнь нефтяной отрасли на целых 17 лет.

В связи с данными факторами неудивительна та позиция, которую Саудовская Аравия заняла в отношении т. н. Специального доклада МГЭИК, представленного на Конференции ООН по климату в Катовице (2018 г.). В нем МГЭИК пыталась обосновать необходимость отказа от лимита в 2 градуса и переход на 1,5-градусный лимит. Предполагалось, что резолюция Конференции о поддержке выводов доклада окончательно и бесповоротно зафиксирует этот переход. Однако позиция Саудовской Аравии и России позволила заблокировать такую формулировку, вместо которой была согласована ни к чему не обязывающая «принять к сведению».

Разумеется, битву за смену температурного репера не следует считать законченной, однако следует вернуться к дивестиционному тренду в нефтяной отрасли, спровоцированному климатической повесткой в целом и Парижским соглашением в частности. За прошедшее с Парижской конференции ООН время сложившийся тренд окреп, оброс структурами, инициативами и PR-кампаниями, превратившись в абсолютный глобальный мейнстрим. Сформулированную в Парижском соглашении задачу приведения финансовых потоков в соответствие с траекторией низкоуглеродного развития решают жесткими методами травли несогласных банков в полном соответствии с популярными нынче практиками «культуры отмены» (cancel culture).

Одним из пионеров такой кампании стала самая массовая экологическая организация США Sierra Club, которая после Парижской конференции ООН начала составлять т. н. «Финансовый Бюллетень по Ископаемому Топливу» (Fossil Fuel Finance Report Card) [Banking on Climate Change 2017], в котором отслеживается активность ведущих мировых банковских структур в финансировании т. н. «экстремальных видов топлива». К ним отнесены уголь и угольная генерация, нефтеносные пески и нефтедобыча на арктическом шельфе («экстремальная нефть»), а также СПГ. Составители «Бюллетеня» не скрывают, что их цель – давление на финансовые институты, трансформации для них климатических рисков в финансовые.

В дальнейшем Sierra Club расширила спектр своей активности – от «экстремальных видов топлива» она перешла к атаке на все традиционные виды ископаемого топлива. Совместно со своими партнерами, такими же профессионалами «зеленого» активизма (Banktrack, Rainforest Action Network, Oilchange), она выпустила новый продукт: бюллетень «банкующих на климатическом хаосе» [Banking on Climate Chaos 2020]. Данный продукт нового времени, полностью выдержанный в духе «культуры отмены», интересен даже самой используемой в отношении банков лексикой. Достаточно привести только несколько строчек из оглавления этого документа:

- грязная дюжина;
- банковская политика, не решающая эту проблему [изменения климата];
- лидеры, подающие пример отказа от расширения использования ископаемого

топлива;

¹⁰ That's how fast the carbon clock is ticking. Mercator Research Institute of Global Commons and Climate Change. 2022. (<https://www.mcc-berlin.net/en/research/co2-budget.html>).

- крайние отстающие;
- крупнейшие клиенты банков, работающих на ископаемое топливо, саботируют будущее [Banking on Climate Chaos 2020].

Можно констатировать, что изменилась не только лексика, ставшая просто оскорбительной, но и список объектов атак. В него начали включать не только сами финансовые институты, которые кредитуют нефтегазовые проекты, но и клиентов этих банков, которых пугают инвективами за отказ от участия в спасении планеты. Стоит также отметить своеобразный подход составителей бюллетеня: хотя первая мировая пятерка банков по объемам финансирования ископаемого топлива представлена американскими JPMorgan Chase, Citi, Wells Fargo, Bank of America и канадским RBC, в состав «грязной дюжины» были включены не они, а 10 китайских банков, один индийский и один канадский. Причина – отсутствие у этих банков заявленной политики отказа от финансирования ископаемого топлива (fossil fuel financing exclusion policy). Такой подход, при котором во главу угла ставят не реальные объемы кредитования, а наличие/отсутствие деклараций, вряд ли можно применять для объективной оценки банков. Он как минимум заставляет усомниться в чистоте намерений американских «зеленых», а, скорее всего – и заподозрить их в двойных стандартах по отношению к Китаю и Индии.

Ряд примеров подобных атак «зеленых» на нефтегазовый сектор можно продолжить; расширяется также их арсенал и сфера охвата. В частности, примером новых методов последних лет стал иск юристов-экологов из фирмы ClientEarth, поданный против менеджмента компании Shell в суды британской и нидерландской юрисдикции. В данном случае инновации радетелей за глобальный климат касались прежде всего нового определения ответчика. Иск подали не против компании Shell как таковой, а персонально против ее директоров, которых юристы ClientEarth собрались привлечь к персональной ответственности за то, что именно эта организация считает неспособностью должным образом подготовиться к глобальному переходу к низкоуглеродной экономике. Вторая новинка касается собственно объекта и характера претензий: объектом стала климатическая стратегия Shell, которая предполагает сокращение корпоративных выбросов на 50% к 2030 г. Юристы ClientEarth сочли цель недостаточной, поскольку компания не ставит амбициозные цели по сокращению выбросов от использования своей продукции.

Разумеется, можно задаться вопросом: как компания- продавец энергоносителей может повлиять на выбросы от них у тех компаний, которые эти энергоносители купили? Не имея практически никаких рычагов влияния на потребителей, продавец, конечно, может предпринять попытки воздействия, но они закончатся утратой покупателей. Нефть – это биржевой товар.

Данные нюансы, судя по всему, не волнуют не только юристов-экологов, но и судебных чиновников: в 2021 г. голландский суд обязал Shell сократить общие выбросы – в том числе от продаваемых ею продуктов, производимых на ископаемом топливе – на 45% к концу 2030 г. Правление Shell отклонило вердикт, посчитав его необоснованным и по существу несовместимым с бизнесом компании. Однако судебная тяжба, затеянная ClientEarth, не окончена – она продолжится в британских судах¹¹.

Стоит добавить, что претензии ClientEarth не ограничились только целями компании Shell. Юристы решили заняться экспертизой операционных планов и бюджетов компании. В результате они сделали вывод о том, что цель Shell по «чистому нулю» (нулевым выбро-

¹¹ Jessop S., Ridley K., Nasralla S. Shell directors may face lawsuit over climate transition plans. Reuters. March 15, 2022. (<https://www.reuters.com/business/sustainable-business/shell-directors-may-face-lawsuit-over-climate-transition-plans-2022-03-15/>).

сам) в них также не была отражена. Данный вывод также не вяжется со здравым смыслом с точки зрения бизнеса, поскольку непонятно, каким образом цель «чистого нуля» (срок достижения – 2050 г.) можно отражать в операционных планах и бюджетах компании, например, на 2022 г.? Для объективности следует отметить, что компания Shell всегда имела репутацию «продвинутой» по климатической тематике и даже была пионером в области корпоративной торговли сокращениями выбросов парниковых газов. Так, еще 20 лет назад она внедрила т. н. систему STEPS (Shell Tradeable Emissions Purchase System), ставшую первой в мире. Уделяя климатической повестке большое внимание, компания Shell не жалела денег на привлечение в свой штат экспертов высшего уровня, которые успешно выступали на мировых форумах. Тем не менее, судя по всему, суд в Гааге не стал интересоваться, обладают ли юристы-экологи из ClientEarth компетентностью, сопоставимой по уровню с экспертами Shell, без которой невозможна квалифицированная оценка планов компании. Климатическая повестка уже назначила нефтяные компании на роль виновных, и рассчитывать на объективность судов в обществе, индоктринированном этой повесткой, было бы наивно.

Трансграничные углеродные риски

Впрочем, количество желающих поживиться за счет нефтяных компаний под предлогом климатической повестки, не ограничивается «зелеными» активистами: в США, например, этим занялся целый штат Нью-Йорк. Данный штат с 2018 г. безуспешно судился с нефтяными компаниями, пытаясь обратить проблемы изменения климата в собственные бюджетные доходы. Последним результатом данного процесса стал иск к BP, Chevron Corp, ConocoPhillips, Exxon и Shell с требованием привлечь компании к возмещению ущерба от глобального потепления, который в апреле 2021 г. отклонил 2-ой окружной апелляционный суд США в Манхэттене¹².

Не добившись успехов в судах, демократы штата Нью-Йорк нашли ассиметричное решение: они поменяли законодательство. В мае 2022 г. они приняли закон, требующий от нефтяных, газовых и угольных компаний компенсацию за сокрытие от общественности информации о том, что их деятельность ведет к повышению температуры и изменению климата. Причем законопроект покрывает период, начиная с 2000 г., а общая сумма компенсации составляет 30 млрд долл.¹³

Возможно ли в стране, презентующей себя в качестве цивилизованной, принятие закона, имеющего обратную силу – вопрос риторический. Однако с точки зрения арабских нефтедобывающих стран, во всех нью-йоркских разбирательствах важен другой момент: в число потенциальных плательщиков были включены не только американские компании, но и англо-голландская Shell. Таким образом, речь идет об экстерриториальном применении американского права в более чем спорном вопросе ответственности за глобальное потепление. Соответственно, сразу возникают реальные риски новых финансовых потерь для арабских нефтедобытчиков.

Американский пример оказался заразительным: свою лепту в установление экстерриториальной ответственности за изменение климата решила внести австралийская партия

¹² New York City sues Exxon, BP, Shell in state court over climate change. Reuters. April 22, 2021. (<https://www.reuters.com/business/energy/new-york-city-sues-exxon-bp-shell-state-court-over-climate-change-2021-04-22/>).

¹³ Kate L. Fossil fuel giants would pay New York state \$30 billion under new climate bill. Spectrum ews. May, 27, 2022. (<https://spectrumlocalnews.com/nys/central-ny/politics/2022/05/27/fossil-fuel-giants-to-pay-state--30b-under-new-climate-bill>).

«Зеленых». Ее лидер А. Бандт заявил, что угольные и газовые компании можно привлекать к ответственности за ущерб от наводнений, вызванных изменением климата. Партия внесла на рассмотрение законопроект, требующий от этих компаний возмещения ущерба от наводнения на северном побережье Нового Южного Уэльса в 2021 г., произошедшего, по мнению «зеленых», из-за изменения климата. Именуется этот документ законопроектом об ответственности за ущерб от изменения климата (*Liability for Climate Change Damage Bill*)¹⁴. В случае его принятия закон будет означать, что от компаний-производителей минерального топлива смогут требовать компенсации за ущерб от любой погодной аномалии – от ураганов до ливней – и получать ее на законных основаниях.

Однако самым масштабным экстерриториальным правовым риском для арабских нефтедобывающих стран стала перспектива трансграничного углеродного налога ЕС, объявленная в декабре 2019 г., когда Европейская Комиссия презентовала «Европейский Зеленый Курс» (*European Green Deal*). В рамках данного курса предлагалось ввести т. н. «пограничный корректирующий углеродный механизм» (*Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM*). Фактически речь идет о принудительном налогообложении импортируемых в ЕС товаров: облагаемой базой считается «углеродный след» такой продукции.

Евросоюз достаточно долго не мог определиться со списком товаров, на которые распространится новый налог. Ведущие консалтинговые фирмы мира (в частности, KPMG и Boston Consulting Group) прогнозировали возможность включения нефти в этот список [*Boston Consulting Group, 2020*], что, разумеется, грозило арабским нефтедобытчикам колоссальными убытками. Однако 14 июля 2021 г. Европейская комиссия представила свое предложение по CBAM, в котором нефть и СПГ не включали в этот механизм. Арабские экспортеры энергоносителей смогли на некоторое время время расслабиться, но это время оказалось недолгим. 22 июня 2022 г. прошло голосование в Европарламенте по механизму CBAM, на котором список облагаемых товаров было рекомендовано расширить за счет продукции нефтехимии.

Такая ситуация вновь делает риски по CBAM актуальными для арабских стран, поскольку они экспортируют продукцию нефтехимии. Сам факт расширения списка также внушает опасения: следующими объектами могут стать продукты нефтепереработки и сырая нефть. Данную тенденцию подтверждает и проявившееся в последнее время желание ЕС и США принудить нефтедобывающие страны к снижению цен на нефть. Не исключено, что, не добившись желаемого, ЕС может использовать в отношении нефти и СПГ механизм CBAM, чтобы изымать часть доходов экспортирующих стран.

Стоит подвести промежуточные итоги. Внедрив климатическую повестку в глобальный социум и сделав ее абсолютным политическим мейнстримом, коллективный Запад добился немалых побед над нефтяным сектором в целом и над арабскими нефтедобывающими странами в частности. Особенно нападки усилились после принятия Парижского соглашения: как отметил медиа-ресурс *Climate Home News*, нефтяной бизнес подвергся травле сравнимой с той, которой в свое время подвергался режим апартеида в Южной Африке¹⁵.

В итоге арабские нефтедобывающие страны из статуса уважаемых членов глобального сообщества, располагающих востребованными природными ресурсами, колоссальными финансовыми ресурсами и немалым политическим весом, начали отодвигать на роль мар-

¹⁴ Giannini D. Greens push to sue coal, gas companies. *North West Star*. April 26, 2022. (<https://www.northweststar.com.au/story/7712501/greens-push-to-sue-coal-gas-companies/>).

¹⁵ Pashley A. Saudi minister warns oilmen: ignore divestment at your peril. *Climate Home News*. 24/02/2016. (<https://www.climatechangenews.com/2016/02/24/saudi-minister-to-oilmen-ignore-divestment-at-your-peril/>).

гиналов, изгоев, занимающихся сомнительным и опасным для планеты бизнесом, лишенным перспектив. Ему можно отказывать в финансировании, можно обвинять его в любом глобальном катаклизме и требовать возмещения убытков, его импорт продукции можно обложить налогом в нарушение правил ВТО. В планы и бюджеты этого бизнеса можно вмешиваться и, заявляя об их несоответствии климатической повестке, приговаривать его к огромным штрафам. Причем сделать это можно из любой страны: экстерриториальная практика США – а с недавних пор и ЕС – выступает тому убедительным доказательством.

Арабская защита: вчера и сегодня

Нельзя сказать, что страны Залива не пытались защититься от сложившейся тенденции, но доказать свою правоту перед ангажированной западной аудиторией – занятие почти безнадежное. Соответствующую попытку предпринял через пару месяцев после Парижской конференции ООН по климату министр энергетики Саудовской Аравии А. Аль-Наими. Выступая на конференции в Техасе, он заявил, что отрасль должна избавиться от своего имиджа «темной стороны» и показать, что она – «сила добра». Аль-Наими отметил: «Мы не должны извиняться. И мы не должны игнорировать ошибочную кампанию по “закапыванию топлива в землю” и надеяться, что это пройдет. Слишком долго нефтяную промышленность изображали как Темную сторону, но это не так. Это сила, да, но сила добра»¹⁶.

В ответ местные «зеленые» сравнили Аль-Наими с Дартом Вейдером из «Звездных войн», пытающимся перейти на светлую сторону, а также, что примечательно, обвинили его в утрате связи с реальностью¹⁷.

Упомянутая реальность напомнила о себе через несколько лет: перекосы в энергетической политике Запада, вызванные введенными в практику климатическими догмами, подорвали стабильность энергоснабжения. Массовые блэкауты, сопровождавшиеся сотнями человеческих жертв, прокатились по США; в 2021 г. на грани энергетического коллапса оказалась Европа. К концу 2021 г. даже Западу стало ясно, что широко разрекламированный энергетический переход несостоятелен. Соответственно, роль ископаемого топлива следует как минимум пересмотреть.

Первым робким сигналом стала опубликованная в январе 2022 г. во влиятельном журнале *Foreign Policy* статья под названием «Хотите сорвать энергетический переход? Исключите ископаемое топливо из корзины»¹⁸. Ее авторы Г. Коллинс и М. Фосс предостерегали от излишнего фанатизма в реализации климатической повестки, упирая на необходимость использовать ископаемое топливо, без которого энергетический переход может вылиться в дальнейшие энергетические кризисы. Разумеется, даже из аффилиации авторов (сотрудники структур, связанных с Дж. Бейкером, который был госсекретарем в администрации США Дж. Буша-ст., известного нефтяного лоббиста) понятны стоящие за ними интересы нефтяной отрасли. Интересно другое: эти авторы получили возможность изложить доселе маргинальные идеи о необходимости пересмотреть роль минерального топлива в энергетическом переходе в таком издании политического мейнстрима, как *Foreign Policy*.

Впрочем, буквально через месяц после публикации Западу стало уже не до вялотекущего пересмотра роли нефти: за ней началась настоящая охота. Сделав ставку на откры-

¹⁶ Pashley A. Saudi minister warns oilmen: ignore divestment at your peril. *Climate Home News*. 24/02/2016. (<https://www.climatechangenews.com/2016/02/24/saudi-minister-to-oilmen-ignore-divestment-at-your-peril/>).

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ Collins G., Foss M. Want to Derail the Energy Transition? Take Fossil Fuels Out of the Mix. *Foreign Policy*. January 14, 2022. (<https://foreignpolicy.com/2022/01/14/fossil-fuel-divestment-climate-change-energy-transition/>).

тый конфликт с Россией, Запад пошел на отказ от импорта российских энергоносителей. Брешь в энергобалансе потребовалось срочно заполнить, но западные лидеры оказались в зависимости от арабских стран – тех самых, интересы которых они годами игнорировали, а их бизнес приговаривали к уничтожению в ближайшие годы.

В сложившейся ситуации арабский Восток заговорил по-другому. Весь мир обошло фото главного «зеленого» Германии, вице-канцлера Р. Хабека, на котором он в униженной позе вымаливал у эмира Катар квоты на экспорт СПГ. Еще больший резонанс вызвал демарш наследного принца Саудовской Аравии М. ибн Салмана, который в марте 2022 г. в ответ на звонок президента США Дж. Байдена просто отказался подойти к телефону.

Однако демаршами дело не ограничилось: арабский Восток, видя провалы Запада в энергетической политике, перешел к поучениям. В мае 2022 г. на Международной конференции по нефтяным технологиям в Эр-Рияде министр энергетики Саудовской Аравии принц А. ибн Салман пренебрежительно назвал сценарий нулевых выбросов «Ла-ла-Лендом», поскольку его подрывает тот факт, что глобальный спрос на нефть и газ продолжает расти. При обсуждении целей устойчивого развития министр вместо термина «нулевой уровень выбросов углерода» использовал термин «низкий уровень выбросов углерода», заявив, что это и есть «разница между Ла-ла-Лендом и реальностью»¹⁹.

Развивая эту мысль, А. ибн Салман добавил: «Чистый ноль не означает вытаскивание вишен из пирога²⁰, чистый ноль не означает ноль нефти». В качестве реальной проблемы он обозначил резкое сокращение инвестиций в нефтегазовую отрасль, которое создало опасность того, «что мир не сможет производить всю энергию, необходимую для содействия восстановлению»²¹. Что же касается возобновляемых источников энергии, то, по мнению министра, сосредоточение исключительно на них было ошибкой.

Саудовского нефтяного фронтмена поддержал коллега из Объединенных Арабских Эмиратов. Министр промышленности ОАЭ С. А. Аль-Джабер на шестом Глобальном энергетическом форуме Атлантического Совета объяснил, что текущая волатильность на энергетических рынках стала результатом геополитической напряженности, нереалистичного подхода к энергетическому переходу и недостаточных долгосрочных инвестиций в нефть и газ.

«Нереалистичный подход, игнорирующий основы экономики, приведет только к ужесточению условий на рынках, которые в большей степени подвержены геополитическим потрясениям. Отказ от источников энергии, которые являются движущей силой мировой экономики, приведет к системному ограничению поставок, что подорвет экономический рост», – заключил Аль-Джабер. По мнению министра ОАЭ, политики по всему миру, «включая многих в Европе», сейчас начинают примиряться с этими реалиями²².

¹⁹ Saudi energy minister blames lack of investment for surge in fuel prices. Reuters. May 9, 2022.

(<https://www.reuters.com/world/middle-east/saudi-energy-minister-says-gap-between-crude-prices-fuel-mobility-prices-around-2022-05-09/>).

²⁰ Вольный перевод английского термина «cherry picking», обозначающего выборочное представление фактов, подтверждающее определенное положение, при одновременном игнорировании противоречащих ему данных.

²¹ Paraskova T. Saudi Energy Minister: Insufficient Investment To Blame For High Fuel Prices. Oilprice. May 09, 2022. (<https://oilprice.com/Energy/Energy-General/Saudi-Energy-Minister-Insufficient-Investment-To-Blame-For-High-Fuel-Prices.html>).

²² UAE Calls for Positive, Pragmatic Approach to the Energy Transition and Practical Climate Action to Ensure Energy Security and Economic Progress. ADNOC. 24 May 2022. (<https://adnoc.ae/en/news-and-media/press-releases/2022/uae-calls-for-positive-pragmatic-approach-to-the-energy-transition-and-practical-climate-action>).

Такие слова, невозможные еще год назад, означают одно: климатической повестке Запада бросили открытый вызов. От робких попыток защиты своих интересов Арабский Восток перешел к продвижению своего понимания этой повестки и ее связи с энергетической безопасностью. Однако продвижением своей точки зрения арабские страны не ограничились: оно сопровождалось демаршем по отношению к западной экспертизе. 31 марта 2022 г. ОПЕК заявила, что больше не будет использовать Международное энергетическое агентство (МЭА) в качестве источника данных о добыче нефти своих членов, поскольку отношения между двумя организациями быстро ухудшились из-за политики в области климата и поставок энергоносителей.

По мнению ОПЕК, данные МЭА были искажены предвзятостью в отношении ископаемого топлива, особенно в связи с дорожной картой агентства «Чистый ноль», в которой говорится, что все новые инвестиции в добычу должны прекратиться, если планируется сдержать изменение климата.

Немалое раздражение членов ОПЕК вызвали и призывы исполнительного директора МЭА Ф. Бироля к альянсу ОПЕК+ действовать как «ответственные производители» и качать больше нефти, чтобы обуздать растущие цены²³. Тем не менее, анализ позиций ведущих членов ОПЕК подсказывает, что основная претензия к МЭА касается именно климатической повестки и, прежде всего, ориентации на дивестиции в нефтедобыче.

Как представляется, данным демаршем пересмотр западной экспертизы не ограничится, поскольку мнение МЭА разделяют абсолютное большинство ведущих экспертных центров Запада. Следовательно, членам ОПЕК в целом и арабскому Востоку в частности предстоит в ближайшие годы нарастить компетенции в области климатической повестки, чтобы окончательно выйти из-под идеологической и аналитической зависимости от Запада в этой чувствительной сфере.

* * *

В сложившейся ситуации можно сделать следующий предварительный вывод: мирному сосуществованию «зеленой повестки» в западном понимании и арабской нефти приходит конец. Арабский Восток пошел на открытое противостояние, критикуя Запад за идеологически зашоренный подход, отвергая самые одиозные догмы западной повестки и продвигая собственное понимание «зеленого развития», «чистого нуля» и других базовых понятий энерго-климатической политики.

Второй, возможно более существенный момент, касается времени этого выступления арабских нефтедобывающих стран: оно произошло после февраля 2022 г. Предыдущая попытка данных стран обрести голос в мировых делах, как уже отмечалось, относится к 1970-м гг. Она стала возможной во многом благодаря наличию альтернативного Западу центру силы в лице Советского Союза и стран социалистического лагеря. Здесь можно констатировать: ужесточение арабской позиции в отношении климатической повестки вряд ли было бы возможно без обозначившегося тренда на глобальный раскол и появление альтернативных Западу центров силы.

Конечно, прямые параллели со временем «нефтяного шока» вряд ли уместны в силу огромной разницы в глобальном балансе сил и потенциале отдельных игроков (в частно-

²³ OPEC votes to stop using IEA production data to assess quota compliance. S&P Global Commodity Insights. 31 Mar 2022. (<https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/oil/033122-opec-votes-to-stop-using-iea-production-data-to-assess-quota-compliance-sources>).

сти, России и Китая) между 1970-ми и 2020-ми гг. Тем не менее, сам центробежный тренд очевиден и в особых доказательствах не нуждается.

Подвижки центробежного характера стали особенно заметны в последние месяцы. В частности, Египет, Саудовская Аравия и Турция объявили о своей заинтересованности в присоединении к БРИКС. Идет расширение Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), к которой в этом году уже присоединился Иран. Что касается Бахрейна, Египта, Саудовской Аравии и Катара, то их первоначальный статус в ШОС, вероятно, определяют как «партнеров по диалогу» или кандидатов в члены.

Перечисленные факторы однозначно указывают, в каком направлении начали свой дрейф страны арабского Востока. Их появление в одном с Россией формировании требует от нашей страны учета их интересов, которые те намерены защищать, используя возможности новых организаций. Здесь климатическая повестка может стать одной из ведущих тем сотрудничества, поскольку стратегические интересы России, как и арабских стран, вряд ли совместимы с идеей «чистого нуля», отказа от органического топлива и других западных климатических догм, которые уже сейчас демонстрируют несостоятельность при столкновении с реальностью.

Отказ от этих подходов и совместная с арабскими странами разработка нового видения может стать для России серьезным активом, формирующим отношения доверия с регионом. Немалую роль способна сыграть и потребность стран ОПЕК в альтернативном Западу аналитическом обеспечении; следует задействовать российскую науку, к которой на арабском Востоке сохраняется высокий уровень доверия.

Углубление глобального раскола с отказом от однополярной модели неизбежно отразится на климатической повестке. В перспективе раскол приведет к появлению ее новых версий, адекватных интересам выживания и развития альтернативных Западу полюсов силы. Попытка арабских нефтедобывающих стран обозначить свой подход к проблеме стала первой манифестацией этого тренда, заслуживающего пристального внимания России и ее внешнеполитической поддержки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Banking on Climate Chaos (2022) Fossil Fuel Finance Report 2022. Sierra Club, Banktrack, Rainforest Action Network, Oilchange. (https://www.ran.org/wp-content/uploads/2022/03/BOCC_2022_vSPREAD-1.pdf).

Banking on Climate Change (2017) Sierra Club, Banktrack, Rainforest Action Network, Oilchange. (https://www.banktrack.org/download/banking_on_climate_change_4_page_summary/banking_on_climate_change_summary_version.pdf).

Boston Consulting Group (2020) How an EU Carbon Border Tax Could Jolt World Trade. June 30. (<https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2020/how-an-eu-carbon-border-taxcould-jolt-world-trade>).

Estrada M., Park D., Khan A., Tahir M. (2020) The Evolution of Oil Prices from 1960 to 2019. Working Paper. Social Security Research Centre. (https://www.researchgate.net/profile/Mario-Ruiz-Estrada/publication/332604602_The_Evolution_of_Oil_Prices_from_1960_to_2019/links/5cc6ad0ea6fdcc1d49b76d9a/The-Evolution-of-Oil-Prices-from-1960-to-2019.pdf).

King A., Schneider B. (1990) The First Global Revolution. Report of the Club of Rome. Club of Rome. (<https://www.clubofrome.org/publication/the-first-global-revolution-1991/>).

Servan-Schreiber J.J. (1980) *Le Défi mondial*. Paris: Fayard. 447 p.

REFEENCES

Banking on Climate Chaos (2022) Fossil Fuel Finance Report 2022. Sierra Club, Banktrack, Rainforest Action Network, Oilchange. (https://www.ran.org/wp-content/uploads/2022/03/BOCC_2022_vSPREAD-1.pdf).

Banking on Climate Change (2017) Sierra Club, Banktrack, Rainforest Action Network, Oilchange. (https://www.banktrack.org/download/banking_on_climate_change_4_page_summary/banking_on_climate_change_summary_version.pdf).

Boston Consulting Group (2020) *How an EU Carbon Border Tax Could Jolt World Trade*. June 30. (<https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2020/how-an-eu-carbon-border-taxcould-jolt-world-trade>).

Estrada M., Park D., Khan A., Tahir M. (2020) *The Evolution of Oil Prices from 1960 to 2019*. Working Paper. Social Security Research Centre. (https://www.researchgate.net/profile/Mario-Ruiz-Estrada/publication/332604602_The_Evolution_of_Oil_Prices_from_1960_to_2019/links/5cc6ad0ea6fdcc1d49b76d9a/The-Evolution-of-Oil-Prices-from-1960-to-2019.pdf).

King A., Schneider B. (1990) *The First Global Revolution*. Report of the Club of Rome. Club of Rome. (<https://www.clubofrome.org/publication/the-first-global-revolution-1991/>).

Servan-Schreiber J.J. (1980) *Le Défi mondial*. Paris: Fayard. 447 p.

Информация об авторах

Рогинко Сергей Анатольевич, кандидат экономических наук, руководитель Центра экологии и развития Института Европы РАН. Адрес: 125009, г. Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3. Профессор Финансового Университета при Правительстве РФ. Адрес: 125009, г. Москва, Ленинградский пр-т, 49. E-mail: roginko@bk.ru

Фазельянов Энварбик Михайлович, кандидат экономических наук, Чрезвычайный и Полномочный посол РФ, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН. Адрес: 125009, г. Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3. E-mail: fenvarbik@hotmail.com

About the authors

Sergey A. Roginko, Candidate of Sciences (Economics), Head of the Environment & Development Center, Institute of Europe of RAS. Address: 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. Professor, Financial University of the Government of the Russian Federation. Address: Leningradsky Ave, 49, Moscow, 125167. E-mail: roginko@bk.ru

Envarbik M. Fazelianov, Candidate of Sciences (Economics), Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the RF, Leading Research Fellow, Institute of Europe of the RAS. Address: 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. E-mail: fenvarbik@hotmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 7.09.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 6.10.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 20.10.2022

DOI: 10.31857/S0869049922050033
EDN: EZXCUN

Оригинальная статья / Original Article

Энергетический вектор современной европейской экономики и политики¹

© М.В. КЛИНОВА

Клинова Марина Влениновна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), marina.v.klinova@gmail.com. ORCID 0000-0002-8548-9356

В статье анализируется влияние заявленного в ЕС энергетического перехода к низкоуглеродной экономике с преимущественным применением ВИЭ на конкурентоспособность и устойчивое развитие в интеграционном объединении. Выделены экономические и геополитические факторы трансформации энергетики. Рассмотрен выбор ЕС в пользу ядерной энергетики и природного газа как наименее загрязняющих окружающую среду в условиях развивающегося энергетического кризиса. Уделено внимание реформированию ядерной энергетики во Франции – стране с традиционно наиболее развитой сетью АЭС. Подчеркнуто, что намеченное в ЕС введение трансграничного углеродного налога может повлиять не только на экологию, но и на расклад сил на энергетическом рынке. Определена важность государственной политики и межгосударственного сотрудничества в снижении выбросов парниковых газов и развитии экологически чистой энергетики. Сделан вывод о риске рецессии из-за политики ухода от российских энергоносителей.

Ключевые слова: энергетический переход, низкоуглеродная экономика, ископаемое топливо, ВИЭ, государство, межгосударственное сотрудничество

Цитирование: Клинова М.В. (2022). Энергетический вектор современной европейской экономики и политики // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 48–59. DOI: 10.31857/S0869049922050033, EDN: EZXCUN.

¹ Финансирование. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение No 075–15-2020-783).

Funding. The article was prepared within the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075–15-2020-783).

Energy Policy in Contemporary European Economics and Politics

© M.V. KLINOVA

Marina V. Klinova, The Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), marina.v.klinova@gmail.com. ORCID 0000-0002-8548-9356

Abstract. The article analyzes the impact of the declared in the EU energy transition to a low-carbon economy with the predominant use of renewables on competitiveness and sustainable development. The economic and geopolitical factors of energy transformation are highlighted. The choice the EU made in favor of nuclear energy and natural gas as the least polluting in the context of the ongoing energy crisis is considered. Attention is paid to the reform of nuclear power in France, the country with the traditionally most developed nuclear power plants network. It is emphasized that the EUs' planned Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM) could affect not only the environment, but also the balance of power in the energy market. The importance of state policy and interstate cooperation in reducing greenhouse gas emissions and developing clean energy is determined. It is concluded that there is a risk of recession due to the policy of avoiding Russian fossils.

Keywords: energy transition, low-carbon economy, fossils, renewables, nation-state, ntergovernmental cooperation

Citation: Klinova M.V. (2022) Energy Policy in Contemporary European Economics and Politics. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 48–59. DOI: 10.31857/S0869049922050033, EDN: EZXCUN.

Состояние и конкурентоспособность любой национальной экономики во многом зависят от степени обеспеченности энергоресурсами и их качества. Среди факторов повышения конкурентоспособности экономики исследователи, в частности, выделяют заявленную «экологизацию энергетики» с закреплением экологических целей в горизонтах на 2020, 2030 и 2050 гг.², чтобы сократить ущерб человеческой деятельности на окружающую среду и биоразнообразие, что в итоге должно привести к изменению климата на планете. Большая часть потепления произошла в период, начиная с 1975 г.³

Выработка стратегии борьбы с изменением климата в XXI в. стала глобальной повесткой и приобрела общественную значимость и масштабы. В связи с данной тенденцией в Европейском союзе (ЕС) на наднациональном уровне провозглашен так называемый энергетический переход с постепенным отказом от ископаемого и углеводородного сырья в пользу возобновляемых источников энергии (ВИЭ). В ЕС предполагают, что рост ВИЭ может также стимулировать занятость за счет создания рабочих мест в новых «зеленых» технологиях⁴. По данным Евростата, в 2020 г. на ВИЭ приходилось 22,1% потребляемой энергии в ЕС, что примерно на 2 п. п. превосходит цель в 20%, поставленную в принятом Евросоюзом в 2007 г. пакете мер по климату и энер-

² О различных оценках развития зеленой энергетики и энергетического вектора политики ЕС см., например: [Зимаков 2021; Рогинко 2021, Piskulova 2020].

³ World of Change: Global Temperatures. Earth Observatory. 2022. (<https://earthobservatory.nasa.gov/world-of-change/global-temperatures>).

⁴ Renewable energy statistics. Eurostat. July 8 2022. (https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Renewable_energy_statistics).

гетике «20-20-20»⁵. В 2020 г. потребление твердого ископаемого топлива в ЕС снизилось на 18,4% по сравнению с 2019 г. – до самого низкого значения с 1990 г.⁶ Такое направление развития получило дополнительный импульс в виде геополитических конфликтов, связанных со специальной военной операцией в Украине и заявленным руководством ЕС намерением отказаться от импорта углеводородов из России. Важная роль в данных процессах принадлежит государствам, поскольку такой вектор энергетической политики потребует – наряду с политической волей руководства стран ЕС – больших первоначальных инвестиций с длительным сроком окупаемости. Помимо прочего, он также повлечет за собой повышение общего уровня цен.

Итальянский исследователь А. Пронтера указывает на дихотомию энергетической политики в отношении России: с одной стороны, возвращается геополитика, с другой – сохраняется «экономизация» международной энергетической динамики [Prontera 2017, 2]. Таким образом, к экономическим факторам – изначальному посылу заботы о состоянии окружающей среды и сохранения биоразнообразия и развития в этих целях экологически чистой энергетики – присоединяются факторы геополитические. Среди них и энергетическая безопасность, угрозой которой в ЕС считают чрезмерную зависимость от одного поставщика энергоресурсов (прежде всего нефти и газа), и специальные экономические меры, которые, помимо прочего, предусматривают введение эмбарго на импорт российских энергоносителей.

При такой постановке вопроса состояние окружающей среды в климатической повестке может отойти на второй план – что, собственно, и происходит, когда реанимируют проекты использования угля, от которых намеревались отказаться в соответствии с принципами закрепленного в «Европейской зеленой сделке» (European Green Deal, EGD, 2019) курса на безуглеродную энергетику⁷.

В последнее время ВИЭ заменяют собой преимущественно не уголь, а природный газ, который в ЕС поставляет в основном Россия. Более половины новой возобновляемой генерации с 2019 г. заменила газовую энергию, треть – ядерную, и только шестая часть заменила уголь.

На первый план выдвигается политический фактор (энергетическая безопасность), который связан с бесперебойными поставками энергоресурсов. Наряду с последним есть и другие способы обеспечения такого рода безопасности: самостоятельное производство угля, нефти и газа; развитие ВИЭ и ядерной энергетики; производство электроэнергии из других энергоресурсов; диверсификация импорта энергоресурсов [Mara et al. 2022, 3]. Диверсификации источников энергии можно достигнуть за счет расширения местных ресурсов – в том числе ВИЭ.

Еще в 2004 г. производство ВИЭ было настолько низким, что его не принимали во внимание при оценке уровня энергетической безопасности. После глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. ВИЭ стали играть одну из важных ролей во всех расчетах [Stavytsky et al. 2018, 222]. По данным Евростат, доля ВИЭ и биотоплива в выработке электроэнергии в ЕС непрерывно увеличивалась на протяжении первых двух десятилетий XXI в. К 2020 г. доля ВИЭ составила 22,1% потребляемой энергии, что на

⁵ 2020 climate & energy package. Brussels: European Commission. (https://ec.europa.eu/clima/eu-action/climate-strategies-targets/2020-climate-energy-package_en).

⁶ Energy statistics. Eurostat Database. (<https://ec.europa.eu/eurostat/web/energy/data/database>).

⁷ The European Green Deal. Brussels: European Commission. 2019. Pp. 1–24. (https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/european-green-deal-communication_en.pdf).

2 п. п. больше целевого показателя в 20%⁸. Данная положительная динамика – самая впечатляющая среди всех прочих источников. Так, за счет солнечной энергии генерируют около десятой части своего национального спроса на электроэнергию как страны с более высоким (Испания и Кипр), так и с более низким (Нидерланды и Германия) излучением. Если такая государственная политика продолжится, она «будет способствовать созданию рынка солнечной энергии в любой точке Европы» [Moore et al. 2022, 25].

Тем не менее в 2021 г. доля ВИЭ сократилась до 37%, хотя ветровая и солнечная энергетика «били рекорды» в развитии, впервые превзойдя природный газ по выработке электроэнергии. На ископаемые виды топлива в 2021 г. по-прежнему приходилось 37% производства электроэнергии в ЕС по сравнению с 39% в 2019 г., на ядерную энергию – 26% [Moore et al. 2022, 5]. Последний вид топлива наиболее экологичен из вышеназванных.

Таким образом, свыше 3/4 потребления энергии зависит от трех основных видов ископаемого топлива (углеводородов), которые при сжигании выделяют парниковые газы и по своей природе относительно невозобновляемы. Исследователь из РЭУ им. Г.В. Плеханова еще в 2015 г. писал о рисках сохранения сложившейся структуры выработки электроэнергии для окружающей среды и населения, что «противоречит принципам устойчивого развития, соответствие которым должно быть положено в основу функционирования экономики любого государства» [Сидоров 2015; 246, 248].

Экономическая стратегия, которая во многом определяет конус будущего, остается основным вектором реализации политических целей. При слабой экономике невозможно устойчивое и долгосрочное продвижение по пути решения политических задач. В марте 2022 г. Ф. Закария, ученик С. Хантингтона, писал о конце «старого мира», «золотого века глобализации», в котором экономика доминирует над политикой⁹. По его мнению, постановка во главу угла экономического роста (с целенаправленным развитием торговли, технологий, проведением реформ) была возможна в атмосфере, когда состояние национальной безопасности не внушало беспокойства. После 24 февраля 2022 г. ситуация изменилась: в ходе «триумфа политики над экономикой» и возможного отката назад от 30-летней эры глобализации принимаются меры, которые ставят в приоритет национальную безопасность для цепочек поставок в своей экономике и = «самодостаточность выше эффективности»¹⁰.

В результате провозглашения ухода от чрезмерной зависимости от других стран – в том числе в сфере энергетики (в 2020 г. доля импорта в целом в энергетике ЕС составила 57,5% против 50% в 1990 г., а в 2021 г. только на РФ пришлось 43,5% импорта природного газа в ЕС¹¹) – признаком новой экономической реальности стал рост инфляции. В еврозоне в годовом исчислении в июле 2022 г. она достигла 8,9% против 8,6% в июне, 8,1% в мае того же года. С большим отрывом от других составляющих основной вклад в рост инфляции вносит энергетика (39,7% в июле 2022 г.). «Чемпионы» по росту инфляции в

⁸ Renewable energy statistics. Eurostat. 2022. (https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Renewable_energy_statistics).

⁹ Цит. по: «Nous assistons à la fin de la “pax americana”. La Russie, qui dispose du plus grand arsenal nucléaire au monde, défie l’Amérique de manière frontale». Propos recueillis par Marc-Olivier Bherer. Le Monde. 03.05.2022. (https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/05/02/guerre-en-ukraine-nous-avons-quitte-l-ancien-monde-dans-lequel-l-economie-a-pendant-trente-ans-domine-le-politique_6124404_3232.html).

¹⁰ Zakaria F. Putin’s invasion of Ukraine marks the beginning of a post-American era. Washington Post. 10.03.2022. (<https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/03/10/why-the-west-cant-let-putin-win-in-ukraine/>).

¹¹ Energy statistics – an overview (https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Energy_statistics_-_an_overview); In focus: Reducing the EU’s dependence on imported fossil fuels (2022). Brussels: European Commission. 20.04. (https://ec.europa.eu/info/news/focus-reducing-eus-dependence-imported-fossil-fuels-2022-avr-20_en).

еврозоне – страны Балтии¹². Во многом данная динамика связана с энергетикой (рост цен на мировых рынках, экономические санкции против России в этой сфере). Инфляция влечет за собой снижение покупательной способности, но именно потребление по-прежнему вносит основной вклад в прирост ВВП стран ЕС. Производство дорожает преимущественно из-за роста цен на электроэнергию. Как следствие, снижается конкурентоспособность продукции. В еврозоне эти факторы традиционно усугубляются сочетанием щедрых социальных программ, досрочного выхода на пенсию и распространенности неполной занятости [Сидоров 2014, 31]. В случае прерывания поставок российского природного газа вкупе с ростом инфляции существует риск рецессии и дальнейшего снижения конкурентоспособности продукции ЕС на внешних рынках.

Отказ от углеводородов (ископаемого топлива), выполнение поставленной в ЕС цели к 2050 г. достичь «углеродной нейтральности»¹³ и нулевого баланса выбросов парниковых газов потребует коренной перестройки экономической модели, производства и стиля жизни: передвижения, жилищного хозяйства и даже системы питания. Специалист по климату К. Голлье скептически относится к цели достижения нулевых выбросов: «Никто не может сегодня представить, на что будет похожа полностью декарбонизированная Европа»¹⁴. Тем не менее в ЕС на наднациональном уровне вплотную занялись вопросами финансирования энергоперехода, в частности, разрабатывая так называемую таксономию ЕС (по классификации инвестиций) в ее «зеленой» части – то есть с учетом климатического и экологического фактора (см. подробнее [Худякова 2019, 17]).

Приведем в качестве примера программу энергоперехода Франции. Президент страны поручил премьер-министру обеспечить «экологическое планирование» (*planification écologique*). Предполагается в том числе борьба против «импортируемого загрязнения окружающей среды», которое связано с потребляемой на территории Франции продукцией¹⁵. Предусмотрены также экономия энергии, применение ВИЭ, дальнейшее развитие ядерной энергетики. С помощью ядерных технологий развивается производство водорода, который можно хранить и применять для производства электроэнергии. Э. Макрон официально объявил о строительстве 6 реакторов типа EPR2. Первый из них планируется начать строить в 2028 г. и ввести в эксплуатацию к 2035 г. Планируется также создать еще 8 реакторов и приложить дополнительные усилия по использованию ВИЭ – ветровой и солнечной энергии – в том числе из-за рубежа¹⁶ [Reprendre 2022, 7]. К 2023 г. во Франции намечено предложить к принятию Многолетнюю энергетическую программу (*programmation pluriannuelle de l'énergie, PPE*). Задача представителей государства на местах – согласовать интересы граждан (в том числе фермеров) и экологические цели.

Однако в очередной раз экономика «поправляет» политику. Невзирая на политическую волю руководства стран ЕС, полностью избавиться от энергозависимости от России в кратко- и среднесрочной перспективе вряд ли получится, несмотря на предложенный Между-

¹² Le taux d'inflation annuel de la zone euro en hausse à 8,9%. Eurostat. 29.07.2022. (<https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/14644650/2-29072022-AP-FR.pdf/b7328647-18aa-9e03-0516-4f0cf56de755?t=1659018438819>).

¹³ 2050 long-term strategy. European Commission. (https://ec.europa.eu/clima/eu-action/climate-strategies-targets/2050-long-term-strategy_en).

¹⁴ Climat: vers un réchauffement de +2,7°C, alerte l'ONU. Le Point. 27.06. 2022. (https://www.lepoint.fr/environnement/climat-pourquoi-la-pression-s-accroit-sur-les-etats-20-10-2021-2448693_1927.php).

¹⁵ Что перекликается с перспективами введения в ЕС в течение 2020-х гг. механизма трансграничного углеродного налога (Carbon border adjustment mechanism, CBAM).

¹⁶ Reprendre en main notre destin énergétique! Élysée. 10.02.2022. P. 7. (<https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-19285-fr.pdf>).

народным энергетическим агентством (МЭА) план из 10 пунктов по снижению зависимости ЕС от российского природного газа¹⁷.

В свете заявлений французского руководства о планах расширять использование ядерной энергетики необходимо учитывать имеющийся отрицательный опыт по реализации проектов в данной сфере. В частности, речь идет о строительстве (сроки которого постоянно откладывались, а сметы росли) АЭС с Европейским водо-водяным реактором третьего поколения (EPR, European Pressurized Reactor) во французском г. Фламанвилль и на финском о. Олкилуото. Так, смета на французскую АЭС выросла, по оценкам EDF, сначала втрое (с 3 млрд евро до 12,4 млрд евро, а по данным Счетной палаты Франции – и до 19,1 млрд евро), сроки увеличились на 10 лет. Сроки постройки АЭС в Финляндии выросли с заявленных еще в 2003 г. 48 мес. до 177 мес., то есть растянулись на 15 лет. Стоимость возросла как минимум втрое – с 3 млрд евро до 10 млрд евро¹⁸. С учетом данного опыта достижение поставленных целей в срок представляется сомнительным.

Из-за состояния ядерной энергетики во Франции (впервые в истории страны остановлены 28 из 56 АЭС, 12 из 56 АЭС необходим ремонт и техобслуживание пораженного коррозией оборудования)¹⁹ власти страны сначала сделали ставку на российский газ как на наиболее чистое ископаемое топливо. Для Франции важно, чтобы в данной геополитической ситуации Германия не потеряла доступ к природному газу из России (на который ориентировалась ФРГ, не желая использовать ядерную энергетику), чтобы не лишиться возможности производить электроэнергию в нужных (в том числе для Франции) количествах. Однако в середине июня 2022 г. у Франции исчез доступ к российскому трубопроводному газу из-за прерывания потока между Францией и Германией (который с начала года сократился на 60%). Газохранилища Франции по состоянию на тот период были заполнены лишь на 52%²⁰, в целях экономии энергии зимой могут отключать электричество. О сокращении газовых потоков на 15% объявила Италия (60% запасов); поставлена задача заполнить хранилища на 90%, на что выделены нужные средства.

Чтобы смягчить резкий рост цен на энергоносители, который усугубляет риск прекращения поставок российского газа, правительство Франции реализует ядерную стратегию. Для получения средств на приведение в порядок ядерной энергетики запланирована национализация крупнейшего в Европе производителя атомной энергии – Electricité de France (EDF), где государству и так принадлежат 84% капитала. Однако, как подчеркивают в ведущем агентстве по информации о европейских энергетических рынках Montel, даже при национализации обремененной долгами EDF компанию придется реструктури-

¹⁷ См. подробнее: A 10-Point Plan to Reduce the European Union's Reliance on Russian Natural Gas. International Energy Agency. March 3, 2022. Pp. 1–12.

¹⁸ Wajsbrot Sh. Nucléaire: l'avertissement de la Cour des comptes sur les nouveaux EPR. Les Echos. 09.07.2020. (<https://www.lesechos.fr/industrie-services/energie-environnement/nucleaire-la-cour-des-comptes-pose-des-conditions-a-la-construction-de-nouveaux-epr-en-france-1222587>). [Folz 2019, 9-10]. Finlande: les malheurs d'Areva devraient coûter très cher à l'État. Le Point. 11.12.2020. (https://www.lepoint.fr/economie/finlande-les-malheurs-d-areva-devraient-couter-tres-cher-a-l-etat-11-12-2020-2405272_28.php).

¹⁹ Wajsbrot Sh. (2022). Electricité: le parc nucléaire risque de tourner au ralenti pendant plusieurs années. Les Echos. 18.05. (<https://www.lesechos.fr/industrie-services/energie-environnement/electricite-le-parc-nucleaire-risque-de-tourner-au-ralenti-pendant-plusieurs-annees-1407726>).

²⁰ “Aiuteremo operatori e gestore a reperire e stoccare l'energia”. Sky.tg24. 02.06.2022. (<https://tg24.sky.it/economia/2022/07/02/siccita-gas-cingolani-intervista>).

ровать²¹ в рамках борьбы с европейским энергетическим кризисом. Трудности, с которыми сталкивается EDF, могут подорвать континентальный план оперативно отказаться от российского газа²². Компания рискует из экспортера дешевой энергии превратиться в ее импортера.

О планах реформировать энергетику Франции в рамках инвестиционного плана «Франция 2030» официально объявил президент Э. Макрон, поставив задачу за 30 лет снизить энергопотребление на 40% и проводить «более экологичную, более суверенную» политику, которая будет повышать покупательную способность. Данные цели собираются осуществить путем достижения энергетической независимости Франции через реиндустриализацию страны. Поскольку на ископаемые виды топлива приходится значительная часть энергопотребления Франции, президент в своей речи в промышленном центре в Бельфоре поставил перед государством цель стать «первой крупной страной в мире, избавившейся от зависимости от ископаемых видов топлива»²³. Как подчеркнул Э. Макрон, она может быть достигнута только при соблюдении двух условий: сокращения потребления энергии и увеличения мощностей по производству безуглеродной энергии. В данном контексте планируется, наряду с развитием ВИЭ, строительство новых ядерных реакторов на период энергетического перехода в рамках «Европейской зеленой сделки»²⁴. В ЕС одобряют инвестиции в ядерную энергетику, которая способствует сокращению выбросов CO₂ при приоритетной значимости развития ВИЭ.

Также принимаются меры по энергосбережению. Так, с 1 июля 2022 г. запрещается установка новых отопительных котлов на мазуте и угле (в случае поломки уже установленных возможна их починка), разрешена установка котлов на биотопливе. Одновременно отменяется субсидия в форме «энергетического бонуса» (*prime d'énergie*) и бонуса за сертификат энергосбережения (*certificats d'économie d'énergie*, CEE). Поставщики энергии могут предоставлять финансовую помощь частным лицам для частичного или полного финансирования работ по энергосбережению в их домах. Данные средства предлагают, чтобы побудить энергораспределительные компании поощрять своих клиентов (домохозяйства или предприятия) экономить энергию. Правительство еще с 2006 г. предписывает под угрозой санкций обосновывать и применять финансовые стимулы в этих целях. Чтобы получить право на помощь в форме сертификата энергосбережения, домохозяйства должны были занимать жилье, построенное более двух лет назад, и провести работы по утеплению, переходу на более энергоэффективное оборудование и т. д. В перечне упоминалось двести различных видов работ. Размер бонуса зависел от дохода собственника. В качестве дополнительного стимула правительство установило надбавки на определенные виды работ – в том числе на капитальный ремонт и утепление.

Однако с 1 июля 2022 г. государство больше не оплачивает работы по утеплению чердаков, крыш и нижних этажей. Потери могут составлять до 40% стоимости изоляции.

²¹ Tetrel S. (2022). *Même nationalisée, EDF devra être réformée – analystes*. Montel Group. 24.03. (<https://www.montelnews.com/fr/news/1308556/mme-nationalise-edf-devra-tre-rforme--analystes>).

²² Morison R., De Beaupuy F. *EDF Nuclear Failures Undermine Europe's Push to Exit Russian Gas*. Bloomberg. 27.05.2022. (<https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-05-27/edf-nuclear-failures-undermine-europe-s-push-to-exit-russian-gas>).

²³ *Reprendre en main notre destin énergétique! Élysée*. Le 10 février 2022. (<https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2022/02/10/reprendre-en-main-notre-destin-energetique>).

²⁴ *EU taxonomy: Complementary Climate Delegated Act to accelerate decarbonization*. 02.02.2022. European Commission. (https://ec.europa.eu/info/publications/220202-sustainable-finance-taxonomy-complementary-climate-delegated-act_en).

Одновременно расширяется возможность использовать энергетический бонус и систему MaPrimeRénov (помощь на обновление жилья в целях энергосбережения), что способно компенсировать до 50% стоимости работ. Создается также возможность доступа к беспроцентной ссуде на проведение «энергетической реновации» (éco-PTZ, prêt à taux zéro). Отдельно стимулируют энергопотребителей, которые начали работы по энергосбережению не в 2022 г., а годом ранее, в 2021 г.²⁵

Премьер-министр Франции Э. Борн как представитель исполнительной ветви государственной власти вскоре после вступления в должность сделала противоречивые заявления по поводу энергетического перехода. С одной стороны, она сказала, что государство не будет подчинять экологии экономику и достигать экологических целей в ущерб экономическому положению уязвимых слоев населения, памятуя о плачевном опыте протестов «желтых жилетов», которые начались после введения экологического налога на топливо. С другой стороны, подчеркнула важность ускорения энергетического перехода – но так, чтобы французы не меняли привычный стиль жизни²⁶.

В условиях заявленного в ЕС энергетического перехода в выигрыше должны оказаться компании, использующие ВИЭ (прежде всего ветровую и солнечную энергию), которые тем самым избежали от платы за углеродный след – трансграничного углеродного налога (Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM), который вступит в силу с 2026 г. В переходный период (с января 2023 г. до 2026 г.) налог не взимается. Он относится только к импорту и не имеет отношения к предприятиям стран ЕС: для последних существует плата за разрешения на выбросы (AAU Assigned Amount Units) в рамках т.н. Системы торговли квотами на выбросы ЕС (EU ETS, EU Emissions Trading System). Однако вряд ли CBAM на самом деле введут не только в 2026 г., но и позднее – свою роль сыграют новейший энергетический кризис в ЕС и связанный с ним пересмотр безуглеродной повестки и программы опоры на ВИЭ.

CBAM призван «примирить» климатическую повестку – «Европейскую зеленую сделку» – и торговые интересы. Россия рассматривает эту меру скорее как экономическую, нежели экологическую, что отмечено в докладе европейского аналитического центра по изменению климата Sandbag [Assous 2021, 50]. Подобная политика ограничивает доступ на рынки ЕС более дешевой и конкурентоспособной продукции из стран с развивающейся экономикой, несущей сильный «углеродный след».

Трансграничный углеродный налог стал основой пакета предложенных в 2021 г. мер Еврокомиссии (ЕК) (Fit for 55), Плана климатических целей в рамках «Европейской зеленой сделки» – Климатического закона, который предусматривает сокращение выбросов CO₂ в ЕС к 2030 г., не менее чем на 55% по отношению к уровню 1990-х гг. и до нулевого уровня к 2050 г.²⁷

Год назад РФ оценивала свой экспорт в ЕС, который может затронуть углеродное регулирование, в 7,6 млрд долл. Правда, запрет ЕС на импорт продукции российской черной

²⁵ Allard L. Travaux d'économies d'énergie: ce qui change au 1er juillet. Le Point. 01.07.2022. (https://www.lepoint.fr/immobilier/travaux-d-economies-d-energie-ce-qui-change-au-1er-juillet-01-07-2022-2481708_31.php).

²⁶ EXCLUSIF. Élisabeth Borne: «Sortir des énergies fossiles exigera une transformation radicale». Le Point/AFP. 18.09.2021. (https://www.lepoint.fr/politique/exclusif-elisabeth-borne-sortir-des-energies-fossiles-exigera-une-transformation-radicate-02-06-2022-2478036_20.php). Elisabeth Borne: «Nous ne ferons pas l'écologie contre l'économie». Le Monde. 02.06.2022. ([https://www.lemonde.fr/politique/article/2022/06/02/elisabeth-borne-nous-ne-ferons-pas-l-ecologie-contre-l-economie_6128651_823448.html#xtor=AL-32280270-\[default\]-\[android\]](https://www.lemonde.fr/politique/article/2022/06/02/elisabeth-borne-nous-ne-ferons-pas-l-ecologie-contre-l-economie_6128651_823448.html#xtor=AL-32280270-[default]-[android])).

²⁷ Fit for 55. European Council. July 2021. (<https://www.consilium.europa.eu/en/policies/green-deal/fit-for-55-the-eu-plan-for-a-green-transition/>); European Climate Law. Official Journal of the European Union. 9.7.2021. P. 5.

металлургии вывел из-под углеродного налогообложения эту важную статью российского экспорта, в связи с чем указанная сумма может быть ниже как минимум вдвое.

Интересы российских экспортеров могут сильно пострадать от введения углеродного налога – предполагается, что сборы вырастут с 442 млн евро в 2026 г. до 1,9 млрд в 2035 г. Данный прогноз также можно снизить вдвое с учетом введенных санкций в отношении российской продукции черной металлургии. Впрочем, эксперты Sandbag сочли эти суммы небольшими по сравнению с 91,4 млрд евро – стоимостью импорта ЕС из России в 2019 г.²⁸

По оценкам МЭА, сокращение выбросов к 2050 г. потребует от ЕС «беспрецедентного межгосударственного сотрудничества». Согласованные действия государств способствуют привлечению инвестиций частного сектора и достижениям в области технологий чистой энергетики. Опыт показывает, что государства играют решающую роль в ускорении вывода новых технологий на рынок и их распространении²⁹. Они разрабатывают нормативные документы, на основе которых функционируют рынки и финансовые системы. Правительствам стран ЕС предстоит проработать детали реализации климатической программы, а политика по сокращению выбросов CO₂ позволит Евросоюзу подтвердить лидерство в борьбе с изменением климата. Роль государства заключается в организации образования, профессиональной подготовки и обмена знаниями; в финансировании исследований и разработок и помощи компаниям по внедрению инноваций³⁰; в защите интеллектуальной собственности, использовании государственных закупок и инвестировании в инфраструктуру.

ЕК в феврале 2022 г. приняла спорное решение присвоить «зеленый ярлык» ядерному топливу и природному газу³¹ на период энергетического перехода, что вызвало возражения в ЕС – несмотря на то, что для ядерной энергетики характерны доступная цена и низкие выбросы парниковых газов за счет использования радиоактивных металлов вместо сжигания ископаемого топлива. Включение ядерной и газовой генерации в «Зеленую таксономию» можно рассматривать как признание запланированных сроков перехода к безуглеродной энергетике излишне оптимистичными.

В целом отношение к ядерной энергии еще в 1970-х гг., до аварии на Чернобыльской АЭС, было неоднозначным³² – в том числе из-за ядерных отходов. Данная позиция получила дополнительный стимул после аварии на японской АЭС Фукусима-1 (2011 г.). Из стран ЕС только Франция продолжила ядерную программу. Европарламент в июле 2022 г. признал

²⁸ New study shows limited trade impacts of European Carbon Border Adjustment Mechanism. Sandbag. 30.08.2021. (<https://sandbag.be/index.php/2021/08/30/new-study-shows-limited-trade-impacts-of-european-carbon-border-adjustment-mechanism/>).

²⁹ Net Zero by 2050. A Roadmap for the Global Energy Sector. Special Report IEA. October 2021. Pp. 186, 187, 189. (https://iea.blob.core.windows.net/assets/deebef5d-0c34-4539-9d0c-10b13d840027/NetZeroby2050-ARoadmapfortheGlobalEnergySector_CORR.pdf).

³⁰ Правда, исследователи задаются вопросом, в какой мере государство должно инвестировать в ВИЭ, чтобы финансово стимулировать повышение их рентабельности – см.: [Bhandari V. et al. 2017, 82].

³¹ Taxinomie de l'UE: la Commission présente un acte délégué complémentaire relatif aux objectifs climatiques, pour accélérer la décarbonation. Bruxelles. European Commission. le 2 février 2022. (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/fr/ip_22_711).

³² Ее развитие тормозится «снизу» оппозицией в Японии и Нидерландах; замедлялось в Западной Германии, Швейцарии, Италии, Австрии, Швеции. От атомной энергетики отказались в Норвегии, Австралии, Новой Зеландии, двух канадских провинциях. Неопределенные перспективы были в Дании и ряде американских штатов. Против этого вида энергетики выступали в Великобритании, Канаде, Испании, Бразилии, Индии, Таиланде и других странах – см.: Lovins A.B. Energy strategy: The road not taken? Foreign Affairs. October 1 1976. (<https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1976-10-01/energy-strategy-road-not-taken>).

ядерную энергию и природный газ чистыми видами энергии со статусом промежуточного решения на время энергетического перехода, поддержав ЕК и ее Дополнительный закон о климате³³. Специалисты считают ядерную энергетику сравнимой с ВИЭ по влиянию на окружающую среду и климат. Одновременно она значительно дешевле и требует меньших площадей для размещения³⁴.

* * *

Трансформация энергетики в ЕС – важный стратегический вызов на пути достижения устойчивого развития. В то же время ставятся противоречащие друг другу цели: в нынешней ситуации экология, ВИЭ и энергопереход идут в ущерб экономическому росту. Цели экологической повестки – противодействие изменению климата и поддержка биоразнообразия – осложнились в 2022 г. геополитическим фактором: стремлением уйти или по крайней мере снизить зависимость от поставок энергоносителей из России, которая обладает крупнейшими в мире запасами ископаемого топлива. На данном фоне улучшилось отношение к ядерной энергетике. Политика Евросоюза провоцирует стагфляцию, спад экономики в отдельных странах и может еще больше снизить конкурентоспособность промышленной продукции (по сравнению с китайской) на внешних рынках, поскольку в основу издержек производства заложены цены на энергоносители.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зимаков А.В. (2021) Экологизация энергетики как фактор конкурентоспособности // В: Европейский союз в мировом хозяйстве: проблемы конкурентоспособности. Ред.: Хесин Е.С.. М.: ИМЭМО РАН. С. 52–67.

Рогинко С.А. (2021) Европейский трансграничный углеродный шантаж: риски и возможности хеджирования // Европейская аналитика 2021. М.: Институт Европы РАН. С. 46–61.

Сидоров А.А. (2015) Использование возобновляемых источников энергии как средство достижения устойчивого развития России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 6–2. С. 238–242.

Сидоров А.А. (2014) Кризис конкурентоспособности еврозоны // Международная экономика. № 3. С. 30–39.

Худякова Л.С. (2019) Создание системы устойчивого финансирования в Европейском союзе // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 7. С. 16–22.

Assous A. et al. (2021) A Storm in a Teacup Impacts and Geopolitical Risks of the European Carbon Border Adjustment Mechanism. Sandbag. Report. August. Pp. 1–64. (<https://9tj4025o153byww26jdkao0x-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/E3G-Sandbag-CBAM-Paper-Eng.pdf>).

Bhandari V. et al. (2017) Interacting Policies in Power Systems: Renewable Subsidies and a Carbon Tax // The Electricity Journal. Vol. 30. Issue 6. Pp. 80–84.

Folz J.-M. (2019) La construction de l'EPR de Flamanville // Rapport au Président Directeur Général d'EDF.P. Octobre. Pp. 1–33.

³³ Дополнительный акт делегирования по смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним, охватывающий определенные виды газовой и ядерной деятельности» (англ. Complementary Delegated Act on climate change mitigation and adaptation covering certain gas and nuclear activities).

³⁴ Road to EU Climate Neutrality by 2050. Brussels: ECR Group and Renew Europe. January 2021. (https://ecrgroup.eu/files/Energy_Study_Full.pdf).

Mara D. et al. (2022) The Place of Energy Security in the National Security Framework: An Assessment Approach // *Energies*. Vol. 15. Issue 2. Pp. 1–29. (<https://www.mdpi.com/1996-1073/15/2/658/htm>).

Moore Ch. et al. (2022) Gas Crisis Interrupts EU Coal Exit // *European Electricity Review*. Ember. Pp. 1–33 (<https://ember-climate.org/app/uploads/2022/02/Report-EER.pdf>).

Piskulova N. (2020) Drivers of EU-Russian Cooperation on Environmental Issues: The View from Russia // *EUREN Brief* no. 10. January. (http://188.127.251.150/wp-content/euinrussiapdf/EUREN_Brief_10_Piskulova.pdf).

Prontera A. (2017) *The New Politics of Energy Security in the European Union and Beyond. States, Markets, Institutions*. N.Y.: Routledge.

Stavytskiy A. et al. (2018) Estimating the Interrelation between Energy Security and Macroeconomic Factors in European Countries // *Journal of International Studies*. Vol. 11. No. 3. Pp. 217–238.

REFERENCES

Assous A. et al. (2021) *A Storm in a Teacup Impacts and Geopolitical Risks of the European Carbon Border Adjustment Mechanism*. Sandbag. Report. August. Pp. 1–64. (<https://9tj4025o153byww26jdkao0x-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/E3G-Sandbag-CBAM-Paper-Eng.pdf>).

Bhandari V. et al. (2017) Interacting Policies in Power Systems: Renewable Subsidies and a Carbon Tax. *The Electricity Journal*. vol. 30, issue 6, pp. 80–84.

Folz J.-M. (2019) *La construction de l'EPR de Flamanville*. Rapport au Président Directeur Général d'EDF.P. Octobre. pp. 1–33.

Khudyakova L.S. (2019) Sozdaniye sistemy ustoychivogo finansirovaniya v Yevropeyskom soyuze [Launching a Sustainable Financial System in the European Union]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. no. 7, pp. 16–22.

Mara D. et al. (2022) The Place of Energy Security in the National Security Framework: An Assessment Approach. *Energies*. vol. 15, issue 2, pp. 1–29. (<https://www.mdpi.com/1996-1073/15/2/658/htm>).

Moore Ch. et al. (2022) Gas Crisis Interrupts EU Coal Exit. *European Electricity Review*. Ember. pp. 1–33. (<https://ember-climate.org/app/uploads/2022/02/Report-EER.pdf>).

Piskulova N. (2020) Drivers of EU-Russian Cooperation on Environmental Issues: The View from Russia. *EUREN Brief* no. 10. January. (http://188.127.251.150/wp-content/euinrussiapdf/EUREN_Brief_10_Piskulova.pdf).

Prontera A. (2017) *The New Politics of Energy Security in the European Union and Beyond. States, Markets, Institutions*. New York: Routledge.

Roginko S.A. (2021) Yevropeyskiy transgranichnyy uglerodnyy shantazh: riski i vozmozhnosti khedzhirovaniya [European Cross-Border Carbon Blackmail: Risks and Opportunities for Hedging]. In: *Yevropeyskaya analitika 2021*. Moscow: Institut Yevropy RAN. pp. 46–61.

Sidorov A.A. (2014) Krizis konkurentosposobnosti yevrozony [Eurozone Competitiveness Crisis]. *Mezhdunarodnaya ekonomika*. no. 3, pp. 30–39.

Sidorov A.A. (2015) Ispol'zovaniye vozobnovlyayemykh istochnikov energii kak sredstvo dostizheniya ustoychivogo razvitiya Rossii [The Use of Renewables as a Means of Achieving Sustainable Development in Russia]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*. no. 6–2, pp. 238–242.

Stavytskiy A., Kharlamova G. et al. (2018) Estimating the Interrelation between Energy Security and Macroeconomic Factors in European Countries. *Journal of International Studies*. vol. 11, no. 3, pp. 217–238.

Zimakov A.V. (2021). Ekologizatsiya energetiki kak faktor konkurentosposobnosti [Ecologization of Energy as a Factor of Competitiveness]. In: *Yevropeyskiy soyuz v mirovom khozyaystve: problemy konkurentosposobnosti*. Ed(s): Hesin E.S. Moscow: IMEMO RAN. Pp. 52–67.

Информация об авторе

Клинова Марина Влениновна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: marina.v.klinova@gmail.com

About the author

Marina V. Klinova, Doctor of Sciences (Economics), Leading Research Fellow, Center for European Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: marina.v.klinova@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 09.07.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 29.08.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 05.09.2022

DOI: 10.31857/S0869049922050021
EDN: EZKJLF

ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА GLOBAL POLITICS

Оригинальная статья / Original Article

Инфраструктурная конкуренция США и КНР в развивающихся странах¹

© А.В. БОРЕЙКО, А.А. ВЕРНИГОРА, С.В. КИСЛИЦЫН

Борейко Антон Владимирович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), aboreyko@imemo.ru. ORCID: 0000-0001-6733-8629

Вернигора Алина Андреевна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), avernigora@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-6447-5078

Кислицын Сергей Владимирович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), skislitsyn@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-8438-7964

В статье проводится краткий сравнительный анализ американских и китайских инфраструктурных проектов. В качестве методологической основы выбран мир-системный подход, который позволяет установить объективные возможности и ограничения стратегий США и Китая как взаимосвязанных частей мировой экономики и политики. В первой части статьи описан мир-системный подход, а также положение КНР в современной системе международных отношений. Вторая часть посвящена китайской инициативе «Один пояс – один путь», в третьей проводится анализ встречных инициатив, выдвинутых Соединенными Штатами.

¹ Финансирование. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075–15-2020-783).

Funding. The article was prepared within the project “Post-crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation” supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075–15-2020-783).

Ключевые слова: Китай, США, «Один пояс – один путь», цифровая инфраструктура, Партнерство по глобальной инфраструктуре и инвестициям, мир-система, глобальное лидерство

Цитирование: Бореико А.В., Вернигора А.А., Кислицын С.В. (2022) Инфраструктурная конкуренция США и КНР в развивающихся странах // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 60–75. DOI: 10.31857/S0869049922050021, EDN: EZKJLF.

The USA and China Infrastructure Competition in Developing Countries

© A. BOREYKO, A. VERNIGORA, S. KISLITSYN

Anton V. Boreyko, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), aboreyko@imemo.ru

Alina A. Vernigora, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), avernigora@imemo.ru

Sergey V. Kislitsyn, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), skislitsyn@imemo.ru

Abstract. The article provides a brief comparative analysis of US and Chinese infrastructure projects. The world-system approach, which allows to establish the objective possibilities and limitations of the strategies of the United States and China as interconnected parts of the world economy and politics, was chosen as a methodological basis. The first part of the article describes the world-system approach, as well as the position of the People's Republic of China in the modern system of international relations. The second part is devoted to the Chinese Belt and Road Initiative. The third part provides an analysis of counter-initiatives put forward by the United States.

Keywords: China, USA, Belt and Road Initiative, digital infrastructure, Partnership for Global Infrastructure and Investment, world-systems theory, global leadership

Citation: Boreyko A., Vernigora A, Kislitsyn S. (2021) The USA and China Infrastructure Competition in Developing Countries. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 60–75. DOI: 10.31857/S0869049922050021, EDN: EZKJLF.

Американо-китайские противоречия становятся центральными в формирующейся системе международных отношений. После провала идеи о выстраивании эффективного сотрудничества двух стран (в том числе так называемой «Большой двойки» (G2) в начале 2010-х гг.) стороны стали переходить к стратегической конкуренции. Ее особенность – акцент на торгово-экономической и технологической сферах.

Такое развитие событий требует от Соединенных Штатов принципиально новых подходов, с которыми они не сталкивались ранее. Конфронтация с Советским Союзом носила преимущественно военно-политический и идеологический характер. В то же время торговля, прямые иностранные инвестиции и технологическое лидерство в гражданском секторе были для США источником доходов в борьбе с СССР. Теперь же именно эти сферы становятся основными в противостоянии двух глобальных лидеров.

В современных условиях данные направления подразумевают и создание соответствующей транспортной и телекоммуникационной инфраструктур – основы для межстрано-

вого сотрудничества. В данной сфере Китайский проект «Один пояс – один путь» (ОПОП) стал крупнейшей глобальной инициативой, которая устанавливает соответствующие стандарты и превращается в серьезный рычаг политико-экономического влияния.

США, рассматривая КНР в качестве своего основного стратегического конкурента, вынуждены отвечать на китайские проекты. Однако их возможности на данный момент ограничены. Администрация Дж. Байдена в последние годы анонсировала ряд международных инфраструктурных инициатив, перспективы реализации которых по-прежнему не ясны. В данной статье проводится краткий сравнительный анализ американских и китайских инфраструктурных проектов.

Исследование проведено на основе мир-системного подхода, который отображает американо-китайскую конкуренцию в глобальном масштабе. Статья состоит из трех частей. В первой проводится описание мир-системного подхода, а также через его призму рассматривается положение КНР в современной системе международных отношений. Вторая часть статьи посвящена китайской инициативе «Один пояс – один путь», в третьей проводится анализ встречных инициатив, выдвинутых Соединенными Штатами.

Американо-китайское противостояние через призму мир-системного подхода

Конкуренцию Китая и США можно рассматривать, используя разные парадигмы теории международных отношений. Неoliberalизм видит в ней идеологическое соперничество авторитарной и демократической системы, неореализм – политическую борьбу за установление нового мирового порядка, неомарксизм – противостояние империалистических держав. В данной статье теоретической основой анализа выступает мир-системный подход, при помощи которого анализируется инфраструктурная конкуренция США и КНР в развивающихся странах.

«Мир-система» – это сочетание глобальной экономической системы и множества политических и культурных систем. Поведение субъектов зависит от их принадлежности к одному из уровней мир-системы: периферии, полупериферии или центра. Принадлежность определяется способностью максимизировать прибыль за счет лидерства в обладании технологическими, финансовыми, политическими или военными ресурсами. Ключевое свойство мир-системы – постоянное движение потока ресурсов из стран периферии в страны полупериферии и центра [Wallerstein 2011].

В настоящее время США остаются лидером мир-системы и стремятся сохранить свой статус [Watkins 2019]. Проблема заключается в том, что на протяжении многих лет Соединенные Штаты борются с падением нормы прибыли [Абдулов, Джабборов, Комолов, Маслов, Степанова 2021], которое обусловлено увеличением капиталоемкого производства по отношению к трудоемкому и росту стоимости рабочей силы². Чтобы преодолеть сложившийся тренд, Соединенные Штаты используют вывоз капитала, перемещая трудоемкие операции в рамках глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) в периферийные и полупериферийные страны.

После распада СССР продвигаемая США политика неолиберализма приняла глобальный масштаб, сформировав новый мировой порядок. Структурные реформы «Вашингтонского консенсуса» в том числе предполагали приватизацию государственных предприятий и снижение ограничений для прямых иностранных инвестиций, что облегчило американ-

² Labor cost index. The Global Economy. (https://www.theglobaleconomy.com/USA/labor_cost/).

ским компаниям приобретение внутренних активов в периферийных страна и их интеграцию в ГЦСС [Watkins 2019].

Соединенные Штаты постепенно отказались от вестфальского принципа незыблемости государственного суверенитета. Независимость становится «лицензией», которую Вашингтон может отозвать, если правительство не соблюдает либеральные политические и экономические нормы [Watkins 2019]. В сложившейся парадигме Пекин должен был открыть доступ к национальному рынку для американских транснациональных компаний (ТНК), а также провести неолиберальные реформы политической системы. В зависимости от того, насколько политика Китая соответствовала этим требованиям, Вашингтон планировал «поддерживать, сдерживать или уравнивать» Пекин³.

Неудивительно, что в американских документах, посвященных оценке внешнеэкономических и внешнеполитических рисков, Китай рассматривают как «ревизионистскую державу», которая стремится пересмотреть сложившиеся международные условия. Вместе с тем действия Пекина направлены на качественные изменения конфигурации расстановки сил и преимущественно выражаются в торгово-экономических аспектах. Данная стратегия обусловлена долгосрочными целями и стратегическими планами, которых придерживается Коммунистическая партия Китая (КПК).

Периферия с китайской спецификой

Парадоксально, но неолиберальная политика США отчасти способствовала укреплению экономической и политической мощи Китая, который начал встраиваться в мировую рыночную систему еще в конце 1970-х гг. Однако взлет экспортоориентированного «рыночного социализма», который пришелся на 1990-е гг., произошел именно на волне неолиберальной глобализации. В этот период страна развивалась в соответствии с парадигмой «летающих гусей» японского экономиста Канамэ Акамацу [Тауш 2019]. Как и другие «догоняющие» экономики, КНР предлагала развитым странам дешевую рабочую силу, однако обладала уникальными преимуществами: обширным внутренним рынком, развитой промышленностью, квалифицированными кадрами, грамотным населением, а также развитой государственной системой стратегического планирования, которая позволяла централизованно распоряжаться кредитами, организовывать инфраструктуру и контролировать потоки капитала, перераспределяя ресурсы между отраслями и регионами. Перечисленные внутренние факторы качественно отличали развитие Китая от «новых индустриальных стран». На протяжении 1990-х гг. Пекин пользовался этими преимуществами, сохраняя доминирование государства в экономике и повышая статус в мир-системе в том числе за счет американских инвестиций, но не бросая прямой вызов доминированию Вашингтона.

От периферии к полупериферии

Первым успешным испытанием этого курса стал азиатский экономический кризис 1997 г. Однако он же показал – если Пекин продолжит развивать экспортоориентированную модель развития, привлекать прямые иностранные инвестиции (ПИИ) и вкладывать прибыль в американские ценные бумаги, в результате страна столкнется с угрозой утратить контроль над национальными активами. К примеру, дефолт Южной Кореи во время

³ National Security Strategy 1993. National Security Strategy Archive. (<http://nssarchive.us/national-security-strategy-1993>).

азиатского кризиса 1997 г. привел к резкому ослаблению государственного суверенитета в области экономики⁴.

Поэтому стратегия Пекина в 2000-е гг. меняется: основным драйвером роста становятся инвестиции в национальный рынок. Правительство определило стратегические отрасли развития экономики, создав благоприятные условия для соответствующих компаний, «национальных чемпионов» [Hemphill, White 2013]. Излишки капиталов переводили в виде ПИИ в рамках стратегии «Go Global», чему способствовало вступление во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 г. [Jenkins 2019, 18]. С этого момента Китай начинает импортировать сырьевые товары из полупериферийных и периферийных стран.

Мировой финансовый кризис 2008 г. укрепил выбранную стратегию. Несмотря на диверсификацию инвестиций, значительная часть своих сбережений Китай по-прежнему хранил в долговых ценных бумагах США. Часть из них – в печально известных ипотечных агентствах Federal National Mortgage Association (Fannie Mae) и Federal Home Loan Mortgage Corporation (Freddie Mac). Исчезновение этих средств стало шоком для Пекина, который все-таки попал в «долларовую ловушку», так как не мог рассчитывать на своп-линии⁵ от Федеральной резервной системы (ФРС).

В результате государство стало еще активнее стимулировать национальную экономику, увеличивая совокупное предложение и спрос [Watkins 2019]. Данные меры сработали, однако их следствием стали дальнейший рост удельного веса капиталоемких отраслей и увеличение стоимости рабочей силы [Huang, Liugang 2021]. Падение рентабельности замедляло темпы роста ВВП⁶, вызывало накопление избыточных мощностей, особенно в области инфраструктуры (электроэнергетический и строительный секторы), что ограничивало возможность развиваться в русле «мировой фабрики».

От полупериферии к центру

На фоне новой волны мирового экономического кризиса, начавшейся в 2014 г., китайские политики стали продвигать идею о радикальном изменении места страны в международной системе разделения труда – от «мировой фабрики» к мировому технологическому лидеру. На первом этапе (2015–2025 гг.) Китай должен достичь технологического суверенитета, на втором (2020–2035 гг.) – устанавливать стандарты инновационного производства для всего мира⁷.

В 2015 г. стартовал первый этап, появилась стратегия развития промышленности «Сделано в Китае 2025». В период тринадцатого (2016–2020 гг.) и четырнадцатого (2021–2025 гг.) пятилетних планов китайская экономика перестраивается под производство высоких технологий в соответствии с четвертой промышленной революцией⁸.

Второй этап начался в 2020 г., когда правительство ввело стратегию «Китайские стандарты 2035». В соответствии с ней КНР должна стать создателем стандартов индустрии.

⁴ Tabb W. (1998) The East Asian Financial Crisis. Monthly Review. (https://monthlyreviewarchives.org/index.php/mr/article/view/MR-050-02-1998-06_3).

⁵ Swap Line – соглашение между двумя центральными банками разных стран о взаимном обмене валют по фиксированным курсам.

⁶ GDP growth (annual %) – China. The World Bank. (<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=CN>).

⁷ Cyril M. What is Made in China 2025 and Why Has it Made the World So Nervous? China Briefing. December 28, 2018. (<https://www.china-briefing.com/news/made-in-china-2025-explained/>).

⁸ Четвертая промышленная революция – развитие цифровых промышленных технологий.

стрии 4.0 – например, в области автоматизации производства или экологически чистых технологий. Государство инвестирует в эти отрасли, создавая необходимую инфраструктуру⁹.

Стремясь достичь глобального лидерства в сфере высоких технологий, Китай делает ставку на развитие новой инфраструктуры – «цифровой, умной и инновационной», о чем руководство Коммунистической партии Китая объявило в 2020 г. Стратегия дополняет программы «Сделано в Китае 2025» и «Китайские стандарты 2035», и объявленная сумма государственных расходов в 14 «пятилетку» составит примерно 1,4 трлн долл. Средства будут направлены на развитие сетей 5G, искусственного интеллекта, интернета вещей, междугородних высокоскоростных железных дорог и научно-исследовательских институтов. В отличие от инфраструктурной политики во время кризиса 2008 г., правительство все больше работает с привлечением частных инвестиций¹⁰.

С точки зрения стратегии глобального лидерства в области новых стандартов, эта инвестиционная политика позволяет формировать цифровую среду с доминированием китайских технологий. Данный аспект отмечают и американские аналитики, по мнению которых государственные субсидии, кредиты и цифровизация проекта «Один пояс – один путь» способствовали стремительному росту Huawei и других технологических компаний [Capri 2020].

Один пояс – один путь

Интеграционный проект «Один пояс – один путь» (ОПОП) начали в 2014 г. в результате слияния сухопутного «Пояса и пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» [Jenkins 2019, 341]. Он направлен на создание глобальной производственной инфраструктуры с доминированием китайских товаров, финансов и технологий и представляет собой комплекс соответствующих инвестиционных программ. К 2021 г. участниками проекта стали 145 стран, которые обрели возможность экспортировать продукцию на крупнейший рынок на выгодных условиях, получать финансирование и использовать передовые технологии, что стало особенно важным в свете замедления роста глобального ВВП после кризиса 2008 г.

Страны Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) начали присоединяться к проекту в 2018 г., за 4 года присоединилась 21 страна из 33 [Albright 2022]. Так как ОПОП объединяет торговлю, финансы, инвестиции и инфраструктурные проекты в рамках единого пространства, он обеспечивает Китаю стратегическое преимущество в регионе с точки зрения сырьевой и продовольственной безопасности. Успехи Китая подтверждают американские эксперты, отмечая, например, преобладание китайских компаний на территории свободной экономической зоны в Панамском канале¹¹. Кроме того, в результате своей инвестиционной политики Китай получает технологии, которые дают ему возможность контролировать стратегическую инфраструктуру в Венесуэле, Сальвадоре, Ника-

⁹ Koty A. What is the China Standards 2035 Plan and How Will it Impact Emerging Industries? China Briefing. July 2, 2020. (<https://www.china-briefing.com/news/what-is-china-standards-2035-plan-how-will-it-impact-emerging-technologies-what-is-link-made-in-china-2025-goals/>).

¹⁰ Wong D. How Can Foreign Technology Investors Benefit from China's New Infrastructure Plan? China Briefing. August 7, 2020. (<https://www.china-briefing.com/news/how-foreign-technology-investors-benefit-from-chinas-new-infrastructure-plan/>).

¹¹ Nugent C., Campell C. The U.S. and China Are Battling for Influence in Latin America, and the Pandemic Has Raised the Stakes. Time. February 4, 2021. (<https://time.com/5936037/us-china-latin-america-influence/>).

рагуа, Кубе и Коста-Рике¹². Развитие более тесной экономической интеграции позволяет Китаю заручиться поддержкой элит в регионе вне зависимости от их политической ориентации. Например, позицию Пекина по Тайваню по состоянию на 2022 г. разделяют 25 латиноамериканских государства из 33, среди которых есть и левые, и правые, и центристские режимы¹³.

В Центральной Азии развитие ОПОП предполагает создание нескольких сухопутных транспортных коридоров, два из которых – северный и центральный – пролегают по территории региональных государств. Как и Латинская Америка, Центральная Азия экспортирует сырьевые ресурсы для КНР. Казахстан поставляет металлы и нефть, Узбекистан – хлопок-волокно, Кыргызстан – металлолом и продукцию животноводства. В связи с данной тенденцией большинство инвестиционных проектов в регионе завязаны на «жесткой» инфраструктуре – это газо- и нефтепроводы, а также транспортные узлы. За последние 30 лет объем торговых потоков между регионами увеличился в 100 раз¹⁴.

Поскольку изначально ОПОП должен был связать Китай с Европой, следующим по маршруту регионом после Центральной Азии стал Ближний Восток. Уже в 2016 г. Пекин стал крупнейшим инвестором и в этом регионе¹⁵, хотя еще в 2009 г. на его долю приходилось менее 1% прямых инвестиций. Как и в Центральной Азии, стратегической сферой для китайских инвестиций здесь выступают предприятия топливно-энергетического сектора и промышленности, а также транспортная инфраструктура.

Ближневосточная стратегия Пекина была опубликована в 2016 г.¹⁶ Сотрудничество со странами региона формируется по формуле «1+2+3», в основе которой находится энергетический сектор (1). Его развитие сопровождается модернизацией инфраструктуры и увеличением объемов торговли и финансовых вложений (2), что впоследствии должно обеспечить тесное сотрудничество по трем (3) высокотехнологичным сферам – атомная энергетика, освоение космоса и возобновляемые источники энергии [Lin 2017]. Китай балансирует между двумя ведущими игроками региона – Ираном и Саудовской Аравией. Пекин договорился с Эр-Риядом о координации ОПОП с программой «Видение 2030» и заключил пакет сделок стоимостью 65 млрд долл., одновременно поддержав кандидатуру Ирана на вступление в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Тегерану также был предоставлен заем в 10 млрд долл. для развития инфраструктуры.

Если соглашения со странами Персидского залива касаются сотрудничества в сфере энергетики и технологий, то проекты в регионах Магриба и Машрика имеют преимущественно инфраструктурную направленность. Развитие портовых зон за счет китайских инвестиций происходит в Марокко, Алжире, Тунисе, Египте, Ливане и Сирии. Вместе со

¹² Chiodi L., Hoang Anh T. N. The Belt and Road Initiative in Latin America: How China Makes Friends and What This Means for the Region. Latin American Focus Group. March 18th, 2022. (<https://blogs.eui.eu/latin-american-working-group/the-belt-and-road-initiative-in-latin-america-how-china-makes-friends-and-what-this-means-for-the-region/>).

¹³ Mowla W., Bernhard I. (2022) Why Might Taiwan's Allies in Latin America and the Caribbean Soon Look to China? The Global Americans. January 6, 2022. (<https://theglobalamericans.org/2022/01/why-might-taiwans-allies-in-latin-america-and-the-caribbean-soon-look-to-china/>).

¹⁴ Central Asia plays a pivotal role in Belt and Road. China Global Television Network. 24.01.2022. (<https://news.cgtn.com/news/2022-01-24/Expert-Central-Asia-plays-a-pivotal-role-in-Belt-and-Road-175z6zTUxSo/index.html>).

¹⁵ Jabarkhyl N. Oman counts on Chinese billions to build desert boomtown. Reuters. September 5, 2017. (<https://www.reuters.com/article/us-oman-china-investment/oman-counts-on-chinese-billions-to-build-desert-boomtown-idUSKCN1BG1WJ>).

¹⁶ China issues Arab policy paper. China Daily. 13.01.2016. (http://www.chinadaily.com.cn/world/2016-01/13/content_23075665.htm).

строительством портов на близлежащих территориях создаются специальные экономические зоны, где на льготных условиях располагается китайское производство.

Еще в 2008 г. была основана китайско-египетская зона экономического и торгового сотрудничества China-Egypt TEDA Suez Economic and Trade Cooperation zone (TEDA Suez). КНР также принимает участие в строительстве нового административного кластера в восточной части Каира, инфраструктурных проектов близ Суэцкого канала, железных дорог и контейнерного порта на Средиземноморском побережье. Еще один порт планируется построить в Алжире. Первый алжирский глубоководный порт Эль-Хамдания на востоке страны сможет конкурировать с марокканским портом Танжер-Мед. По некоторым заявлениям, в обмен на строительство и инвестиции Китай получит право управления хабом на 25 лет¹⁷.

КНР также активно наращивает свое присутствие в Африке. Так, по состоянию на 2022 г. в ОПОП участвуют уже 49 стран континента. Предполагается ряд проектов в сферах инфраструктуры, развития мобильной связи, телекоммуникаций, рыболовства. Кроме того, действуют отдельные программы по строительству нефтяного терминала в Момбасе, а также производства вакцин в Касабланке. По всей видимости, КНР будет стремиться к интеграции ОПОП с Африканской континентальной зоной свободной торговли (African Continental Free Trade Area, AfCFTA), что позволит вести беспопышную торговлю китайскими товарами, а также занять центральное место в вопросах логистики, технологий и стандартов [Дейч 2022].

Таким образом, через ОПОП Китай создает инфраструктуру для включения периферийных стран в собственные ГЦСС, что приблизит Пекин к достижению стратегической цели – технологическому лидерству и месту в центре мир-системы.

Инициативы США

Развиваясь и охватывая все большее количество стран в ЛАКБ, на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и Африке, ОПОП представляет все больший вызов для интересов США в сферах торговли, финансов, технологий и стандартов. Как было сказано ранее, этот процесс создает угрозу постепенного «выдавливания» американских компаний из периферийных и полупериферийных стран за счет использования специфических рыночных механизмов. В результате также устаревает прежняя американская модель экономического лидерства и появляется необходимость пересмотреть практикуемые подходы, перестроить существующие и создать новые институты.

В предыдущие десятилетия неолиберальная глобализация шла при помощи создания зон свободной торговли (ЗСТ), которые подразумевали комплексный механизм обмена товарами, услугами и инвестициями, что вкупе с политикой дерегулирования позволяло американским компаниям доминировать на рынках периферийных стран. Вместе с тем последние подобные проекты – Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) и Транстихоокеанское партнерство (ТТП) – для США успехом не увенчались. Кризис мир-системы привел к снижению эффективности рыночных механизмов интеграции, преобладанию механизмов экономического национализма и протекционизма.

В 2016 г. были прекращены переговоры с Европейским союзом в рамках ТТИП. В данном случае подготовка соглашения изначально сопровождалась рядом противоречий, связанных с различиями в стандартах, требованиях к качеству продукции, защи-

¹⁷ Algeria's El Hamdania Port. International Trade Administration. 29.03.2020. (<https://www.trade.gov/market-intelligence/algerias-el-hamdania-port>).

той производителей и рабочих мест, проблемами взаимного допуска к государственным закупкам.

В 2017 г. администрация Д. Трампа в первый же день своей работы объявила о выходе из подписанного годом ранее соглашения о ТТП. Вместо этого в 2019 г. оставшиеся одиннадцать стран подписали Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о транстихоокеанском партнерстве (ВПТТП), которое в целом повторяло предыдущую версию, но уже без участия США.

Отказ от Транстихоокеанского партнерства не встретил серьезных возражений в США, в том числе и у оппонентов Трампа. Причины для данного были схожи с выходом из ТТИП – стремление защитить национальный рынок от угрозы роста безработицы и снижения оплаты труда в США, вызванной наплывом дешевых товаров из других стран-партнеров по ЗСТ¹⁸. Кроме того, протекционистская политика, несовместимая с принципами ЗСТ, может рассматриваться и как следствие снижения рентабельности системообразующих компаний стран центра.

Вместе с тем стратегия заключения двусторонних торговых соглашений, которой придерживались Д. Трамп и Республиканская партия, оказалась не менее сложной. Кроме того, на фоне выхода США из региональных проектов была создана новая зона свободной торговли – Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), в котором принимает участие и КНР. Также в его состав вошли страны АСЕАН, Австралия, Новая Зеландия, Республика Корея и Япония.

Перечисленные факторы привели к тому, что Соединенные Штаты начали готовить альтернативную базу для реинтеграции своих союзников в новых условиях. Важнейшей задачей здесь становится выработка новых норм и стандартов, которые в дальнейшем можно будет применить для создания своеобразной американоцентричной глобальной системы. Она не должна включать в себя КНР, а также другие страны, традиционно определяемые в качестве угроз для национальной безопасности – Северную Корею, Иран и Россию¹⁹. Одна из важнейших задач на этом направлении – создание альтернативы китайскому ОПОП.

В рамках данной цели первым шагом стало введение в 2019 г. программы Blue Dot Network (BDN) совместно с Австралией и Японией. Ее задача сводится к тому, чтобы выработать рамочные нормы, стандарты и принципы для развития международных инфраструктурных проектов, которые она же будет оценивать и сертифицировать²⁰. По замыслу разработчиков, данный шаг будет способствовать привлечению инвестиций, партнеров, а также обеспечивать дальнейшее развитие и эффективное функционирование создаваемых проектов. Данная программа осуществляется в сотрудничестве и при технической поддержке Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)²¹. За несколько лет работы финансирование BDN составило 60 млрд долл. и обеспечивалось за счет Международной финансовой корпорации развития (US International Development Finance Corporation), созданной в том же году.

Спустя два года администрация Байдена предприняла попытку продолжить линию Blue Dot Network через инициативу «Восстановим лучший мир» (Build Back Better World,

¹⁸ Popken B. Why Trump Killed TPP – And Why It Matters To You. NBC. 23.01.2017. (<https://www.nbcnews.com/business/economy/why-trump-killed-tpp-why-it-matters-you-n710781>).

¹⁹ См. Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. 07.02.2022. (<https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2022-Unclassified-Report.pdf>).

²⁰ Blue Dot Network. U.S. Department of State. (<https://www.state.gov/blue-dot-network/#FAQ>).

²¹ The Blue Dot Network: A proposal for a global certification framework for quality infrastructure investment. OECD. (www.oecd.org/daf/blue-dot-network-proposal-certification.pdf).

В3W)²², направленную на развивающиеся страны. О ней было объявлено на саммите «Группы семи» в 2021 г. Предполагалось, что основными задачами В3W станут обеспечение энергетической безопасности, развитие «зеленых» и цифровых технологий, а также здравоохранения. По сути, США предложили другим странам центра принять участие в создании инфраструктуры для укрепления позиций в совместном управлении ГЦСС на основе инновационных технологий. Инициативу предполагалось обеспечить за счет частных инвестиций при поддержке правительств стран «семерки». Ее название было созвучно с широкомасштабным планом по обновлению американской транспортной инфраструктуры «Восстановим лучше» (Build Back Better), который так и не одобрил Конгресс.

Далее – и, по всей видимости, стремясь уйти от ассоциации с непринятым законопроектом – В3W заменили на Партнерство по глобальной инфраструктуре и инвестициям (Partnership for Global Infrastructure and Investment, PGII). О его создании было объявлено на саммите «Группы семи» в 2022 г. Аналогично В3W, партнерство сосредоточится на развивающихся странах – преимущественно в Африке, Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Его задачи сводятся к созданию инфраструктуры, развитию «зеленых технологий», продвижению норм и стандартов в сферах цифровой экономики, предпринимательства, здравоохранения, климата и гендерного равенства.

Ожидается что к проекту США смогут привлечь около 200 млрд долл., изначально за счет федерального бюджета (гранты, государственные фонды и организации), в дальнейшем – посредством частных инвестиций. Всего же, совместно с вкладом других членов «Группы семи», финансирование PGII должно составить около 600 млрд долл. США до 2027 г.²³ Однако к середине 2022 г. объем выделенных средств составлял около 3 млрд долл., а контрагенты в странах-реципиентах не были определены в полной мере. Заявлено, что среди них будут как правительства, так и частные компании.

Для сравнения, по оценкам Morgan Stanley, затраты КНР на развитие ОПОП, подразумевающего в первую очередь строительство транспортной инфраструктуры (hard infrastructure), могут составить около 1,2–1,4 трлн долл. к 2027 г.²⁴ К тому времени создание схожей и дублирующей системы будет невозможно, и в долгосрочной перспективе такая стратегия вряд ли будет иметь смысл. В результате перед Соединенными Штатами встает задача поиска альтернативных путей для парирования действий КНР. В этой ситуации акцент на цифровой экономике представляется эффективным ответом, поскольку ожидается, что вокруг нее будет сосредоточено внимание развитых стран [Широв 2022, 17]. Развитие соответствующей инфраструктуры может идти относительно быстрыми темпами. Кроме того, этот процесс будет сопровождаться отдельными программами по повышению уровня жизни населения развивающихся стран и созданием соответствующей «мягкой инфраструктуры» (soft infrastructure). Однако существует и ряд трудностей.

Как было отмечено выше, ожидается, что основные затраты придутся на частный сектор, однако для частных инвесторов проблема рентабельности вложений стоит еще более остро, чем для государственных. Так как деятельность PGII будет сосредоточена на

²² President Biden and G7 Leaders Launch Build Back Better World (B3W) Partnership. The White House. 12.06.2021. (<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/12/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-launch-build-back-better-world-b3w-partnership>).

²³ President Biden and G7 Leaders Formally Launch the Partnership for Global Infrastructure and Investment. The White House. 26.06.2022. (<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/26/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-formally-launch-the-partnership-for-global-infrastructure-and-investment/>).

²⁴ Inside China's Plan to Create a Modern Silk Road. Morgan Stanley. 14.03.2018. (<https://www.morganstanley.com/ideas/china-belt-and-road>).

развивающихся странах, и, в частности, Африке, важнейшей проблемой становятся суверенные риски, которые препятствуют привлечению инвестиций. Соединенным Штатам придется решать проблему институциональных реформ в развивающихся странах для улучшения предпринимательского и инвестиционного климата.

К решению данных задач США планируют привлечь Агентство по международному развитию (United States Agency for International Development, USAID), которое действует в тесной взаимосвязи с Государственным департаментом. Оно имеет многолетний опыт работы с правительствами и частным сектором в развивающихся странах, в том числе в деятельности по продвижению стандартов. Также в проекте примет участие государственная Корпорация «Вызов тысячелетия» (Millennium Challenge Corporation, MCC), которая оказывает непосредственную финансовую поддержку развивающимся странам в виде грантов. Ее годовой бюджет составляет около 900 млн долларов США, бюджет одобряет Конгресс. Задачей обеих организаций, по всей видимости, станет работа с местными правительствами и частным сектором для обеспечения благоприятной среды и привлечения местных и зарубежных инвесторов [Savoy 2022].

В рамках той же задачи выдвинутые инициативы (по крайней мере на начальных этапах) предполагается проводить при участии американских компаний из сфер энергетики, строительства и транспорта. Кроме того, государственные организации – USAID, MCC и ряд других – традиционно осуществляют большую часть закупок у американских поставщиков. Данная особенность, помимо прочего, обусловлена законом «Покупай американское»²⁵, об исполнении которого обязаны отчитываться бюджетные ведомства. Таким образом, стратегия развития PGII на ее начальном этапе близка к подходам КНР. Значительную часть проектов ОПОП оплачивают из китайского бюджета, а к работе привлекают китайских подрядчиков. Однако, в отличие от Китая, федеральное правительство США не может себе позволить аналогичные затраты на развитие инфраструктуры в зарубежных странах (1,2 трлн долл. за 10 лет). Есть издержки и у тактики привлечения частных инвестиций в PGII. Она не позволяет перераспределять средства между проектами в случае необходимости, и кроме того, увязывает объем поступающих средств с успешностью демократизации и развития местных политических и финансовых институтов.

Проекты, заявленные в рамках PGII, можно разделить на три группы: цифровая экономика, энергетика и социальная сфера. К первой относится один из флагманских проектов всей инициативы – прокладка телекоммуникационного кабеля SEA-ME-WS 6 между Юго-восточной Азией (Сингапур), Северной Африкой (Египет) и Западной Европой (Франция), стоимость которой составит 600 млн долл.

Еще один проект – Партнерство в области цифровых коммуникаций и кибербезопасности (Digital Connectivity and Cybersecurity Partnership, DCCP). Его задачи – стимулировать экономически устойчивые и надежные инвестиции частного сектора, содействовать регуляторным реформам, способствовать внедрению современных методов обеспечения кибербезопасности и конфиденциальности данных²⁶. К последней задаче относится и создание инфраструктуры сетей 5G, что можно рассматривать как контрмеру продвижению китайских услуг в данной области. В состав DCCP также входит Цифровая инвестиционная программа для интернет-провайдеров и финансовых технологических компаний, которые действуют в Африке, Азии и Латинской Америке. Среди ее задач – поддержка

²⁵ 41 U.S. Code Chapter 83 – Buy American. Legal Information Institute. (<https://www.law.cornell.edu/uscode/text/41/subtitle-IV/chapter-83>).

²⁶ Digital Connectivity and Cybersecurity Partnership. U.S. Department of State. (<https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/11/2021-023h-CD-DCCP-One-Page-10292021-Accesssible-11012021.pdf>).

(в том числе инвестиционная) проектов с высоким риском, которые находятся на начальных стадиях развития.

В сфере энергетики и зеленых технологий PGI будет развивать действующую с 2013 г. при поддержке USAID программу Африканская энергетика (Power Africa), установку солнечных панелей в Анголе (около 2 млрд долл.), проект по обеспечению энергетической безопасности в Юго-Восточной Азии, а также разработку и постройку модульного реактора в Румынии.

Кроме того, в рамках PGI предполагается ряд социальных проектов, нацеленных на повышение уровня жизни в развивающихся странах. Среди них строительство клиник в Кот-д'Ивуар, запуск производства вакцин в Сенегале, поддержка проекта Всемирного банка по обеспечению заботы о детях в развивающихся странах, обеспечение безопасности пищевой продукции и развития агрокультурного комплекса в Индии, поддержка мелкого и среднего предпринимательства на юге Африки. Всего же к середине 2022 г. было объявлено 10 программ в различных регионах мира с общим финансированием около 3 млрд долл.²⁷

Помимо PGI, США активизировали политику по созданию региональных межгосударственных форматов экономического сотрудничества, имеющих схожие цели. Так, в конце мая 2022 г., в рамках азиатского тура Дж. Байдена было объявлено о создании Индо-Тихоокеанского экономического рамочного соглашения (ИТЭРС, Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity, IPEF)²⁸. Его подписали Австралия, Бруней, Вьетнам, Индия, Индонезия, Малайзия, Новая Зеландия, Республика Корея, Сингапур, Таиланд, Филиппины и Япония. ИТЭРС подразумевает развитие новых стандартов международной торговли, в том числе в рамках цифровой экономики; повышение надежности цепочек поставок и логистической эффективности, обеспечение надежного доступа к сырью, минералам, полупроводникам, развитие чистой энергетики и зеленых технологий, разрешение проблем налогообложения и антикоррупционные меры.

В июне 2022 г. на Саммите Америк в Майами было объявлено об аналогичном ИТЭРС (и близком к PGI) региональном проекте – «Партнерство Америк для экономического процветания» (Americas Partnership for Economic Prosperity, APEP)²⁹. Ее основные направления – укрепление экономик стран Латинской Америки, развитие региональной инфраструктуры и повышение надежности цепочек поставок, внедрение зеленой энергетики, упрощение таможенных процедур, повышение стандартов труда, урегулирование проблем миграции, образования и здравоохранения, расширение экономических прав и возможностей женщин.

На данный момент оба региональных проекта можно охарактеризовать как неформальные, в которых отсутствуют какие-либо конкретные требования к участникам. Данный характер проектов обусловлен не только проходящими межгосударственными консультациями по выработке программ действий, но и политической ситуацией в Соединенных Штатах. Наличие конкретных требований и условий, обязывающих Вашингтон к

²⁷ President Biden and G7 Leaders Formally Launch the Partnership for Global Infrastructure and Investment. The White House. (<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/26/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-formally-launch-the-partnership-for-global-infrastructure-and-investment>).

²⁸ Statement on Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity. The White House. 23.05.2022. (<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/statement-on-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/>).

²⁹ President Biden Announces the Americas Partnership for Economic Prosperity. The White House. 08.06.2022. (<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/08/fact-sheet-president-biden-announces-the-americas-partnership-for-economic-prosperity/>).

их выполнению, может негативно повлиять на часть политических элит США, в первую очередь – из Республиканской партии. Таким образом, привлечение частных инвестиций и создание соответствующих условий может оказаться единственным эффективным подходом для Вашингтона. Тем не менее этот вариант имеет и серьезные недостатки. Успешное преодоление суверенных рисков невозможно гарантировать, и оно же ограничивает приток частного капитала. Как следствие, PGI может столкнуться с неравномерностью и торможением развития по ряду направлений.

Тем не менее, важно отметить, что ИТЭРС и ПАЭП могут быть попыткой подготовить политические условия для более эффективного продвижения инициативы в рамках Партнерства по глобальной инфраструктуре и инвестициям.

Говоря о стратегических преимуществах, которые могут получить США при развитии PGI и сопутствующих региональных инициатив, можно отметить возможность влиять на инфраструктуру и инструменты, которыми пользуются агенты в цифровой экономике. Доступ к ее средствам, инструментам и услугам можно регулировать гораздо проще и быстрее, нежели транспортные коридоры. В таких условиях Соединенные Штаты могут оказаться способными ограничивать доступ к определенным ресурсам для отдельных стран-пользователей в зависимости от своих национальных интересов. Также, наоборот, возможность использовать созданную инфраструктуру может подразумевать выполнение ряда заданных условий. Среди актуальных примеров – отключение российских пользователей от ряда услуг, распространяемых в сети Интернет, начиная от развлекательных медиа-платформ и заканчивая профессиональным программным обеспечением.

Таким образом, распространение инфраструктуры, которая обеспечивает функционирование цифровой экономики, может проходить быстрее и требовать меньший объем средств. Кроме того, ее создание может дать США серьезный инструмент для экономического и политического воздействия на другие страны. Такое «лидерство по подписке» позволит Соединенным Штатам регулировать и ограничивать взаимодействие третьих стран с КНР в зависимости от ситуации.

* * *

Сравнительный анализ американских и китайских инфраструктурных проектов показывает значительные различия сторон с точки зрения планирования, реализации, а также исходных возможностей. С большой долей вероятности Соединенные Штаты не будут осуществлять программы по созданию транспортной инфраструктуры, стремясь дублировать уже существующие или создаваемые китайские проекты.

Вместе с тем, в условиях четвертой промышленной революции и развития цифровой экономики акцент будет сделан именно на цифровую инфраструктуру. Различия в подходах к созданию подобных проектов сводятся к принципам их финансирования, управления, а также к количеству вовлеченных партнеров. Если КНР действует в одностороннем порядке, США планируют активно сотрудничать со странами «Группы семи». Кроме того ожидается, что американские партнеры привлекут гораздо большие средства, нежели Соединенные Штаты.

Инфраструктурная стратегия США носит реакционный характер и направлена на сдерживание китайских инициатив. Причина в том, что Вашингтон превратился в заложника механизмов нелиберальной глобализации, которые становятся менее эффективными в нынешних неблагоприятных условиях. В то же время попытки Соединенных Штатов создать проекты, аналогичные проектам Китая, сталкиваются с объективными трудностями. Одна из них – качественно иная система стратегического планирования Пекина, которая

дает ему возможность более эффективно проводить в жизнь многолетние комплексные стратегии социально-экономического развития, в том числе в области глобальной инфраструктуры.

Можно предположить, что в случае негативной динамики развития американских проектов перед США возникнет реальная угроза утраты статуса лидера мир-системы, что приведет к обострению борьбы за рынки и ресурсы периферии, а также вызовет комплексную дестабилизацию международных отношений. При развитии этого варианта можно прогнозировать высокую вероятность милитаризации американо-китайского соперничества в различных регионах мира, поскольку в военном плане Соединенные Штаты остаются гораздо более мощной державой. В подтверждении этой гипотезы свидетельствует обострение ряда конфликтов с косвенным американским участием: на Украине, в Сербии и на Тайване.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулов Р.А., Джабборов Д.Б., Комолов О.О., Маслов Г.А., Степанова Т. д. (2021) Деглобализация: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку: научный доклад. М.: Научная лаборатория современной политэкономии. 269 с.

Дейч Т.Л. (2022) Экономические связи Китая с Африкой: проблемы и перспективы // *Азия и Африка сегодня*. № 7. С. 48–56.

Потенциальные возможности роста российской экономики: анализ и прогноз (2022) Научный доклад. Под ред. А.А. Широга. М.: Арктик Принт. 295 с.

Тауш А. (2019) Канаме Акамацу. Биография ученого и теория длинных циклов // *Кондратьевские волны*. № 7. С. 211–230.

Albright Z. (2022) Trends in Trade and Investment: China and Latin America and the Caribbean in 2021 // The Boston University Global Development Policy Center. (<https://www.bu.edu/gdp/2022/03/28/trends-in-trade-and-investment-china-and-latin-america-and-the-caribbean-in-2021/>).

Capri A. (2020) Strategic US-China Decoupling in the Tech Sector. Why and How it's Happening. Hinrich Foundation. (<https://www.hinrichfoundation.com/research/wp/tech/us-china-decoupling-tech/>).

Hemphill T., White G. (2013) China's National Champions: The Evolution of a National Industrial Policy – Or a New Era of Economic Protectionism? // *Thunderbird International Business Review*. Vol. 55. No. 2. Pp. 193–212. DOI:10.1002/tie.21535.

Huang, Y, Liugang, G. (2021) How Did Rising Labor Costs Erode China's Global Advantage? // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 183. Pp. 632–653. DOI: 10.1016/j.jebo.2021.01.019.

Jenkins R. (2019) How China is Reshaping the Global Economy: Development Impacts in Africa and Latin America. New York.: Oxford University Press. 407 p.

Lin C. (2017) The Belt and Road and China's Long-term Visions in the Middle East. Issam Fares Institute for Public Policy and International Affairs'. (https://www.aub.edu/ifi/Documents/publications/working_papers/2018-019/20190211_belt_and_road_china_me.pdf).

Savoy C. (2022) Future Considerations for the Partnership on Global Infrastructure and Investment. Center for Strategic and International Studies. (<https://www.csis.org/analysis/future-considerations-partnership-global-infrastructure-and-investment>).

Wallerstein I. (2011) Structural Crisis in the World-System // *Monthly Review*. Vol. 62. No. 10. (<https://monthlyreview.org/2011/03/01/structural-crisis-in-the-world-system/>).

Watkins S. (2019) America vs China // *New Left Review*. (<https://newleftreview.org/issues/ii115/articles/susan-watkins-america-vs-china>).

REFERENCES

- Abdulov R.A., Dzhabborov D.B., Komolov O.O., Maslov G.A., Stepanova T.D. (2021) *Deglobalizaciya: krizis neoliberalizma i dvizhenie k novomu miroporyadku: nauchnyj doklad. Moskva. Nauchnaya laboratoriya sovremennoj politekonomii* [Deglobalization: The Crisis of Neoliberalism and the Movement towards a New World Order: Scientific Report]. Moscow: Scientific Laboratory of Modern Political Economy. 269 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.28808.14087.
- Albright Z. (2022) *Trends in Trade and Investment: China and Latin America and the Caribbean in 2021*. The Boston University Global Development Policy Center. (<https://www.bu.edu/gdp/2022/03/28/trends-in-trade-and-investment-china-and-latin-america-and-the-caribbean-in-2021/>).
- Capri A. (2020) *Strategic US-China Decoupling in the Tech Sector. Why and How it's Happening*. Hinrich Foundation. (<https://www.hinrichfoundation.com/research/wp/tech/us-china-decoupling-tech/>).
- Deich T.L. (2022) Ekonomicheskie svyazi Kitaya s Afrikoy: problemy i perspektivy. [China's Economic Ties with Africa: Problems and Prospects]. *Asia i Afrika segodnya*. no. 7, pp. 48–56.
- Hemphill T., White G. (2013) China's National Champions: The Evolution of a National Industrial Policy – Or a New Era of Economic Protectionism? *Thunderbird International Business Review*. vol. 55, no. 2, pp. 193–212. DOI:10.1002/tie.21535.
- Huang Y., Liugang G. (2021) How Did Rising Labor Costs Erode China's Global Advantage? *Journal of Economic Behavior & Organization*. vol. 183, pp. 632–653. DOI: 10.1016/j.jebo.2021.01.019.
- Jenkins R. (2019) *How China is Reshaping the Global Economy: Development Impacts in Africa and Latin America*. New York.: Oxford University Press. 407 p.
- Lin C. (2017) *The Belt and Road and China's Long-term Visions in the Middle East*. Issam Fares Institute for Public Policy and International Affairs'. (https://www.aub.edu/ifi/Documents/publications/working_papers/2018-019/20190211_belt_and_road_china_me.pdf).
- Potencial'nye vozmozhnosti rosta rossijskoj ekonomiki: analiz i prognoz*. [Potential Growth Opportunities of the Russian Economy: Analysis and Forecast] (2022) Scientific Report. Ed(s): A.A. Shirov. Moscow: Arctic Print. 295 p.
- Savoy C. (2022) *Future Considerations for the Partnership on Global Infrastructure and Investment*. Center for Strategic and International Studies. (<https://www.csis.org/analysis/future-considerations-partnership-global-infrastructure-and-investment>).
- Taush A. (2019) Kaname Akamacu. Biografiya uchenogo i teoriya dlinnyh ciklov [Kaname Akamatsu. Biography of the Scientist and the Theory of Long Cycles]. *Kondrat'evskiye volny*. no. 7, pp. 211–230.
- Wallerstein I. (2011) Structural Crisis in the World-System. *Monthly Review*. vol. 62, no. 10. (<https://monthlyreview.org/2011/03/01/structural-crisis-in-the-world-system/>).
- Watkins S. (2019) America vs China. *New Left Review*. (<https://newleftreview.org/issues/ii115/articles/susan-watkins-america-vs-china>).

Информация об авторах

Борейко Антон Владимирович, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра изучения стратегического планирования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: aboreyko@imemo.ru

Вернигора Алина Андреевна, младший научный сотрудник Центра изучения стратегического планирования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: avernigora@imemo.ru

Кислицын Сергей Владимирович, кандидат политических наук, руководитель Центра изучения стратегического планирования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: skislitsyn@imemo.ru

About the authors

Anton V. Boreyko, Candidate of Political Science, Research Fellow, Centre for Strategic Planning Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: aboreyko@imemo.ru

Alina A. Vernigora, Junior Research Fellow, Centre for Strategic Planning Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: avernigora@imemo.ru

Sergey V. Kislitsyn, Candidate of Political Science, Head of the Centre for Strategic Planning Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: skislitsyn@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 17.08.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 4.10.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 14.10.2022

DOI: 10.31857/S0869049922050045
EDN: EZXYEY

УНИВЕРСАЛИЗМ VS МНОГООБРАЗИЕ UNIVERSALISM VS DIVERSITY

Оригинальная статья / Original Article

Дискурсы о благополучии в реальности «неустойчивого развития»: между прошлым и будущим¹

© И.С. СЕМЕНЕНКО, Т.И. ХАЙНАЦКАЯ

Семененко Ирина Станиславовна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), semenenko@imemo.ru. ORCID: 0000-0003-2529-9283

Хайнацкая Татьяна Игоревна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), tkhaynatskaya@gmail.com. ORCID: 0000-0002-6364-4765

В статье анализируется современное состояние научного дискурса о социальном государстве, а также оцениваются перспективы утверждения новых подходов к управлению социальным развитием. На основе изучения массива документов международных организаций и стратегических программных документов государств-членов сетевого «Альянса за экономику благополучия» (Новая Зеландия, Шотландия, Исландия, Уэльс и Финляндия), данных международных рейтингов, материалов экспертных дискуссий и корпуса научной литературы выявлены актуальные направления дискурса, связанные с продвижением «экономики благополучия» в контексте парадигмы устойчивого развития, которая определяет мейнстрим дискуссии о развитии. Рассмотрены системные ограничения концепта экономики благополучия и самой парадигмы устойчивого развития, обозначены новые вызовы, с которыми сталкивается их реализация в условиях ресурсного дефицита и роста международно-политической напряженности. Обоснован вывод о невозможности продвижения универсальных моделей и о новом содержании самих принципов универсализма применительно к

¹ Статья подготовлена и опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075–15-2020-783).

Funding. The article was prepared within the project “Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation” supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No 075–15-2020-783).

общественному развитию – признании многообразия смыслов и измерений благополучия, а также первостепенной значимости культуры диалога, конструктивного, ориентированного на развитие взаимодействия на основе ответственного нравственного выбора.

Ключевые слова: дискурс, социальное государство, благополучие, благосостояние, экономика благополучия, «Альянс за экономику благополучия», бюджет благополучия, общество участия, политико-экологические дискурсы, устойчивое развитие, ответственное развитие

Цитирование: Семененко И.С., Хайнацкая Т.И. (2022) Дискурсы о благополучии в реальности «неустойчивого развития»: между прошлым и будущим // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 76–99. DOI: 10.31857/S0869049922050045, EDN: EZXYEY.

Well-Being Discourses in an Environment of “Unsustainable Development”: Bridging the Past and the Future

© I.S. SEMENENKO, T.I. KHAYNATSKAYA

Irina S. Semenenko, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), semenenko@imemo.ru. ORCID: 0000-0003-2529-9283

Tatiana I. Khaynatskaya, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), tkhaynatskaya@gmail.com. ORCID: 0000-0002-6364-4765

Abstract. The research paper examines recent developments in expert discourse regarding transformations of the welfare state and its future. The research field embraces international organizations’ visions and national strategic programme documents of the Wellbeing Economy Governments partnership members (New Zealand, Scotland, Iceland, Wales, and Finland), international rankings data, expert discussion papers and research literature. The well-being economy model – the key focus in this discussion – is part of the sustainable development framework, its advocates and supporters seek to contribute to the mainstream discourse on development. These models are now facing severe systemic limitations, due to emerging challenges in the context of resource scarcity and growing international and political tensions. Promoting universal models appears to be an unsustainable challenge; in an international environment of “unsustainable development” a reference framework for development relies on a diversity of approaches to progress in well-being and on principles encompassing a dialogue culture and on responsible commitment to development goals.

Keywords: discourse, social state, welfare state, welfare, well-being, well-being economy, well-being budget, Wellbeing Economy Alliance, political-environmental discourses, sustainable development, responsible development

Citation: Semenenko I., Khaynatskaya T. (2022) Well-Being Discourses in an Environment of “Unsustainable Development”: Bridging the Past and the Future. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 76–99. DOI: 10.31857/S0869049922050045, EDN: EZXYEY.

Концепт «устойчивого развития» насчитывает уже более трех десятилетий. Со времен работы «Комиссии Брундтланд»², которая сформулировала повестку дня развития «без ущерба будущим поколениям»³, в общественной дискуссии появились новые подходы, нацеленные на решение многозначной задачи «будущего для всех». Достаточно вспомнить «третий путь» – взятый на вооружение британскими лейбористами и политиками других стран Запады курс на синтез неолиберальных экономических установок и элементов социального государства, обоснованный и популяризированный Э. Гидденсом и его единомышленниками [Giddens 1990; 1998]. «Новый коммунитаризм», принципы которого развивал в своих широко известных трудах А. Этциони [Etzioni 1993; 1997], ориентировал на продвижение идеала сообществ, сплоченных общими нравственными установками и созидательными социальными практиками. Внимание к этому измерению также привлекли труды Э. Остром [Ostrom 1990] – первой женщины-лауреата премии Банка Швеции по экономике (Нобелевская премия по экономике, 2009 г.). Еще одним измерением этого дискурса стали стратегии корпоративной социальной ответственности и модели «корпоративного гражданства» для бизнеса, которые трансформировались в популярные сегодня критерии «экологии, социальной политики и корпоративного управления» (Environmental, Social and Governance (criteria), ESG). Как и вариации «зеленого перехода» – неизменной части современной политической повестки Запады и беспрецедентного по масштабам бизнес-проекта «зеленого» лобби – эти идеи соотносились с философией устойчивого развития в рамках модели «нового капитализма». Ее сторонники считали, что в результате пресловутого «конца истории» открываются новые перспективы.

Осмысливая пройденный за тридцать лет путь, нельзя не согласиться с выводом о том, что этот популярный в конце тысячелетия лозунг в реальности означал «начало конца глобальной иерархии политических понятий Запады, в центр которой помещались общества, идентифицирующие себя как рыночные либеральные демократии» [Мартынов 2021, 112]. Сложившийся понятийный консенсус рушится на глазах, и не только ввиду очевидных трансформаций в структуре миропорядка, но и под влиянием радикальных изменений в социальных и культурных нормах, регулирующих общественные отношения в западных социумах, из которых этот консенсус и берет начало. Под вопросом оказываются ориентиры желаемого будущего, сама возможность найти общий вектор политического и социокультурного развития для разных по характеру политической культуры и ресурсной обеспеченности сообществ.

В западных обществах «устойчивое развитие» в идеале воспринималось как результирующая политической демократии и социального государства, корреляции трендов развития институтов политического участия и социальной поддержки населения со стабильным экономическим ростом. В свою очередь, размывание консенсуса вокруг целей развития и самого образа будущего во многом связано с кризисом институтов социального государства и с исчерпанием возможностей западных обществ обеспечивать себе прежний уровень жизни за счет ресурсов остального мира. Появился запрос на кардинальный пересмотр сложившихся в индустриальную эпоху моделей и приоритетов социальной политики, при этом в подходах политико-управленческих элит и разных социальных групп стран Запады наместились серьезные расхождения.

² По имени главы Международной комиссии по окружающей среде и развитию при ООН, тогдашнего лидера Норвежской рабочей партии и премьер-министра Норвегии, в современном правописании – Гру Харлем Брунтланд (норв. Gro Harlem Brundtland).

³ Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. Oxford: Oxford University Press. 1987.

Попытки вывести научный дискурс о социальном государстве (государстве благосостояния, государстве всеобщего благоденствия – welfare state) на качественно новый уровень во многом связаны с трудностями генерирования в последние годы новых, прорывных идей в этой сфере. Неслучайно точкой отсчета в современной дискуссии остается исследование датского социолога Г. Эспинг-Андерсена, которое вышло в свет в период активного поиска новых моделей развития [*Esping-Andersen* 1990]. В этом рубежном для социальных исследований труде речь шла о перспективах «капитализма благосостояния» (welfare capitalism) как основания для обновления сложившегося в послевоенную эпоху в странах Запада общественного договора.

Кейнсианские истоки выделенных Эспинг-Андерсеном моделей стали достоянием экономической истории. В условиях сокращения ресурсной базы массовой социальной поддержки нынешние искания идут в направлении перераспределения ответственности между задающим приоритеты развития государством, бизнесом, который «генерирует» доходы, и гражданами, семьями и домохозяйствами как бенефициарами государственной политики. В центре дискуссии – вопросы ответственности и доверия. Распределение обязательств сторон и понимание их взаимного характера определяет направленность политики развития, но этические ориентиры такой политики остаются размытыми, а трактовка социальной нормы и форм ее политической институционализации становится предметом острых разногласий в экспертном сообществе [*Семенов* 2019; 2021].

В 2010-е гг. реформатирование шло за счет пересмотра приоритетов государственного регулирования и повышения ответственности граждан за обеспечение своего благосостояния. О конце «государства благосостояния» еще в 2013 г. было заявлено в Нидерландах: в этой богатой по меркам ВВП на душу населения стране (6-е место среди стран Европы, 54,3 тыс долл. США по ППС, данные 2020 г.⁴) модель «общества благосостояния» уступила место «обществу активного участия» (participation society). Данный концепт развивал идеи и логику пресловутого «третьего пути». Его взяли на вооружение (гласно или негласно) политические элиты стран, которые строили свою социальную политику на принципах государственного перераспределения и социальной защиты массовых слоев. Такие эксперименты, как безусловный базовый доход – механизм «перехода к более ответственной личной стратегии каждого гражданина» на основе «монетизации» ресурсов социального государства – заметными успехами не увенчались [*Садовая* 2020, 70]. В условиях появления новых угроз благосостоянию человека, связанных с пандемией, градус дискуссии о пределах взаимных обязательств участников социальных взаимодействий – государства, бизнеса, семьи, индивида – и их последствиях для обеспечения гарантий индивидуальных свобод человека и гражданина заметно повысился.

В начале XXI в. в повестке дискуссий произошел радикальный сдвиг от фокуса на социальных проблемах к вопросам изменений климата и экологической деградации окружающей среды. В то же время все громче звучит требование обеспечить экологическую и социальную «связку», интегрировать экологическую составляющую в социальное измерение политики развития. Если кратко обозначить контуры актуальной дискуссии, стоит вопрос о принципиальной возможности и о путях социального развития без ущерба окружающей среде и экологического развития без ущерба будущим поколениям. Достичь такой синергии предлагается за счет изменения вектора господствующей экономической модели в сторону пост-роста.

⁴ The Global Economy.com. Business and economic data for 200 countries. GDP per capita, PPP – Country rankings. 2020. (https://theglobaleconomy.com/rankings/gdp_per_capita_ppp/Europe/).

От «государства благосостояния» к «экономике благополучия»

Радикальные трансформации экономического уклада, произошедшие в рамках жизненного цикла одного поколения, поставили вопрос о переформатировании повестки дня социальной политики. Цифровая трансформация государства и дрейф рынка труда в направлении «невидимой цифровой платформы» сопровождается соответствующими переменами в регулировании сфер занятости, здравоохранения, образования и социального обеспечения населения, которые меняют повестку дня социальной политики [Социальное государство 2020]. Просматриваются ли в современных дискуссиях новые контуры системы управления социальным развитием? Насколько экспертный дискурс влияет на управленческую повестку дня? Или, напротив, импульсы идут от государства и от рынка, от игроков рыночной экономики и улавливаются экспертным сообществом?

Первые публикации по тематике благополучия как о приоритете развития появились в начале 1950-х гг. (в созданной в 2004 г. базе Scopus таких публикаций за 1951 г. зарегистрировано всего 6, десять лет спустя – 17). С конца 1970-х гг. начинается постепенный рост. Отчасти его можно объяснить реакцией научного и экспертного сообщества на опубликованный в 1972 г. доклад Римского клуба «Пределы роста». В 2000-е гг. прирост идет уже быстрыми темпами: на рубеже третьего десятилетия века количество публикаций переходит 25-тысячный рубеж (в 2021 г. – 26429 публикаций). В центре внимания исследователей – теоретическое осмысление, качественные оценки и количественный анализ экономического благосостояния и социального благополучия, а также управленческие практики продвижения и поддержания благополучия. Сосредоточение на достижениях Запада как модели для остального мира в последние два десятилетия дополняется продвижением позитивного опыта и «лучших практик» незападного мира, но оценивают их в той же западочентричной парадигме⁵. В то же время набирающий обороты критический дискурс ориентирует на переоценку западного опыта как универсального, задаваясь вопросами о применимости моделей благополучия и предлагаемых механизмов их реализации (таких как Цели устойчивого развития (ЦУР) или ESG⁶), об «экологическом империализме» и «климатическом диктате» [Mazzocchi 2020, Нефедов 2005, Mohamed 1999]. Даже нынешний опыт европейских стран заставляет обращать внимание на различные приоритеты, связанные с особенностями политической культуры, национального самосознания и идентичности, но также и со структурой национальной экономики и идейными позициями политических лидеров (например, в таких разных национально-государственных сообществах, как Венгрия или Ирландия).

Сам термин «благополучие» (well-being) имеет долгую историю в философской и экономической мысли, но в социальных науках он укоренился во второй половине XX в. Благополучие стало референтным ориентиром при разработке и реализации управленческих практик, соответствующих повестке дня социального государства универсального западного образца. Оксфордский словарь английского языка (Oxford English Dictionary) трактует термин «благополучие» как «состояние бытия или преуспевания в жизни; счастливое, здоровое или процветающее состояние; моральное или физическое благосостояние (человека или сообщества)»; толковый словарь Ожегова – как «спокойное и счастливое

⁵ Costa Rica tops the Happy Planet Index, beating Western economies on sustainable wellbeing. The 2021 Happy Planet Index. (<https://happyplanetindex.org/the-latest-happy-planet-index-costa-rica-tops-the-list-beating-western-economies-on-sustainable-wellbeing/>).

⁶ A critical look at the ESG market. CEPS Policy Insights. 2022. (<https://www.sipotra.it/wp-content/uploads/2022/05/A-CRITICAL-LOOK-AT-THE-ESG-MARKET.pdf>)

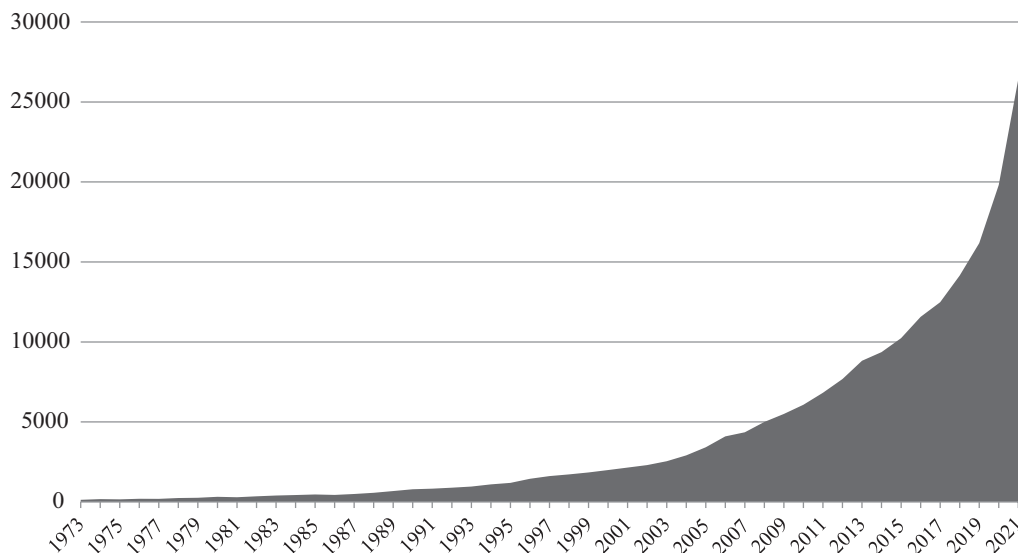
состояние» или «жизнь в довольстве». Смыслы, которые сегодня вкладывают в понимание «благополучия» как научной категории, во многом определяются историко-культурным контекстом исследования или приоритетами публичной политики.

Таблица 1

Количество публикаций по теме благополучия (well-being) в Scopus

Table 1

Number of publications about well-being in Scopus

Источник: составлено авторами на основе сводных данных публикаций, входящих в библиографическую и реферативную базу научной литературы Scopus.

Source: compiled by the authors based on summary data of publications included in the abstract and citation database of peer-reviewed literature Scopus.

Так, в Китае в официальном дискурсе констатируют построение «среднезажиточного общества»; в качестве ориентиров на будущее ставят задачи «достижения более заметных и существенных сдвигов во всестороннем развитии личности и в осуществлении всеобщей зажиточности населения»⁷. Лозунг «всеобщей зажиточности» появился в политическом дискурсе еще при Дэн Сяопине в начале 1980-х гг., тогда же был поставлен вопрос о том, как «избежать поляризации» между богатыми и бедными районами страны, «не ослабляя жизнеспособности развитых районов и не поощряя “питания из общего котла”» [Дэн Сяопин 1994, 470-471]. Спустя четыре десятилетия «идеальная цель, осуществление которой откладывалось до момента достижения высокого уровня экономического развития», «обрела конкретные очертания» [Гамза, Ломанов 2021, 150]. В движении по этому пути идеологи китайской модели развития видят не только своего рода стабилизатор, препятствующий дальнейшему росту неравенства, но и, в перспективе, инструмент сокращения неравенства, продвижения к социальной гармонии и стабильности. Есть и понимание появляющихся новых рисков: форсирование движения к «обществу всеобщей зажиточ-

⁷ Речь Си Цзиньпина на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня основания КПК. Синьхуа Новости. Russian.News.CN. 2021. (https://russian.news.cn/2021-07/01/c_1310038413.htm).

ности» чревато «ослаблением мотивации людей к самореализации через упорный труд и индивидуальную активность» [Гамза, Ломанов 151].

Очевидно, что такой вызов стоит не только перед Китаем. Соотнесенность целей экономики благополучия и мотивации к развитию актуализирует вопрос об оценке психологического и этического измерений развития, об определении конкретных ориентиров и понимании перспектив. Под вопросом оказывается и сама принципиальная достижимость «общества благополучия». Данную тему обсуждают в основном применительно к здоровью населения и оценкам субъективного благополучия [Maccagnan et al. 2019]. Более широкое социальное видение – скорее исключение, оно присутствует в документах отдельных экспертных структур, работающих в сфере социального проектирования, однако система координат и стратегическое видение развития выстраиваются в соответствии со стандартами и приоритетами развитых стран Запада (см., напр., [Hellström et al. 2015]), которые задают тональность дискуссии. В последние годы проблемы беднейших стран остро звучат в научном поле в контексте постколониального дискурса.

Помимо наличия многозначных толкований с упором на экономические показатели либо на субъективное восприятие, и у отечественных, и у зарубежных исследователей есть трудности в разведении понятий «благополучия» (well-being или wellbeing) и «благополучия» (welfare). Зачастую эти термины используют как синонимы, однако в строгом смысле они имеют разные значения. Если благосостояние отражает материальную сторону вопроса, то благополучие характеризует именно состояние счастья и спокойствия [Цапенко 2015, 23] – ощущения переживающего эти состояния человека, которые экстраполируются на сообщество как носителя «совокупных» настроений его членов. Категория субъективного благополучия (subjective well-being) отражает состояние социального самочувствия индивида и социального климата сообщества. Как отмечают российские исследователи, сегодня «понимание того, что субъективное благополучие граждан входит в число важнейших задач, стоящих перед правительствами, стало мейнстримом» [Монусова, Гоффе 2020, 166]. Соответственно, растет количество работ, которые изучают не только психологические, но и экономические, и политические аспекты его влияния на общественное развитие. Однако методология «определения и измерения субъективного благополучия не отработана, что затрудняет его изучение и вынуждает относиться к субъективным оценкам сдержанно и осторожно» [Монусова, Гоффе 178]. Такие попытки предпринимались неоднократно, в результате общепринятой практикой при оценке благополучия национального сообщества стало соотнесение с рейтингами «Всемирного доклада о счастье», который ежегодно с 2012 г. выпускается под эгидой ООН и широко пропагандируется⁸, несмотря на спорность критериев оценки и самой возможности сравнительного оценивания социальной динамики государств по таким критериям.

Возможности политического манипулирования субъективными оценками в попытке вызвать предсказуемую реакцию и сыграть на негативных настроениях используются и в борьбе за голоса избирателей, и в навязывании управленческих решений. Отторжение также усиливается за счет переживания потенциальных опасностей, исходящих от глобальных угроз, от разрывов между технологическими возможностями их порождать и когнитивными и социально-психологическими ресурсами управления рисками; в этих условиях «идут поиски новых ролевых моделей успеха и “нарративов надежды”, основанных не на экономическом процветании, а на просоциальном поведении» [Нестик, Журавлева 2020; 29, 22].

⁸ World Happiness Report. New York: Sustainable Development Solutions Network. P. 154.

У носителей религиозной картины мира такое поведение соотносено с Божественным замыслом о человеке и мире, с поисками высших смыслов бытия. Вопросы совместимости разных картин мира отражаются в современных дискуссиях о социальной справедливости (соотносящихся, в том числе критически, с эпохальной работой Д. Роулза [Rawls 1971]), о самой возможности «глобальной справедливости» (см. [Садовая, Сауткина 2015, 52-59]) и о социальном воображении как источнике формирования позитивного образа будущего. Носители разных картин мира наделяют саму категорию развития разными смыслами.

Понимание «принципиального многообразия форм внутреннего опыта людей, многообразия как культурных традиций, так и инновационных исканий» постулирует многомерность развития, которое поддерживают человеческие взаимосвязи и культура диалога [Рашковский 2022, 108-109]. Многообразие форм социального благополучия, которое определяет горизонты общественного развития, появилось в результате этой первичной многомерности межличностных и межгрупповых взаимодействий и их институциональных форм. Однако такие вопрошания находятся вне поля мейнстримного дискурса «устойчивого развития», которое постулирует ориентиры благополучия как сущность, заданную извне, как решенную за человека задачу, которая уже насыщена и перенасыщена экономическими и социальными смыслами и не вмещает разных толкований таких смыслов. За рамками данного дискурса остается духовное измерение развития, жизненная, экзистенциальная важность поиска путей преодоления глубокого духовного кризиса общества потребления. Игнорирование этой составляющей в публичном дискурсе усугубляет ценностные размежевания в современных обществах.

В настоящее время в экспертной среде в основном сложился консенсус вокруг ключевых приоритетов перехода к «жизненному благополучию». В их числе неизменно присутствует климатическая и экологическая повестки, проблемы неравенства и социального отчуждения. Помимо прочего, также остро ставится вопрос о демистификации экономического роста как универсального ответа на общественные запросы, об ориентации управленческих решений в экономике на улучшение уровня нематериального благосостояния нынешних и будущих поколений [Laurent 2021].

Опыт экспертных платформ: «Альянс за экономику благополучия»

Ответственность за продвижение привлекательных моделей «экономики благополучия» как основы нового общественного консенсуса, подорванного эрозией основ социального государства, сегодня ложится на экспертные сообщества и политические элиты продвигающих эти приоритеты стран. Все без исключения взаимодействия, нацеленные на привлечение широкого общественного внимания, осуществляются на открытых сетевых площадках, а их эффективность во многом зависит от экспертного обеспечения. Так, корпоративный бизнес уже не первое десятилетие популяризирует свою социальную ответственность в рамках моделей «корпоративного гражданства» и «стейкхолдерского капитализма», а его контрагенты действуют на многочисленных площадках гражданских инициатив «глобального гражданского общества» (см. [Перегудов, Семенов 2009]). Однако сами эти концепты теряют былую привлекательность в условиях кризиса западоцентричной модели глобализации. Популярными инструментами организации дискуссии и информационного присутствия стали различные экспертные рейтинги, которые оценивают состояние и даже «градус» общественных отношений [Садовая, Бардин, Довбыш 2016].

Поиски путей совмещения приоритетов и интересов разных стейкхолдеров идут вокруг повестки социально-экономического регулирования. Так, сетевой «Альянс за экономику благополучия» (Wellbeing Economy Alliance, WEAll) объединяет более 200 организаций

гражданского общества и бизнеса, ориентированных на продвижение этой повестки, а также граждан в личном качестве⁹. В рамках платформы создано Партнерство правительств стран, в которых вопросы благополучия не только включают в политико-управленческую повестку дня и в национальные стратегии развития, но и внедряют целевые показатели измерения благополучия в масштабах национальных и местных сообществ (Wellbeing Economy Governments Partnership, WEGo). В настоящее время в этом объединении участвуют Новая Зеландия, Шотландия, Уэльс, Исландия и Финляндия. Фактически данная инициатива призвана помогать в углублении сотрудничества, поисках инновационных управленческих подходов и решений и продвижении «хороших практик», а также в обмене опытом и информацией между участниками.

Организаторы нацелены расширять партнерство за счет государств и региональных правительств с разными экономическими показателями и разной социальной структурой, однако пока это относительно однородное объединение небольших северных и англосаксонских стран и регионов¹⁰. Каждая из них позиционирует себя как лидер на одном из ключевых направлений продвижения альтернативной социально-экономической повестки.

Новая Зеландия

Критика парадигмы экономического роста и динамики ВВП как показателя, который не отражает реальный уровень благополучия национального сообщества, прозвучала в научном дискурсе на рубеже 1990-х гг., когда новозеландский экономист М. Уоринг опубликовала книгу, заложившую фундамент для «феминистской экономики». Данный труд привлек внимание к вкладу в благосостояние женщин, ведущих домашнее хозяйство, который никак не учитывается в рамках ВВП – как и экологический ущерб от человеческой экономической деятельности [Waring 1988].

За прошедшие с тех пор три десятилетия споры об адекватных методах оценки уровня благосостояния только набирали обороты. Результатом стало продвижение международной системы подсчета Индекса человеческого развития, затем – Индекса развития человеческого потенциала под эгидой ООН. Всемирный экономический форум сегодня продвигает широкообсуждаемые проекты интеграции «экономики заботы» (care economy) – в том числе как путь к решению проблем гендерного равенства, особенно на примере пропагандируемого в этом контексте опыта незападных стран¹¹. Тем не менее, на пьедестале почета остаются традиционные показатели ВВП.

Еще в начале 1990-х гг. министр социального обеспечения Новой Зеландии представил инициативу «От благосостояния к благополучию», целью которой была мобилизация общества вокруг социальной повестки на долгосрочную перспективу [Player 1994]. Тогда инициатива фокусировалась только на социальном обеспечении и не затрагивала другие сферы. Сегодня Новая Зеландия – одна из немногих стран-лидеров в продвижении модели экономики благополучия. Уже четвертый год она утверждает так называемый бюджет благополучия, приоритеты которого – люди и окружающая среда. Решения об инвестициях принимают с учетом социальных и экологических показателей проектов. Однако

⁹ Wellbeing Economy Alliance. (<https://weall.org/>).

¹⁰ Составляющие Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии четыре региона (Англия, Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия) официально считаются отдельными странами (countries).

¹¹ Care economy: an opportunity to create jobs and close the gender gap. World Economic Forum. 2022. (<https://www.weforum.org/agenda/2022/05/care-economy-gender-gapdavos22/#:%7E:text=The%20care%20economy%20comprehends%20those,even%20less%20are%20considered%20productive>).

на реальную ситуацию в социальной сфере и в экологии эти решения пока существенно не влияют: ухудшается биоразнообразие, сказывается и влияние пандемии. По мнению критиков, «бюджет благополучия» не меняет логики функционирования экономической системы, а латает дыры, которые эта система оставляет¹². Однако и у самих критиков программы реализации намеченных целевых установок нет.

У Новой Зеландии есть опыт продвижения климатической повестки для достижения углеродной нейтральности – также неоднозначный с точки зрения достижимости результатов, но имеющий серьезную политическую и общественную поддержку. Есть и опыт интеграции приоритетов коренного населения в стратегии национального развития: политика бикультурализма обеспечила продвижение культуры маори как носителя уникального образа страны, активно продвигался «проект Новая Зеландия» как передовая общественная модель [Семенов 2021, 35–37]. Культурная идентичность включена в число ключевых метрик для измерения благополучия новозеландского общества наряду с вовлеченностью граждан и доверием к институтам власти, состоянием окружающей среды, здоровьем населения и обеспеченностью жильем, доходами и потреблением, работой и заработком, знаниями и умениями, безопасностью, социальными связями, субъективным благополучием и распределением времени между работой и досугом¹³. Однако социальное неравенство остается серьезной проблемой, а сочетаемость экономической, социальной и экологической повесток – системным вызовом как для нынешнего «правительства перемен», так и для продвижения приоритетов «экономики благополучия».

Шотландия

Именно Шотландия в 2018 г. взяла на себя инициативу по созданию партнерства WEGo на фундаменте сетевой платформы WEAll. Как и Новая Зеландия, Шотландия стремится к лидерству в продвижении новых моделей развития и ищет возможности самостоятельно позиционироваться в этой дискуссии и в продвижении модельных «хороших практик». Еще до официального принятия Целей в области устойчивого развития ООН (ЦУР) первый министр Н. Стерджен заявила, что Шотландия примет ЦУР и обеспечит международное лидерство в реализации этой повестки [Pautz, Collins 2019, 6].

В Шотландии активно внедряют целевые меры по продвижению концепта экономики благополучия и соответствующих управленческих подходов. Введены механизмы, которые могут способствовать успешной реализации намеченной повестки: выплата обеспечивающей достойное качество жизни заработной платы (Living Wage Scotland); поощрение социально ориентированных предприятий через Национальное агентство экономического развития (Scottish Enterprise) путем предоставления целевых грантов; принятие передового законодательства об изменении климата, которое ставит задачу достижения нулевых выбросов парниковых газов к 2045 г. Создана Комиссия по справедливому переходу, которая будет консультировать правительство в вопросах о том, как поддержать сообщества в условиях сворачивания отраслей, несовместимых с низкоуглеродной экономикой. Достижение нулевого уровня выбросов – один из приоритетов

¹² Budgets must do more than patch failures. Newsroom. 21.05.2022. (<https://www.newsroom.co.nz/budgets-must-do-more-than-patch-up-failures>).

¹³ Our People. Our Country. Our Future. Living standards framework: Background and future work. Wellington, New Zealand: New Zealand Government, The Treasury. 2018 (<https://www.treasury.govt.nz/sites/default/files/2018-12/lsf-background-future-work.pdf>)

одноименной национальной структуры (Zero Waste Scotland)¹⁴, которая занимается продвижением проектов циркулярной экономики в сочетании с просвещением по вопросам ответственного потребления.

В декабре 2021 г. правительство Шотландии представило разработанный в сотрудничестве с Шотландской партией зеленых бюджет, в котором в числе приоритетов названы повышение благосостояния граждан и развитие социальной сферы, а также достижение экологической устойчивости. Отдельный раздел документа посвящен влиянию планируемых расходов на углеродные выбросы¹⁵. В числе инструментов, которые могли бы содействовать прогрессу в развитии экономики благополучия – Закон о расширении прав и возможностей местных сообществ и усилия по укреплению их благосостояния. В Шотландии дискурс благополучия активно продвигают на местном уровне.

Однако споры вокруг источников и приоритетов в выполнении таких амбициозных планов в нынешних условиях только обостряются, и сторонники концепции экономики благополучия критикуют советников нынешнего кабинета, которые продвигают принципы «зеленого роста» в рамках традиционной парадигмы рыночной экономики¹⁶. Постпандемийное восстановление, дефицит бюджета, ситуация вокруг Украины и последствия санкционной политики ЕС делают реализацию «бюджета благополучия» в задуманном объеме малореальной перспективой. Остро негативную реакцию глав финансовых ведомств Шотландии и Уэльса вызвало решение кабинета Б. Джонсона о выделении в июне 2022 г. очередного транша средств на военные поставки Украине частично за счет их социальных бюджетов¹⁷. В соответствии с принципами деволюции управление данными средствами находится в компетенции стран Соединенного Королевства, в то время как военные статьи расходов финансируются из национального бюджета.

Уэльс

Уэльс присоединился к альянсу в 2020 г., однако экономика благополучия не первый год находится в центре публичной дискуссии на данной территории. Идея нашла отражение в стратегических документах, в том числе в стратегиях развития городов [Zeidler et al. 2021]. В 2015 г. в Уэльсе приняли Закон о благополучии будущих поколений (позднее включен в Конституцию Уэльса), направленный на достижение семи целей, в числе которых – процветание, устойчивость, равенство, здоровье, сплоченность сообществ, сохранение и процветание культуры, глобальная ответственность. Приоритеты были сформулированы государством и стейкхолдерами в ходе обсуждения на платформе «Уэльс, который мы хотим видеть» (The Wales We Want National Conversation)¹⁸ [Parker 2022, 212]. В дополнение к трем столпам – экономике, социальной сфере и экологии – в качестве ключевой опоры этого курса в стратегические документы внесли сохранение многовековой валлийской истории и культуры. Для оценки прогресса в достижении поставленных целей предложили набор из 46 национальных показателей. Над разработкой оценочных

¹⁴ Zero Waste Scotland. (<https://www.zerowastescotland.org.uk/>).

¹⁵ Scottish Budget 2022 to 2023. The Scottish Government. 2021. (<https://www.gov.scot/publications/scottish-budget-2022-23/>).

¹⁶ The Myth of Green Growth. Wellbeing Economy Alliance. 2020. (<https://weall.org/the-myth-of-green-growth/>).

¹⁷ Westminster raids Welsh Government funds to pay for military aid for Ukraine. WalesOnline. 30.06.2022. (<https://www.walesonline.co.uk/news/politics/westminster-raids-welsh-government-funds-24361829>).

¹⁸ The Wales We Want National Conversation. (<https://cynnalcyrmu.com/the-wales-we-want-national-conversation/?cn-reloaded=1>).

критериев работают экспертные структуры, такие как Центр публичной политики Уэльса (Wales Centre for Public Policy).

Несмотря на амбициозные заявки, эксперты признают, что действия на локальном уровне без реорганизации системы управления и стратегического планирования имеют ограниченную эффективность [Parker 216]. Уэльс нуждается в модернизации портовой инфраструктуры и энергетической сети, но совместимость таких «традиционных» приоритетов и нового видения развития неочевидна, тем более что в рамках существующей логики планирования бюджетов развития невозможно оценить долговременные эффекты предлагаемых мер¹⁹.

Исландия

Отправной точкой для формирования повестки дня политики благополучия в Исландии стал финансовый кризис 2008 г., который стимулировал пересмотр приоритетов и модели управления экономикой [Abrar 2021, 170–171]. В ряду национальных приоритетов особо выделяются гендерный дискурс и экологическая устойчивость. По показателям гендерного равенства Исландия занимает лидирующие позиции в ведущих международных рейтингах. Соотнесенность с природной средой – ключевой ориентир национальной идентичности исландцев: любые угрозы экосистемам страны ее жители болезненно воспринимают как угрозу им самим, их ценностям и идентичности. Нынешний глава кабинета министров К. Якобсдоттир отмечает, что социальная, экономическая и экологическая составляющие политики неотделимы, а экономика должна быть направлена на борьбу с изменениями климата и с неравенством²⁰. В последние годы в стране отмечается рост общественного доверия к власти, обеспечивающий продвижение приоритетов благосостояния.

По итогам консультаций со стейкхолдерами и с учетом опросов общественного мнения в качестве приоритетных для пятилетнего финансового плана были выделены такие направления, как здоровье, безопасное жилье, баланс между работой и частной жизнью, достижение углеродной нейтральности, инновационный рост и развитие социальных связей [Abrar 2021, 172]. Для оценки эффективности разработана система из 39 показателей²¹. За экспертные оценки отвечают 8 мозговых центров [Óskarsdóttir 2020], в первую очередь – Национальный статистический центр, в обязанности которого входит сбор, мониторинг, анализ и распространение данных по показателям благосостояния населения на постоянной основе, отслеживание и развитие этих показателей в сотрудничестве с ключевыми субъектами. Реализуемые сегодня проекты в основном представлены инвестициями в социальную инфраструктуру, здравоохранение, образование. Все они включены в амбициозный план по достижению углеродной нейтральности не позднее 2040 г.

На рубеже 2010-х гг. в Университете Исландии в Рейкьявике предприняли попытку сравнить уровень благополучия 29 государств, сопоставимых по социальным и экономическим показателям (помимо стран ЕС, США и Канады, в пул включили Австралию, Новую Зеландию, Японию, Южную Корею и Турцию), в корреляции с уровнем их благо-

¹⁹ The impact of infrastructure on wellbeing in Wales. Wales Centre for Public Policy. 23.05.2022. (<https://www.wcpp.org.uk/commentary/the-impact-of-infrastructure-on-well-being-in-wales/>).

²⁰ Iceland and the Wellbeing Economy. Chatham House (YouTube). 2019. (https://www.youtube.com/watch?v=E_yY_iW0iYw&ab_channel=ChathamHouse).

²¹ Indicators for Measuring Well-being. Government of Iceland. Prime Minister's Office. 2019. (<https://www.government.is/lisalib/getfile.aspx?itemid=fc981010-da09-11e9-944d-005056bc4d74>).

состояния (т. е. в сочетании объективных и субъективных показателей). Исландия оказалась в этом списке на шестом месте²².

Как отмечал разработчик данного инструмента, в стране очень небольшой бюрократический аппарат, и правительственные структуры часто обращаются к независимым экспертам. Хотя значительную часть экспертизы передают юридическим фирмам и зарубежным агентствам, некоторые задачи решает национальное научное сообщество. Ввиду небольших масштабов поля «у академических ученых есть возможность вносить вклад в решение практических задач, что, в свою очередь, нацеливает научное сообщество страны на эмпирические исследования прагматического характера» [Ólafsson 2011, 17]. В результате объединения усилий государственных и экспертных структур маленькая страна с населением около 350 тыс. человек разработала амбициозные социально-экологические программы. Имея в виду масштабы и островное географическое положение, их выполнимость во многом определяется природными факторами (в частности, климатическими подвижками), серьезными объективными ограничителями выступают также демографические проблемы, тенденции быстрого старения населения и сокращения рождаемости.

Финляндия

Опыт Финляндии представляет особый интерес, поскольку северные страны считаются примерами «успешной реализации модели социального государства» [Журавлева 2019, 115] в классическом его понимании. Стабильно на протяжении последних трех лет эта страна занимает первую строку в известном «рейтинге счастья» (на третьей позиции – Исландия)²³, хотя значимость и достоверность таких оценок, как уже отмечалось выше, небесспорна.

К партнерству экономик благополучия Финляндия присоединилась последней. Главный вызов для социальной политики страны – старение населения [Lång 2022]. Эксперты прогнозируют увеличение нагрузки на здравоохранение под влиянием климатических изменений²⁴. Для решения этих проблем Финляндия также выбрала модель экономики благополучия. Заметные усилия по продвижению самой концепции Финляндия предприняла во время своего председательства в Совете ЕС в 2019 г. Государство сделало упор на социальную составляющую – важность образования, социального обеспечения, здравоохранения, достижения гендерного равенства, безопасных и здоровых условий труда. Готовность продвигать такую модель закрепили в программе «Инклюзивная и компетентная Финляндия – социально, экономически и экологически устойчивое общество»²⁵. Эти инициативы были институционально подкреплены созданием рабочей группы по экономике благосостояния при Министерстве социального обеспечения и здравоохранения, которая разрабатывает национальную стратегию с учетом национальных реалий. Под эгидой финского парламента работает мозговой центр SITRA – интеллектуальный лидер в разработке такой стратегии, инициатор пилотных проектов локального уровня [Hellström et al. 2015].

²² Comparing Well-Being of Nations – An International Database. Þjóðmálastofnun. Social Research Center, University of Iceland. 2011. (<http://wellbeing.hi.is/29nations.php>).

²³ World Happiness Report. New York: Sustainable Development Solutions Network. P. 17.

²⁴ Healthcare and social welfare must systematically prepare for climate change. Finnish government. 2021. (<https://valtioneuvosto.fi/en/-/1271139/healthcare-and-social-welfare-must-systematically-prepare-for-climate-change>).

²⁵ Inclusive and competent Finland – a socially, economically and ecologically sustainable society. Programme of Prime Minister Sanna Marin's Government. Publications of the Finnish Government. 2019. (https://www.ncsl.org/Portals/1/Documents/educ/International_Ed_Study_Group_2020/Finland/10.Finland2019GovernmentPriorities%20.pdf).

Драйверы развития в условиях высочайшего уровня зарегулированности социальной сферы и принудительного выравнивания доходов нуждаются в инновационных формах поддержки. Особенность Финляндии – внимание к делегированию решений на местный уровень и взаимодействию местных властей с сообществами. Новые управленческие практики также внедряют на уровне финских муниципалитетов²⁶. В отличие от других государств Партнерства WEGo, в Финляндии нет системы индикаторов измерения благополучия, и ориентиры, такие как сокращение неравенства и разрывов в доходах, а также достижение углеродной нейтральности к 2035 г., включены в смежные направления публичной политики.

На платформе «Альянса за экономику благополучия» поддерживаются сетевые коммуникации, популяризируются «хорошие практики» и предлагаются практические решения по продвижению модели экономики благополучия. На аналогичные подходы в той или иной мере опираются многие страны ОЭСР, в ряде государств (например, в Нидерландах) дискурс экономики благополучия интегрирован в более широкий общественный контекст «общества участия». Тем не менее, в обозримой перспективе этот дискурс вряд ли станет мейнстримом даже в контексте пресловутого устойчивого развития, несмотря на попытки распространить его за пределы группы богатых стран-инициаторов разработки целеориентированных национальных стратегий. Данный прогноз не исключает возможностей использования «хороших практик», но необходимы и адекватные ответы на новые вызовы, встающие перед системой управления социальным развитием в радикально изменившейся международно-политической и информационно-технологической среде. Вопрос в том, насколько в принципе возможно дать такие ответы в рамках продвигаемой парадигмы «экономики благополучия» и перехода к «обществу благополучия». Тем более, что мотивация к развитию человека и общества не исчерпывается этими ориентирами.

Политико-экологические дискурсы и социальные приоритеты: проблемы совместимости

Деградация окружающей среды и представленные в докладе Римского клуба прогнозы еще не наступивших экологических катастроф, массовые движения 1960-1970-х гг. и жесткая конкуренция стратегий корпоративных игроков вокруг повестки «зеленого перехода» стимулировали дискуссию о включении экологической политики в стратегии экономического развития стран и интеграционных объединений. В 2019 г. ЕС принял «Зеленый курс», широко известный как «Европейская зеленая сделка» (European Green Deal). Сама постановка вопроса о «сделке» (deal) – хотя, по сути, речь идет о пакете согласованных мер, – отражает неоднозначность приоритетов этой инициативы, ее мощнейшую бизнес-составляющую, но также поиски новых параметров общественного договора о развитии вокруг «зеленой повестки» [Хайнацкая 2021]. На взаимосвязи экологии и развития, которое ранее рассматривали только в экономическом и социальном ключе, строятся сегодня политические программы партий и правительств, а также целевые ориентиры международных организаций, работающих в разных сферах общественной деятельности – от образования и здравоохранения, культуры и туризма до борьбы с голодом и помощи беженцам.

Дискурс о связи окружающей среды и благополучия нашел отражение в серии докладов «Оценки экосистем на пороге тысячелетия» (“Millennium Ecosystem Assessment”), подготовленных под эгидой ООН в 2001–2005 гг. Инициатива была нацелена на выявление

²⁶ Doughnut economics toolbox launch for Finnish municipalities. Doughnut Economics Action Lab. 2022. (<https://doughnuteconomics.org/events/179>).

ние «последствий изменения экосистем для благосостояния человека и создание научной основы для действий, необходимых для повышения эффективности сохранения и устойчивого использования экосистем и их вклада в благосостояние»²⁷. Обе проблемы были включены в ЦУР и в комплекс оценок по критериям ESG, а их объединение оценивается как новый эволюционный шаг в обновлении инструментария экологической и социальной политики [Wallimann 2013]. Сегодня такие организации, как ОЭСР, рассматривают благополучие в качестве системной основы решения климатических проблем²⁸.

Включение экологических и климатических вопросов в повестку дня глобальной политики повлекло за собой интеграцию экологической составляющей в модель экономики благополучия. Однако за рамками общих деклараций о намерениях встают вопросы их совместимости, той социальной цены, которую придется платить за реализацию экологических приоритетов, и обратного ущерба для экологии от социальных обязательств. О рисках для социального государства заговорили уже давно [Eichner, Wagener 2004]. Его функционирование зависит от экономического роста, который считается одной из главных причин, влияющих на изменение климата и деградацию окружающей среды [Büchs, Koch 2017]. Ввиду того, что экологическая политика строится вокруг мер, норм и системы регуляторов, которые требуют масштабных капиталовложений, в силу своей зависимости от государственной поддержки и более низкого адаптационного потенциала страдают менее обеспеченные слои населения [Gough, Meadowcroft 2012]. Сама социальная политика может быть углеродоемкой в результате стимулирования потенциально неустойчивого потребления, обусловленного ростом располагаемого дохода и удовлетворением потребностей для достижения субъективного благополучия [Gough 2017]. Политический класс развитого мира продвигает на международных экспертных площадках идеальную картину совмещения социальной и экологической политики в рамках единой стратегии перехода к устойчивому развитию и благополучию, в то время как его ограничения и противоречия в публичном политическом дискурсе практически не обсуждают [Koch, Fritz 2014]. Учитывая ограниченные возможности государственного бюджета, социальные и экологические инициативы изначально «конкурируют» за финансирование и ресурсы [Dryzek 2008]. Новыми вызовами стали пандемия и растущая международная напряженность, за которыми маячат угрозы эскалации военных конфликтов и голода в беднейших странах. Миграционные потоки, порожденные этими угрозами, могут стать нагрузкой на финансирование социальной сферы, объемы которой трудно прогнозировать.

Возможные пути синергии социальной и экологической повестки, как доказывают ее сторонники – трансформация социального государства в экологическое (ecostate) или в симбиотическое экосоциальное государство (eco-welfare state) [García-García, Buendía, Carpintero 2022]. В обществах с низким уровнем социального неравенства и высоким уровнем декоммодификации (социального обеспечения вне рынка) социальные пособия и «подушки безопасности», которые в той или иной мере предохраняют от рыночных потрясений, могут заложить основы экодгосударства. Его условием является экологическая модернизация [Koch, Fritz 2014], которая предполагает переход на более эффективное использование ресурсного потенциала и энергетики и на «чистые» технологии, что снижает нагрузку на окружающую среду. Применение кривой Кузнеця к анализу возмож-

²⁷ Millennium Ecosystem Assessment. Ecosystems and Human Well-being: Synthesis. Island Press, Washington, DC. 2005. (<https://www.millenniumassessment.org/documents/document.356.aspx.pdf>).

²⁸ Climate Change Mitigation through a Well-being Lens “Putting people at the centre of climate action”. OECD. 2019. (<https://www.oecd.org/environment/cc/flyer-climate-change-mitigation-through-a-well-being-lens.pdf>).

ностей экологического развития показывает, что по мере роста доходов государств состояние окружающей среды улучшается, т. к. государства могут внедрять более дорогие и чистые технологии с меньшим ущербом для природы [Panayotou 1997], однако стоимость таких технологий не соотносится с экономической отдачей и социальными эффектами от их использования. Общественную поддержку в стратегической перспективе может обеспечивать переход к постматериальным ценностям под влиянием сдвигов в культурной норме, но усвоение таких установок необязательно предполагает приверженность экологическому образу жизни и перераспределению доходов. О вызовах постматериализма в условиях экономической нестабильности еще в начале 1980-х гг. писал Р. Инглхарт, осмысливая влияние энергетического кризиса и рецессии предыдущего десятилетия [Inglehart 1981]. Приоритеты защиты окружающей среды и стремление к социальной справедливости могут иметь разные побудительные мотивы [Jakobsson, Muttarak, Schoyen 2018]: так, современную экологическую политику обоснованно критикуют как попытку государства благосостояния «сохранить образ жизни с высоким потреблением» за счет остального мира [Bailey 2015]. Климатическую политику неоднозначно воспринимают социально уязвимые слои населения, становясь почвой для зарождения эконационализма [Margulies 2021].

Большие надежды в контексте концепции пост-роста возлагают на образную идею «пончиковой»/кольцевой экономики (doughnut economy). Она также базируется на целях устойчивого развития и, по сути, представляет собой балансирующую между социальными и экологическими показателями концепцию перехода к обществу благополучия. Странники этого подхода ищут возможности соотносить потребности человека и ущерб от их удовлетворения для окружающей среды: с одной стороны, никто не должен жить без удовлетворения минимальных социальных и материальных нужд («в дырке от пончика»), с другой – условием их удовлетворения считается жизнь в экологических границах для сохранения природной среды (не разрывая «кольца пончика») [Raworth 2017].

Метафору широко обсуждают в экспертном сообществе, не разделяющем идеи глобализма, но в ней есть очевидные утопичные послылы²⁹ и серьезные идейные противоречия, ставшие объектом аргументированной критики. Личная жертвенность во имя общего блага и добровольный отказ от наращивания потребностей, мотивированный высоким уровнем экологической сознательности, далеко не всегда приемлемы в экономическом плане – или достижимы в психологическом. В более широком контексте экономики благополучия попытки учесть разноплановые показатели на основе универсальных критериев чреваты опасностью реформатирования сфер ответственности, перекладывания ее с государства на гражданина (как в случае с безусловным базовым доходом), а также имплицитной поддержкой неолиберальных принципов регулирования. Стремление разработать универсальные подходы к достижению баланса между целями развития в рамках современного миропорядка приводят к системному противоречию: в менее развитых странах нужно обеспечивать рост экономики для борьбы с бедностью, но такой рост способствует деградации окружающей среды, в то время как в алармистском «зеленом» дискурсе настойчиво и даже агрессивно продвигается мысль о том, что у человечества нет времени и ресурсов, чтобы поддерживать жизнеспособность в рамках привычной парадигмы роста.

²⁹ Doughnut Economics: Seven Ways to Think Like a 21st-Century Economist by Kate Raworth. Brave New Europe. 2018. (<https://braveneweuropa.com/doughnut-economics-seven-ways-to-think-like-a-21st-century-economist-by-kate-raworth>).

Заключение.

О контурах новой системы управления социальным развитием

Изучение дискурсов, продвигающих модель экономики благополучия, и общества, созидаемого на фундаменте такой модели, свидетельствует о поисках новых возможностей развития за рамками традиционного государства благосостояния, но также о системных противоречиях в попытках разработать универсальные ориентиры развития. Возможности сопряжения экологической и социальной повестки неочевидны, особенно в свете сдвигов в общественном сознании и в приоритетах публичной политики, произошедших под влиянием пандемии, когда остро встал вопрос о социальных и экономических детерминантах здоровья людей как ключевого измерения благополучия [Dalziel, Cameron 2021].

Среди вовлеченных в дискуссии стейкхолдеров – ученых, экспертов, политиков, гражданских активистов, представителей городских и сельских сообществ или групп интересов, выступающих от имени «зеленых» отраслей бизнеса, немало искренних сторонников идей пост-роста, которые убеждены, что целевые установки экономического развития можно трансформировать, изменив культурные нормы и соответствующую политико-управленческую повестку под влиянием активной позиции граждан и ответственной экспертной работы (см. [Laurent 2021]). Приверженцы данных идей оптимистично смотрят на возможности альтернативных парадигме экономического роста подходов, которые, по их мнению, приближают перспективы «общества благополучия». Однако бюджеты, принятые в ориентирующихся на идеи пост-рост странах, показывают по-прежнему высокий уровень зависимости от поступательной экономической динамики и роста ВВП. Изменение политических приоритетов в пользу решения «зеленых» задач в будущем может способствовать перенаправлению средств из сферы социальных расходов на нужды сохранения окружающей среды или адаптации к этим изменениям, что обернется дополнительной финансовой нагрузкой от налогообложения неэкологичного потребления для граждан. Такие изменения чреваты расхождением между социальными приоритетами и экологическими ориентирами, появлением новых размежеваний в обществах, где широкоэщательные политические призывы к сокращению неравенства не подкреплены ощутимыми для граждан результатами. Так, вынужденное обращение к традиционным источникам энергии сталкивает сторонников решения острых социальных проблем и радикальных приверженцев «зеленой» повестки.

Академическое сообщество, которое представлено преимущественно учеными из развитых и относительно благополучных по меркам социального самочувствия стран, активно продвигает «универсальные» ориентиры социального и экологического управления и соответствующие подходы, способные минимизировать ущерб для своих экономик. Однако предлагаемые приоритеты ограничивают возможности остального мира в достижении сопоставимого с ними уровня и качества жизни, тем самым поддерживая сложившееся разделение между пресловутым «золотым миллиардом» и остальным населением. Очевидно, что нынешний рост международной напряженности и развернувшаяся борьба за ресурсы развития объективно делают еще более неопределенными перспективы пусть избирательной/частичной реализации таких моделей – даже в рамках небольших по мировым масштабам национальных экономик. «Пробуксовки» «бюджетов благополучия» после пандемии – первые свидетельства предсказуемых трудностей. Очевидно, что при нехватке энергетических, продовольственных и других жизненных ресурсов проблемы регулирования ресурсного обеспечения населения встают в полный рост. Для более сложных политико-управленческих структур, функционирующих в крупных экономиках, воплотить такие подходы оказывается тем более непосильной задачей.

В условиях распада сложившегося миропорядка и реформирования экономических связей, а также конфронтации коллективного Запада с Россией и жесткого санкционного давления на РФ усугубляются системные проблемы развития самих прежде благополучных западных обществ: энергетический голод способствует росту инфляции, которая съедает «излишки» бюджетов – потенциальные источники переориентации расходов. В итоге сторонники экономики благополучия оказываются перед дилеммой: выходить из кризиса традиционными методами, ориентируясь на привычные источники роста, либо перестраивать систему управления под новые «зеленые» приоритеты и бороться с очевидными экономическими издержками такого выбора и их мало предсказуемыми социальными последствиями.

Нарративы экономики благополучия не уйдут в небытие, но будет меняться смысловое наполнение самого понятия и критерии его оценки. Абсолютизация показателей ВВП работает против развития, как и стремление опираться сугубо или преимущественно на замеры субъективного благополучия. Амбициозные планы «модельных» национальных стратегий придется по меньшей мере корректировать. Искать баланс между потребностями экономического роста и приоритетами пост-роста, способными смягчать негативные эффекты воздействия роста на среду обитания человека, предстоит, видимо, опытным путем.

Происходящие изменения в структуре миропорядка, кризис западоцентричной модели глобализации, рост международно-политической конфликтности и укрепление региональных центров силы размывают универалистскую социально-экономическую повестку устойчивого развития. Международные площадки разнообразных форматов, которые сложились в последние годы, перестали быть генераторами общих ориентиров. Под вопросом оказывается представительность разного рода рейтингов и других инструментов сравнения векторов развития стран и регионов. В сложившихся условиях ключевым исследовательским приоритетом становится научно обоснованная оценка социальной повестки развития на основе сочетания измеримых и неизмеримых показателей благополучия человека. Возрастает роль экспертного сообщества не только – и даже не столько – в разработке приоритетов политики развития, сколько в пересмотре логики построения соответствующего дискурса. Успех здесь во многом зависит от уровня доверия и культуры диалога в обществе, которые позволяют договариваться о социальной цене предлагаемых к реализации стратегий на национальном уровне и уровне городов и территорий, с использованием как материальных, так и нематериальных ресурсов, на основе продвижения принципов ответственного развития. Хотелось бы надеяться на появление таких новых нарративов, которые способны отразить не только жизненные потребности человека XXI в., но и смыслжизненные устремления личности, живущей в этой стремительно меняющейся социальной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гамза Л., Ломанов А. (2022). Китай: экономическое восстановление в условиях внешнего давления // В: Год планеты: ежегодник. ИМЭМО РАН. Вып. 2021 г.: Экономика, политика, безопасность. Ред. В.Г. Барановский, Э.Г. Соловьев. М.: Идея-Пресс. С. 147–161.

Гоффе Н.В., Монусова Г.А. (2020) Субъективное благополучие как ориентир социальной политики // В: Социальное государство в зеркале общественных трансформаций. Отв. ред. Е.С. Садовая, И.П. Цапенко, И.В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН. С. 166–179.

Дэн Сяопин (1994). Избранное. Т. III (1982-1992). Пекин: Изд. литературы на иностранных языках. 544 с.

Журавлева Л.И. (2019) Социальное государство: опыт скандинавских стран // Экономика. Общество. Человек: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова. С. 115–119.

Мартыанов В.С. (2021) В поисках другого мейнстрима // Полис. Политические исследования. № 4. С. 112–131. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.09.

Нестик Т.А., Журавлева А.Л. (ред.). (2020) Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 594 с. DOI: 10.38098/soc.2020.88.75.001

Нефедов С.А. (2005). Экологическая компонента геополитической безопасности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет. 150 с.

Перегудов С.П., Семененко И.С. (2009) Корпоративное гражданство. Концепции, мировой опыт и российские практики. М.: Прогресс-Традиция. 448 с.

Рашковский Е.Б. (2022). Что же такое развитие? (Заметки историка) // В: Е.Б. Рашковский. Гуманитарная глобалистика: из трудов последних десятилетий. М.: Издатель Воробьев А.В. С. 92–119.

Садовая Е.С. (2020) Концепция и реализация идеи безусловного базового дохода в контексте трансформации социально-трудовой сферы // Социально-трудовые исследования. Т. 38. № 1. С. 59–72. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-38-1-59-72.

Садовая Е.С., Сауткина В.А. (2015) Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект. М.: ИМЭМО РАН. 206 с.

Садовая Е.С., Бардин А.Л., Довбыш Е.Г. (2016) Индексы социального самочувствия как инструмент исследования и прогнозирования этнополитических конфликтов // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 9. С. 57–66.

Садовая Е.С., Цапенко И.П., Гришин И.В. (ред.) (2020) Социальное государство в зеркале общественных трансформаций. М.: ИМЭМО РАН. 211 с. DOI:10.20542/978-5-9535-0584-0.

Семененко И.С. (2019) Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // Полис. Политические исследования. № 3. С. 7–26. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.02.

Семененко И.С. (2021) Дискурсы развития в социальных науках: в преддверии этического поворота // Полис. Политические исследования. № 2. С. 25–45. DOI: 10.17976/jpps/2021.02.03.

Хайнацкая Т.И. (2021) Экологический алармизм как политический дискурс // Южно-российский журнал социальных наук. Т. 22. № 2. С. 53–73. DOI: 10.31429/26190567-22-2-53-73.

Цапенко И.П. (2015) Субъективное благополучие и миграция // Мировая экономика и международные отношения. № 4. С. 2–36.

Abrar R. (2021) Building the Transition Together: WEALL's Perspective on Creating a Wellbeing Economy // In: The Well-being Transition. Analysis and Policy. Ed(s): Laurent E. London: Palgrave Macmillan. Pp. 157-180.

Bailey D. (2015) The Environmental Paradox of the Welfare State: The Dynamics of Sustainability // New Political Economy. Vol. 20. No. 6. Pp. 793–811. DOI: 10.1080/13563467.2015.1079169.

Buchs M., Koch M. (2017) Postgrowth and Wellbeing: Challenges to Sustainable Welfare. London: Palgrave Macmillan Cham. 144 p. DOI: 10.1007/978-3-319-59903-8.

Dalziel P., Cameron T. (2021) Well-Being Economics // In: The Oxford Research Encyclopedia of Global Public Health. DOI: 10.1093/acrefore/9780190632366.013.312.

Dryzek J. (2008) The Ecological Crisis of the Welfare State // Journal of European Social Policy. Vol. 18. No. 4. Pp. 334–337. DOI: 10.1177/0958928708094890.

Eichner T., Wagener A. (2004) The Welfare State in a Changing Environment // International Tax and Public Finance. Vol. 11. No. 3. Pp. 313–331.

Esping-Andersen G. (1990) The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity. 248 p.

- Etzioni A. (1993) *The Spirit of Community: Rights, Responsibilities, and the Communitarian Agenda*. New York: Crown Publishers Inc. 323 p.
- Etzioni A. (1997) *The New Golden Rule: Community and Morality in a Democratic Society*. New York: Basic Books. 336 p.
- García-García P., Buendía L., Carpintero Ó. (2022) Welfare Regimes as Enablers of Just Energy Transitions: Revisiting and Testing the Hypothesis of Synergy for Europe // *Ecological Economics*. Vol. 197. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2022.107434.
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity. 186 p.
- Giddens A. (1998) *The Third Way: The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity. 166 p.
- Gough I., Meadowcroft J. (2012) Decarbonizing the Welfare State // In: *Oxford Handbook of Climate Change and Society*. Ed(s): Dryzek J.S., Norgaard R. B., Schlosberg D. Oxford: Oxford University Press. Pp. 490–503. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199566600.003.0033.
- Gough I. (2017) Recomposing Consumption: Defining Necessities for Sustainable and Equitable Well-Being // *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*. No. 375. DOI: 10.1098/rsta.2016.0379.
- Hellström E., Hämäläinen T., Lahti V.-M., Cook J.W., Jousilahti J. (2015) Towards a Sustainable Well-being Society. From Principles to Applications // *Sitra Working Paper 1.4.2015*. (https://www.sitra.fi/app/uploads/2017/02/Towards_a_Sustainable_Wellbeing_Society_2.pdf).
- Inglehart R. (1981) Post-Materialism in an Environment of Insecurity. *The American Political Science Review*. Vol. 75. No. 4. Pp. 880–900. DOI: 10.2307/1962290.
- Jakobsson N., Muttarak R., Schoyen M.A. (2018) Dividing the Pie in the Eco-Social State: Exploring the Relationship between Public Support for Environmental and Welfare Policies // *Environment and Planning C: Politics and Space*. No. 36. Pp. 313–339.
- Koch M., Fritz M. (2014) Building the Eco-Social State: Do Welfare Regimes Matter? // *Journal of Social Policy*. Vol. 43. No. 4. Pp. 679–703. DOI: 10.1017/S004727941400035X.
- Lång K. (2022) An Effort to Save the Nordic Welfare State. *Center for Strategic and International Studies*. (<https://www.csis.org/blogs/european-election-watch/effort-save-nordic-welfare-state>)
- Laurent E. (ed.) (2021). *The Well-Being Transition. Analysis and Policy*. London: Palgrave Macmillan. 285 p.
- Laurent E. (2021) Taking Care of Essential Well-being in the “Century of the Environment”. *The Well-being Transition. Analysis and Policy*. Ed(s): Laurent E. London: Palgrave Macmillan. Pp. 273–280.
- Maccagnan A., Wren-Lewis S., Brown H. & Taylor T. (2018) Wellbeing and Society: Towards Quantification of the Co-benefits of Wellbeing // *Social Indicators Research*. Vol. 141. No. 1. Pp. 217–243. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-017-1826-7>.
- Margulies M. (2021) Eco-Nationalism: A Historical Evaluation of Nationalist Praxes in Environmentalist and Ecologist Movements // *Consilience*. No. 23. Pp. 22–29.
- Mazzocchi F. (2020) A Deeper Meaning of Sustainability: Insights from Indigenous Knowledge // *The Anthropocene Review*. Vol. 7. No. 1. Pp. 77–93. DOI: 10.1177/2053019619898888.
- Mohamed D. S. M. B. (1999) The Green Flag of Eco-Imperialism // *New Perspectives Quarterly*. Vol. 16. No. 2. Pp. 8–9. DOI: 10.1111/0893-7850.00214.
- Ólafsson S. (2011) Iceland’s Social Inclusion Environment. Working Paper No. 2. Social Research Centre, University of Iceland. 28 p.
- Óskarsdóttir S. (2020) Think Tanks in Iceland // *Scandinavian Political Studies*. Vol. 43. No. 3. Pp. 207–222. DOI: 10.1111/1467-9477.12183.
- Ostrom E. (1990) *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press. 280 p.
- Panayotou T. (1997) Demystifying the Environmental Kuznets Curve: Turning a Black Box into a Policy Tool // *Environment and Development Economics*. Vol. 2. No. 4. Pp. 465–484.

Parker J. (2022) Politics, Systems Thinking and Building the Wellbeing Economy: The Example of Wales // In: Transformation Literacy. Ed(s): Künkel P., Ragnarsdottir K.V. Cham: Springer. Pp. 203–218. DOI: 10.1007/978-3-030-93254-1_14.

Pautz H., Tozan O. Bradley P., Collins Ch., Sims R. (2019) On Target for 2030? An Independent Snapshot Review of Scotland's Progress against the United Nations Sustainable Development Goals. UWS-Oxfam Partnership: Collaborative Research Reports Series. Report No. 5. July. DOI: 10.13140/RG.2.2.34573.08169.

Player M. (1994) «From Welfare to Well-Being»: Communicating a Vision // Social Policy Journal of New Zealand. No. 3. (<https://www.msd.govt.nz/about-msd-and-our-work/publications-resources/journals-and-magazines/social-policy-journal/spj03/03-welfare-to-wellbeing.html>).

Rawls J. (1971) A Theory of Justice. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press. 607 p.

Raworth K. (2017) Why It's Time for Doughnut Economics // IPPR Progressive Review. No. 24. Pp. 216–222. DOI: 10.1111/newe.12058.

Wallimann I. (2013) Environmental Policy is Social Policy – Social Policy is Environmental Policy. New York: Springer. 221 p. DOI: 10.1007/978-1-4614-6723-6.

Waring M. (1988). If Women Counted: A New Feminist Economics. New York: Harper & Row. 386 p.

Zeidler L., Muller L., Cairns D., Aigaki-Lander W. (2021) Building A Wellbeing Economy. Roadmap for Towns. Centre for Thriving Places. (https://d1ssu070pg2v9i.cloudfront.net/pex/pex_carnegie2021/2021/05/05092800/Building-a-Wellbeing-Economy-Roadmap-for-Towns-v2-1.pdf).

REFERENCES

Abrar R. (2021) Building the Transition Together: WEALL's Perspective on Creating a Wellbeing Economy. In: *The Well-being Transition. Analysis and Policy*. Ed(s): Laurent E. London: Palgrave Macmillan. Pp. 157–180.

Bailey D. (2015) The Environmental Paradox of the Welfare State: The Dynamics of Sustainability. *New Political Economy*. vol. 20, no. 6, pp. 793–811. DOI: 10.1080/13563467.2015.1079169.

Buchs M., Koch M. (2017) *Postgrowth and Wellbeing: Challenges to Sustainable Welfare*. Cham: Palgrave Macmillan. 144 p. DOI: 10.1007/978-3-319-59903-8.

Dalziel P., Cameron T. (2021) Well-Being Economics. In: *The Oxford Research Encyclopedia of Global Public Health*. DOI: 10.1093/acrefore/9780190632366.013.312.

Deng Xiaoping (1994) *Izbrannoe. T. III (1982-1992)* [Selected works. Vol. III (1982-1992)]. Beijing: Izd. Literaturny na inostrannyh yazykah. 544 p.

Dryzek, J. (2008) The Ecological Crisis of the Welfare State. *Journal of European Social Policy*. vol. 18, no. 4, pp. 334–337. DOI: 10.1177/0958928708094890.

Eichner T., Wagener A. (2004) The Welfare State in a Changing Environment. *International Tax and Public Finance*. vol. 11, no. 3, pp. 313–331.

Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity. 248 p.

Etzioni A. (1993) *The Spirit of Community: Rights, Responsibilities, and the Communitarian Agenda*. New York: Crown Publishers Inc. 323 p.

Etzioni A. (1997) *The New Golden Rule: Community and Morality in a Democratic Society*. New York: Basic Books. 336 p.

Gamza L., Lomanov A. (2022) Kitaj: ekonomicheskoe vosstanovlenie v usloviyah vneshnego davleniya [China: Economic Recovery under External Pressure]. *God planety: ezhegodnik. IMEMO RAS. 2021: Economics, Politics, Security*. Ed(s): Baranovsky V.G., Solovyov E.G. Moscow: Ideya-Press. Pp. 147–161.

García-García P., Buendía L., Carpintero Ó. (2022) Welfare Regimes as Enablers of Just Energy Transitions: Revisiting and Testing the Hypothesis of Synergy for Europe. *Ecological Economics*. vol. 197, July. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2022.107434.

- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity. 186 p.
- Giddens A. (1998) *The Third Way: The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity. 166 p.
- Goffe N.V., Monusova G.A. (2020) Sub»ektivnoe blagopoluchie kak orientir social'noj politiki [Subjective Well-Being as a Guideline of Social Policy]. In: *Social'noe gosudarstvo v zerkale obshchestvennyh transformacij*. Ed(s): Sadovaya E.S., Tsapenko I.P., Grishin I.V. Moscow: IMEMO. Pp. 166-179.
- Gough I., Meadowcroft J. (2012) Decarbonizing the Welfare State. In: *Oxford Handbook of Climate Change and Society*. Ed(s): Dryzek J.S., Norgaard R. B., Schlosberg D. Oxford: Oxford University Press. Pp. 490–503. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199566600.003.0033.
- Gough I. (2017) Recomposing Consumption: Defining Necessities for Sustainable and Equitable Well-Being. *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*. no. 375. DOI: 10.1098/rsta.2016.0379.
- Hellström E., Hämäläinen T., Lahti V.-M., Cook J.W., Jousilahti J. (2015) *Towards a Sustainable Well-being Society. From Principles to Applications*. Sitra Working Paper 1.4.2015. (https://www.sitra.fi/app/uploads/2017/02/Towards_a_Sustainable_Wellbeing_Society_2.pdf).
- Inglehart R. (1981) Post-Materialism in an Environment of Insecurity. *The American Political Science Review*. vol. 75, no. 4, pp. 880–900. DOI: 10.2307/1962290.
- Jakobsson N., Muttarak R., Schoyen M.A. (2018) Dividing the Pie in the Eco-Social State: Exploring the Relationship between Public Support for Environmental and Welfare Policies. *Environment and Planning C: Politics and Space*. no. 36, pp. 313–339.
- Khaynatskaya T. (2021) Ekologhicheskii alarmism kak politicheskii diskurs [Environmental Alarmism as Political Discourse]. *South-Russian Journal of Social Sciences*. vol. 22, no. 2, pp. 53–73. DOI:10.31429/26190567-22-2-53-73.
- Koch M., Fritz M. (2014) Building the Eco-Social State: Do Welfare Regimes Matter? *Journal of Social Policy*. vol. 43, no. 4, pp. 679–703. DOI: 10.1017/S004727941400035X.
- Lång K. (2022) *An Effort to Save the Nordic Welfare State*. Center for Strategic and International Studies. (<https://www.csis.org/blogs/european-election-watch/effort-save-nordic-welfare-state>).
- Laurent E. (ed.) (2021) *The Well-being Transition. Analysis and Policy*. London: Palgrave Macmillan. 285 p.
- Laurent E. (2021) Taking Care of Essential Well-being in the “Century of the Environment”. In: *The Well-being Transition. Analysis and Policy*. Ed(s): Laurent E. London: Palgrave Macmillan. Pp. 273–280.
- Maccagnan A., Wren-Lewis S., Brown H., Taylor T. (2018) Wellbeing and Society: Towards Quantification of the Co-benefits of Wellbeing. *Social Indicators Research*. no. 141, pp. 217–243. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-017-1826-7>.
- Margulies M. (2021) Eco-Nationalism: A Historical Evaluation of Nationalist Praxes in Environmentalist and Ecologist Movements. *Consilience*. no. 23, pp. 22–29.
- Mart'yanov V.S. (2021) V poiskah drugogo mejnstrima [In Search of Another Mainstream]. *Polis. Political Studies*. no. 4, pp. 112–131. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.09.
- Mazzocchi F. (2020) A Deeper Meaning of Sustainability: Insights from Indigenous Knowledge. *The Anthropocene Review*. vol. 7, no. 1, pp. 77–93. DOI: 10.1177/2053019619898888.
- Mohamed D.S.M.B. (1999) The Green Flag of Eco-Imperialism. *New Perspectives Quarterly*. vol. 16, no. 2, pp. 8–9. DOI: 10.1111/0893-7850.00214.
- Nestik T.A., Zhuravleva A.L. (eds.) (2020) *Chelovek v usloviyah global'nyh riskov: social'no-psihologicheskij analiz* [An Individual in the Context of Global Risks: A Socio-Psychological Analysis.]. Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAS». 594 p. DOI: 10.38098/soc.2020.88.75.001.
- Nefedov S.A. (2005). *Ekologicheskaya komponenta geopoliticheskoy bezopasnosti* [Environmental Component of Geopolitical Security]. Dissertation. Stavropol': Stavropol'skij gosudarstvennyj universitet. 150 p.
- Ólafsson S. (2011) *Iceland's Social Inclusion Environment*. Working Paper. No 2. Social Research Centre, University of Iceland. 28 p.

Óskarsdóttir S. (2020) Think Tanks in Iceland. *Scandinavian Political Studies*. vol. 43, no. 3. pp. 207–222. DOI: 10.1111/1467-9477.12183.

Ostrom E. (1990) *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press. 280 p.

Panayotou T. (1997) Demystifying the Environmental Kuznets Curve: Turning a Black Box into a Policy Tool. *Environment and Development Economics*. vol. 2, no. 4, pp. 465–484.

Parker J. (2022) Politics, Systems Thinking and Building the Wellbeing Economy: The Example of Wales. In: *Transformation Literacy*. Ed(s): Künkel P., Ragnarsdottir K.V. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-93254-1_14.

Pautz H., Tozan O. Bradley P., Collins Ch., Sims R. (2019) *On Target for 2030? An Independent Snapshot Review of Scotland's Progress against the United Nations Sustainable Development Goals*. UWS-Oxfam Partnership: Collaborative Research Reports Series. Report No 5. July 2019. DOI: 10.13140/RG.2.2.34573.08169.

Player M. (1994) “From Welfare to Well-Being”: Communicating a Vision. *Social Policy Journal of New Zealand*. no. 3. (<https://www.msd.govt.nz/about-msd-and-our-work/publications-resources/journals-and-magazines/social-policy-journal/spj03/03-welfare-to-wellbeing.html>).

Peregudov S.P., Semenenko I.S. (2009) *Korporativnoe grazhdanstvo. Konceptii, mirovoj opyt i rossijskie praktiki* [Corporate Citizenship. Concepts, World Experience and Russian Practices]. Moscow: Progress-Tradiciya. 448 p.

Rashkovskij E.B. (2022). Chto zhe takoe razvitie? (Zametki istorika) [What is Development? (Historian's Notes)]. In: *Gumanitarnaya globalistika: iz trudov poslednih desyatiletij*. Eed(s): Rashkovskij E.B. Moscow: Izdatel' Vorob'ev A.V. Pp. 92–119.

Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press. 607 p.

Raworth K. (2017) Why It's Time for Doughnut Economics. *IPPR Progressive Review*. no. 24. pp. 216–222. DOI: 10.1111/newe.12058.

Sadovaya E.S. (2020) Konceptsiya i realizaciya idei bezuslovnogo bazovogo dohoda v kontekste transformacii social'no-trudovoj sfery [Concept and Implementation of the Idea of Universal Basic Income in the Context of Changing Social Labor Sphere]. *Social'no-trudovye issledovaniya*. vol. 38, no. 1, pp. 59–72. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-38-1-59-72.

Sadovaya E.S., Sautkina V.A. (2015) *Transformaciya principov sovremennogo miroustrojstva: social'nyj aspekt* [Transformation of the Principles of the Modern World Pattern: The Social Aspect]. Moscow: IMEMO. 205 p.

Sadovaya E.S., Bardin A.L., Dovbysh E.G. (2016) Indeksy social'nogo samochuvstviya kak instrument issledovaniya i prognozirovaniya etnopoliticheskikh konfliktov [Indices of Social Well-Being as Tool for Analysis and Forecast of Ethnopolitical Conflicts]. *MEMO Journal*. vol. 60, no. 9, pp. 57–66.

Sadovaya E.S., Tsapenko I.P., Grishin I.V. (eds.) (2020) *Social'noe gosudarstvo v zerkale obshchestvennykh transformacij* [The Welfare State in the Mirror of Social Transformations]. Moscow: IMEMO RAS. 211 p. DOI:10.20542/978-5-9535-0584-0.

Semenenko I. S. (2019) Gorizonty otvetstvennogo razvitiya: ot nauchnogo diskursa k politicheskomu upravleniyu [Horizons of Responsible Development: from Discourse to Governance]. *Polis. Political Studies*. no. 3, pp. 7–26. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.02.

Semenenko I.S. (2021) Diskursy razvitiya v social'nykh naukah: v preddverii eticheskogo povorota [Rethinking Development in Social Sciences: On the Threshold of an Ethical Turn]. *Polis. Political Studies*. no. 2, pp. 25–45. DOI: 10.17976/jpps/2021.02.03.

Tsapenko I.P. (2015) Sub»ektivnoe blagopoluchie i migraciya [Subjective Well-Being and Immigration]. *MEMO Journal*. no. 4, pp. 23–36. DOI:10.20542/0131-2227-2015-4-23-36.

Wallimann I. (2013) *Environmental Policy is Social Policy – Social Policy is Environmental Policy*. New York: Springer. 221 p. DOI: 10.1007/978-1-4614-6723-6.

Waring M. (1988) *If Women Counted: A New Feminist Economics*. New York: Harper & Row. 386 p.

Zeidler L., Muller L., Cairns D., Aigaki-Lander W. (2021) *Building a Wellbeing Economy. Roadmap for Towns*. Centre for Thriving Places. (https://d1ssu070pg2v9i.cloudfront.net/pex/pex_carnegie2021/2021/05/05092800/Building-a-Wellbeing-Economy-Roadmap-for-Towns-v2-1.pdf).

Zhuravleva L. I. (2019) Social'noe gosudarstvo: opyt skandinavskih stran [Welfare State: the experience of the Scandinavian countries]. In: *Ekonomika. Obshchestvo. Chelovek: Materialy Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Belgorod: Belgorodskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet im. V.G. Shuhova. Pp. 115–119.

Информация об авторах

Семененко Ирина Станиславовна, доктор политических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997 Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: semenenko@imemo.ru

Хайнацкая Татьяна Игоревна, младший научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997 Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: tkhaynatskaya@gmail.com

About the authors

Irina S. Semenenko, Doctor of Political Science, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. Email: semenenko@imemo.ru

Tatiana I. Khaynatskaya, Junior Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. Email: tkhaynatskaya@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 27.07.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 22.08.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 29.08.2022

DOI: 10.31857/S0869049922050070
EDN: FAOPJX

Оригинальная статья / Original Article

Полицентризм против универсализма в картине социального мира

© А.А. АЛФЕРОВ

Алферов Анатолий Александрович, Южный Федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия), antal@list.ru. ORCID: 0000-0003-1637-726X

В статье принцип моноцентризма в построении картины социального мира противопоставлен принципу полицентризма. Рассмотрены определенные направления социально-политической и исторической мысли, которые дают обоснование принципу моноцентризма с одной стороны, и принципу полицентризма – с другой. В качестве обоснования моноцентризма выступает универсализм человека, человеческого сознания, человеческой истории. Полицентризм опирается в антропологии на представление о социально-культурной обусловленности человека, а в философии истории – на концепцию истории как развития отдельных обособленных культур или цивилизаций. Множественность цивилизаций создает полицентричную картину социального мира. Россия выступает одновременно государством и цивилизацией. Она притягивает в свое цивилизационное поле прилегающие государства – прежде всего на постсоветском пространстве – и становится стержневым государством евразийской цивилизации. Однако и самостоятельно, без прилегающих государств, Российская Федерация является цивилизацией. Также в статье представлено возможное содержание идеологии российской цивилизации.

Ключевые слова: универсализм, полицентризм, либерализм, цивилизация, ценности, Россия

Цитирование: Алферов А.А. (2022) Полицентризм против универсализма в картине социального мира // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 100–112. DOI: 10.31857/S0869049922050070, EDN: FAOPJX.

Polycentrism versus Universalism in the Picture of the Social World

© A. ALFEROV

Anatoly A. Alferov, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), antal@list.ru. ORCID: 0000-0003-1637-726X

Abstract. The article contrasts the principle of monocentrism with the principle of polycentrism in the construction of the picture of the social world. Certain areas of socio-political and historical thought are considered, which substantiate the principle of monocentrism, on the one hand, and the principle of polycentrism, on the other. The justification of monocentrism is universalism – of man, human consciousness, human history. In anthropology, polycentrism is based on the idea of the socio-cultural conditioning of a person, and in the philosophy of history – on the concept of history as the development of separate isolated cultures or civilizations. The multiplicity of civilizations creates a polycentric picture of the social world. Russia is both a state and a civilization. Russia attracts adjacent states into its civilizational field, primarily in the post-Soviet space, and becomes the core state of the Eurasian civilization, but the Russian Federation on its own is a civilization. The article also considers possible contents of the ideology of the Russian civilization.

Keywords: universalism, polycentrism, liberalism, civilization, values, Russia

Citation: Alferov A. (2022) Polycentrism versus Universalism in the Picture of the Social World. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*, no. 5, pp. 100–112. DOI: 10.31857/S0869049922050070, EDN: FAOPJX.

Главный вопрос относительно будущего мироустройства заключается в том, будет ли оно иметь, как и ранее, моноцентричный характер, или на смену моноцентризму придет полицентризм? Современный мир быстро меняется, но он по-прежнему моноцентричен. Бенефициаром его моноцентричности выступает западная цивилизация, и она стремится во что бы то ни стало сохранить свое положение. Россию ее положение в нынешней мировой системе не устраивает: она стремится к многополярному, полицентричному миру, рассматривая себя одним из его полюсов, центров. Главная претензия США и коллективного Запада к России заключается в том, что она меняет существующий миропорядок.

В рамках данной статьи автор охарактеризует некоторые важнейшие течения и подходы, которые дают обоснование моноцентризму социального мира с одной стороны и полицентризму – с другой.

Универсализм в качестве обоснования моноцентризма

Для обоснования моноцентризма используют концепцию универсализма – человека, человечества, человеческого сознания, человеческой истории. «Универсалистский подход имеет солидную родословную: в европейской мысли он ведет отсчет своей истории по меньшей мере с периода классической греческой философии и отчетливо связан с платоновско-аристотелевским пониманием универсальности человеческой природы, корнящейся в универсальности разума» [Смирнов 2019, 25]. Противоположностью универсализма выступают партикуляризм, плюрализм, полицентризм. Для полицентризма значимы представления о социокультурной дифференциации человеческой сущности.

Под знаком универсализма создавалась просветительская идеология – рационалистическая идеология, которая апеллировала к человеческому разуму, и этот разум мыс-

лился единым, всеобщим. Просветители объявляли разумными определенные отношения людей, определенное государственное устройство, определенные права человека и т. д. Освящаемые единым человеческим разумом, эти конкретные социальные установления провозглашали общечеловеческими. Свой антропоцентричный мир просветители проектировали для абстрактного человека с единой «человеческой природой» и общечеловеческим разумом. Из такого понимания человека вытекало и единство человечества, и единство человеческой истории.

С просветительской идеологией генетически был связан либерализм, так как одним из «естественных» прав человека просветители провозглашали свободу. И Просвещение, и либерализм базировались на принципе индивидуализма – приоритета интересов индивида перед интересами общества или социальной группы. Современный либерализм надеется на глобализационные тенденции современности, усматривая в них возможность реализовать свою изначальную установку на унификацию мира, человечества.

Монизм и плюрализм ценностей

Общая установка либерализма, несомненно, имеет универсалистский характер, однако в его рамках работали мыслители, которые вводили представление о множественности человеческой сущности. К ним следует отнести прежде всего И. Берлина, известного философа, политолога, историка XX в. Самое главное, чем обогатил И. Берлин политическую и философскую мысль – учение о негативной и позитивной свободе и его концепция плюрализма ценностей. Применительно к теме настоящей статьи представляет интерес последнее.

Британский мыслитель рассуждал о ценностях, целях и идеалах, которые определяют их жизнь. Он настойчиво проводил мысль о том, что существует плюрализм идеалов и целей, к которым люди могут стремиться. И. Берлин утверждал, что плюрализм ценностей в ряде важнейших отношений для людей лучше, чем ценностный монизм. Монизм сопряжен с нетерпимостью к тем, кто придерживается иных ценностей, – нетерпимостью, которая может перерасти в фанатизм. Его могут также использовать, чтобы оправдать притязания тех или иных людей и наций на управление обществом и миром в целом. Плюрализм ценностей, по мнению Берлина, связан с терпимостью к людям, которые разделяют иные ценности, с уважением к другим системам ценностей.

Однако, как доказывает И. Берлин, магистральной идеей и традицией всей западной мысли был вовсе не плюрализм, а именно монизм, который он характеризует как «центральный тезис западной философии от Платона до наших дней». Концентрированно выражая суть интеллектуальной традиции Запада, философ утверждал, что эта традиция основана на трех догмах: 1) на любой важный вопрос есть только один верный ответ (все остальные ответы, будучи отклонениями от истины, оказываются ложными); 2) существует надежный путь к получению ответов на эти вопросы, и истинные ответы на них в принципе могут быть найдены; 3) верные ответы, если их найти, должны вполне совместиться друг с другом, образуя единое гармоничное целое – истина не может быть не совместимой с другой истиной [Берлин 2002, 668–669]. Когда все ответы на важнейшие моральные, социальные и политические вопросы будут найдены и люди начнут жить в соответствии с найденными истинами, установится совершенная жизнь людей, совершенное общество – наступит золотой век. И. Берлин считал, что подобная унифицированная монистическая модель ценностей выступает показательной для всего западного рационализма.

Плюрализм ценностей, в свою очередь, означает возможность столкновения между определенными ценностями, конфликта между ними. Становится неизбежным выбор в

пользу определенных ценностей, а, соответственно, другие ценности не будут реализованы или реализованы не в полном объеме. Несовместимость определенных важнейших ценностей ведет Берлина к выводу о невозможности построить совершенное общество, поскольку оно мыслится именно как гармоничное осуществление всех ценностей. Он считает, что идея совершенного мира, в котором возможна реализация всех благ, необоснованна и концептуально непоследовательна [Берлин 2001, 64].

Разрабатывая учение о многообразии принимаемых людьми ценностей, привязанных к различным культурам и историческим эпохам, И. Берлин, однако, пытался сохранить и представление об общей человеческой природе. Он настаивал на том, что и при множественности ценностей существует нечто общее, что разделяют все люди, потому что они – люди. Такая ценностная общность, по мысли Берлина, выражает то, что свойственно человеку как таковому, человеку вообще. Иными словами, общность ценностей сопряжена у него с признанием общности человеческой природы. Данное представление об общей человеческой природе, сохраняемое Берлиным, связывает его с традицией Просвещения и помещает в рамки либерализма. Плюрализм ценностей он мыслил в рамках либерально-демократического общества.

Критика универсализма и обоснование полицентричного мира Дж. Греем

Английский политический философ Дж. Грей принимает представление И. Берлина о плюрализме ценностей, однако он радикализирует его и выводит за пределы либеральной доктрины. Плюрализм ценностей у Грея предстает плюрализмом культур, культурных традиций, образов жизни. Дж. Грей выдвигает на передний план культуру, которая, по его мнению, объединяет людей, создает реальную общность. Просвещение и либерализм, в свою очередь, разделяют иллюзию, что преданность общим устоям может существовать без опоры на общую культуру, только благодаря признанию абстрактных принципов. Согласно либерально-легалистским воззрениям, мы нуждаемся не в общей культуре, а в общих законах и правилах. Дж. Грей, однако, убежден, что обеспечить гражданский мир абстрактным правовым образом невозможно. Соединенные Штаты Америки, в которых легалистские представления особенно сильны, движутся, по его мнению, к состоянию неуправляемости.

Английский философ подчеркивал связь либерализма с Просвещением, рассматривая либерализм как воплощение проекта Просвещения, а неолиберализм – как самую современную редакцию этого проекта. Либерализм перенимает у Просвещения определенную философскую антропологию и философию истории. Из антропологии он берет представления об абстрактном человеке, автономном индивиде, лишенном социокультурных определений. Культурные идентичности признаются несущественными, случайными в человеческой жизни и истории. Этого абстрактного человека наделяют затем определенными правами, и из этих индивидов строят общественную конструкцию. Разумеется, это чисто мыслительная конструкция, которая имеет весьма отдаленное отношение к реальному человеку. Абстрактный человек, свободный от культурных идентичностей, предстает в антропологии либерализма как универсальный человек, скроенный для всех условий и времен. Универсализм, как и индивидуализм, – принцип либеральной идеологии.

Дж. Грей утверждает, что на современной стадии либерализма проект Просвещения приходит к своему концу, исчерпывает себя. Обнаруживается непоследовательность его главных обязательств и убеждений. Его опровергает и факт возрождения в современных условиях этнического и религиозного партикуляризма, делающего универсализм, требуемый либерализмом.

Что же утвердится в мире после окончательной дискредитации просвещенческого проекта, то есть либерализма? Дж. Грей считает, что наступит плюрализм культур. Каждая культура представляет собой определенный комплекс ценностей, целостный образ жизни людей. Либерализм – один из таких образов жизни, который сложился в силу исторических обстоятельств в определенных странах. Дж. Грей допускает, что либерализм сохранится в странах, где он имеет историческую почву, но его преобразование в одну из традиций вряд ли пройдет просто и гладко. О претензиях либеральных обществ на то, что они есть зачатки единой цивилизации, нужно забыть [Грей 2003, 299]. Тем не менее, заимствование другими цивилизациями элементов либеральной практики там, где они отвечают сегодняшним потребностям, возможно.

Дж. Грей понимает, что императивы техники и рыночных институтов в современном мире толкают к культурному однообразию, причем такому, в котором превалирует западная культура. Однако этой тенденции, по его мнению, нужно противостоять, используя политическую волю и политические институты – национальные и, возможно, региональные – чтобы избежать культурного нивелирования. Опыт технологического и экономического развития ряда современных стран доказывает, что возможна модернизация без вестернизации.

Разнообразие культур будет проявляться, по мнению Дж. Грея, и в разнообразии форм политического, государственного устройства. Либерализм признает только одну из них – либерально-демократическую, которую он стремится распространить по всему миру. Плюрализм же исходит из того, что разным культурам могут подходить разные формы правления и политические режимы.

Как же будут складываться отношения между различными культурами в многополярном мире? Дж. Грей рассчитывает на то, что культуры смогут договариваться, создавая условия для мирного сосуществования. Он не согласен с С. Хантингтоном, который полагал, что с окончанием «холодной войны» между капиталистическим и социалистическим блоками в мире начнется борьба между цивилизациями. Грей пишет: «Главная идея плюрализма состоит в том, что различные культуры должны мирно сосуществовать на Земле, не отказываясь от своих различий» [Грей 2003, 342].

Дж. Грей считает, что в настоящее время Запад не способен отказаться от универсалистских притязаний и признать свою цивилизацию лишь одной из многих. Он не готов к сосуществованию с другими формами государственного устройства, которые не воспринимают его политическую культуру. Возможно, что западная традиция слишком закостенела (в представлении о своей исключительности) и не поддается обновлению. Тогда остается уповать на незападные народы – и на то, что западная цивилизация не слишком их исказила.

Универсализм в философии истории

Важнейшим компонентом мировоззрения либерализма можно считать определенную интерпретацию истории, которую используют для обоснования либерализма и для наделяния либеральных обществ привилегированным положением в истории. Данная философия истории исходит, прежде всего, из представления о единстве всемирно-исторического процесса. История в ней мыслится единой: она охватывает человечество в общий целенаправленный процесс, который ведет к формированию космополитической либеральной цивилизации. Далее в либеральной интерпретации история неизбежно приобретает европоцентричный характер. Либерализм – продукт европейского развития, и если его объявляют целью мировой истории, то она по умолчанию становится европоцентричной. Впро-

чем, европоцентризм свойственен и большинству нелиберальных философий истории, созданных европейскими мыслителями. В-третьих, философия истории либерализма опирается на идею общественного, исторического прогресса, которая утвердилась и стала формировать мировоззрение людей в эпоху Просвещения. Данный период воспринимал себя как эпоху внедрения разума, знания, науки – и противопоставлял себя прошлому, в котором, на взгляд просветителей, господствовало невежество. Прогресс мыслится как движение от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному, от худшего к лучшему, и именно таким образом в эпоху Просвещения рассматривали общественное историческое развитие. Просветители использовали идею прогресса для создания новой интерпретации истории, которая должна была сменить прежнее религиозное провиденциалистское ее понимание. Идея прогресса была призвана по-новому связать историю воедино, задать ей направленность и смысл. Прогресс в то же время трактовали как безусловную и высшую ценность, и теперь, чтобы оправдать какое-то явление и дать ему право на жизнь, нужно было лишь объявить его прогрессивным. Однако представление о прогрессе всегда связано с наличием критерия: нужен показатель, по которому можно будет определять превосходство одного над другим. В философии либерализма критерием прогресса выступает внедрение либерального образа жизни, возрастание свободы индивида. Таким образом пытался представить историю человечества, например, известный либеральный историк второй половины XIX в. лорд Актон [*Лорд Актон* 1992].

Полицентризм цивилизационной модели

Представлению о единстве всемирно-исторического процесса противостоит взгляд на историю, который рассматривает ее как развитие отдельных обособленных социально-исторических образований – культур или цивилизаций, каждая из которых в определенный момент зарождается и затем проходит свой путь развития. Очевидно, что такая модель осмысления истории вполне согласуется с представлением о полицентричности мира, который в рамках данной концепции распадается на ряд цивилизаций, выступающих его полюсами, центрами силы. Данную модель истории в русской философии развивали Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, евразийцы, в западной мысли XX в. – О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Бродель, С. Хантингтон и др.

Американский политолог С. Хантингтон в статье «Столкновение цивилизаций» (1993) [*Huntington* 1993] и книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996) [*Хантингтон* 2003] утверждал, что после окончания «холодной войны» на смену блоковому распаденю мира (капиталистический блок, социалистический блок, неприсоединившиеся страны) пришло цивилизационное распадение: возникает мировой порядок, основанный на цивилизациях, страны группируются вокруг ведущих или стержневых стран своих цивилизаций. Наиболее масштабные и опасные конфликты, полагал С. Хантингтон, в сложившейся ситуации будут происходить между государствами и их группами, принадлежащими к различным цивилизациям. Предсказания Ф. Фукуямы о конце истории отменяются.

К основным цивилизациям современности С. Хантингтон относил западную, синскую, индуистскую, исламскую, японскую, православную цивилизации, выделял также латино-американскую и, как возможную, африканскую цивилизации [*Хантингтон* 2003, 54–60]. Он критиковал концепцию «универсальной цивилизации», которая якобы формируется в современном мире, показывая, что на деле этого не происходит, и подчеркивая, что эта концепция – характерный продукт западной цивилизации. Он пишет: «Универса-

лизм – идеология, принятая Западом для противостояния не-западным культурам» [*Хантингтон* 2003, 90–91]; «...Западная вера в универсальность западной культуры страдает от трех недостатков: она неверна, она аморальна и она опасна» [*Хантингтон* 2003, 511]. Опасность подобной веры, согласно С. Хантингтону, заключается в том, что она может провоцировать конфликты и войны западной цивилизации с не-западными. «Безопасность мира требует признания глобальной мультикультурности» [*Хантингтон* 2003, 526]. Американский политолог продемонстрировал, что в XX в. постепенно менялся баланс сил между западной цивилизацией и незападными в пользу последних по различным параметрам (контролируемая территория, население, экономический потенциал, военная мощь, политическое влияние, культурное влияние). Он полагал, что этот процесс продолжится и в XXI в. С. Хантингтон также резко критикует проповедуемый в США мультикультурализм, который отвергает отождествление США с западной цивилизацией и вообще отвергает цивилизационную идентичность, делая упор на субнациональные культурные особенности и группировки, определяемые в терминах расы, этнической принадлежности, пола, сексуальной ориентации и пр. Он говорит, что мультикультуралисты желают создать страну, лишенную культурного ядра, и выражает убеждение, что ни одна страна, составленная по такому принципу, не просуществует достаточно долго [*Хантингтон* 2003, 504]. Поскольку мультикультуралисты защищают групповые интересы и ценности, постольку они вступают в конфликт с классическим либерализмом, который ставит на первое место индивидуальные свободы и права. С. Хантингтон говорил, что они бросают вызов стержневому элементу американского идеала. Американский ученый указывал на то, что мультикультурализм имеет разное значение внутри страны (на родине) и за ее пределами, во внешнем мире. На родине мультикультурализм не допустим – должна быть общность культуры, иначе страна распадется. В мировом масштабе он необходим, так как нет единого мира, в нем существуют различные культуры. Между тем, мультикультуралисты отстаивают многообразие культур внутри страны, а глобалисты (глобальные монокультуралисты) стремятся универсализировать весь мир.

Попытки универсализировать мир – это империализм, желание построить мировую империю, к чему может стремиться определенная цивилизация, которая хочет универсализировать мир «под себя». Как отмечал американский исследователь, империализм – логическое следствие универсализма.

Цивилизации С. Хантингтон понимал как культурные общности – предельно широкие культурные целостности, определяемые языком, религией, системой ценностей, обычаями и общественными институтами. Он фактически отождествлял цивилизацию с культурой: «И цивилизация, и культура относятся к образу жизни народа, и цивилизация – это явно выраженная культура» [*Хантингтон* 2003, 48]. Одновременно важнейшее значение в определении цивилизации он, вслед за Тойнби, придавал религии. Американский ученый утверждал, что в современном мире на передний план выходит культурная идентичность, а не идеологическая и политическая, как это было в эпоху противостояния капитализма и социализма. Народы и страны теперь и объединяются, и конфликтуют по культурному признаку. Представляется, что С. Хантингтон, ставя акцент на культуре и структурируя мир под цивилизационную парадигму, был склонен игнорировать самостоятельное значение экономических и политических связей и зависимостей. Так, он пытался доказать, что только культурная общность выступает основой экономического сотрудничества, и без нее не выстраиваются экономические связи. Обращаясь к регионализации в современном мире, он настаивал на том, что региональные союзы, в которые входят страны из различных цивилизаций, неэффективны и неустойчивы, что «регионы служат основой для сотрудничества только тогда, когда география совпадает с культурой» [*Хантингтон*

2003, 195]. Автор присоединяется к тем, кто считает, что цивилизация – это не только культурная, но также и территориальная, и политическая общность. Она связана с определенной территорией. Цивилизация – это некоторая (предельно широкая) общность людей, и формироваться эта общность может не только на основе культуры, но и на других видах идентичности – территориальной, этнической, экономической, социальной, политической, идеологической.

Цивилизационный взгляд евразийцев

Территориальный аспект цивилизационной общности подчеркивали евразийцы – российские мыслители-эмигранты 20–30 гг. XX в. (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Г.В. Вернадский, Н.Н. Алексеев и др.). Они выдвинули идею Евразии как особой географической и культурной целостности, которая входит в состав Старого Света. Согласно П.Н. Савицкому, Евразия включает четыре природные зоны: тундры, леса, степи и пустыни, тянущиеся в горизонтальном направлении, и простирается она от черноморско-балтийского междуморья на западе до Дальнего Востока, на юге эта территория обрамляется горными хребтами [Савицкий 2002а]. С ней связана Россия как особая цивилизация. Территорию издревле населяли разные народы, которые взаимодействовали между собой тем или иным способом, и затем оказались в составе Российского государства. Евразийцы развивали мысль об особом пути развития России-Евразии, отличном как от Запада (Европы), так и от Азии (Китай, Индия, страны ислама).

География Евразии, по мысли П.Н. Савицкого, подталкивает ее обитателей к созданию единого политического, экономического и культурного объединения, и в последние столетия это объединение проводила Россия. Евразийцы были убеждены, что Евразия должна быть едина политически, что она нуждается в мощном централизованном государстве, которое будет удерживать эту большую территорию, заниматься охраной границ, развитием коммуникаций и экономики. Государство в евразийской концепции представляло не просто собранием индивидов или политическим механизмом, а исторической, культурной, экономической и, разумеется, политической целостностью (в терминологии евразийцев – «симфонической личностью»).

Важнейшим тезисом евразийской концепции организации России была идея автаркии (от греч. *αυτάρκεια* – самоудовлетворение). Россия, по мнению основоположников этого течения, не может себе позволить быть зависимой от мирового рынка. Она должна иметь независимое мощное хозяйство и собственный обширный внутренний рынок. Данная модель обеспечит ей экономическую и политическую самостоятельность и гарантированную возможность экономического роста, в противном же случае Россия рискует стать периферийной зоной соседних держав. Автаркия, как подчеркивали евразийцы, вполне может быть установлена на территории Евразии в силу того, что эта территория обеспечена всеми необходимыми для развития природными ресурсами, разнообразием почв и климата [см. Савицкий 2002б].

Евразийцы говорили также о значении идеологии в объединении этого пространства, создании на нем цивилизационной общности. Они считали, что евразийское государство должно быть идеократическим, то есть должно подчиняться определенной идеологии и объединяться вокруг нее. Рассматривая вопрос о том, каким требованиям должна отвечать эта идеология, Н.С. Трубецкой говорил, что она не может выражать интересы расы, определенного народа, социального класса или человечества в целом, но должна преследовать «благо совокупности народов, населяющих данный автаркический особый мир» [Трубецкой 2007, 619–620]. Он имел в виду объединение народов Евразии в одну надэтническую

культурную общность («многонародную нацию»), обладающую общеевразийским сознанием. Н.С. Трубечкой отмечал, что ощущение принадлежности к этому целому вполне совместимо с ощущением принадлежности к своему народу, который осознает себя в качестве члена этого многонародного целого. Важнейшую роль в объединении народов Евразии должны были сыграть, конечно, евразийское государство и евразийская идеология. Обосновывая общность Евразии, представители данного течения подчеркивали элементы этнографической и психотипической близости, смешивания русских с угро-финнами и тюрками, а также их отличие от западных и южных славян.

А.Г. Дугин, разрабатывая концепцию многополярного мира [Дугин 2013], говорит, что в новом складывающемся мире национальное государство перестает быть субъектом, поэтому нуждается в пересмотре система международных отношений, сложившаяся в свое время на основе Вестфальского мирного договора, который признал суверенитет национальных государств. А.Г. Дугин имеет в виду, что подлинными субъектами международных отношений, подлинными суверенами в многополярном мире выступают цивилизации. На данном основании он делает вывод, что ослабление национальных государств может иметь положительную сторону. Думается, однако, что приветствовать ослабление роли государства не следует, как и не стоит хоронить Вестфальскую систему, потому что она предполагает невмешательство во внутренние дела государства со стороны других государств, а Россия выступает на международной арене как государство, и действия в рамках данной системы производятся по-прежнему от лица государств преимущественно. Важно и то, что систему национальных государств стремятся разрушить глобалисты. Так, Ф. Фукуяма в свое время провозгласил, что Вестфальская система больше не актуальна, однако при этом он держал в уме отнюдь не полицивилизационный, а однополярный мир, контролируемый западными политиками и корпорациями без помех со стороны национальных государств. В первую очередь упразднению всех крупных общностей людей и движению в сторону создания из человечества аморфной массы атомарных индивидов без всякой идентичности мешают государства – особенно стержневые государства незападных цивилизаций.

Место России в полицентричной картине мира

Что представляет собой Россия – государство (разумеется, многоэтническое) или цивилизацию? И то, и другое. Она выступает цивилизацией, совпадающей с государством, или цивилизационным государством. Будучи центром силы, Россия притягивает в свое цивилизационное поле прилегающие государства – прежде всего располагающиеся на постсоветском пространстве – и становится стержневым государством евразийской цивилизации. В то же время Российская Федерация и в одиночестве – без прилегающих государств – является цивилизацией. Возможны цивилизации, состоящие из одного государства. Ж.-М. Баррозу на конференции «Россия – ЕС» в 2013 г. произнес: «Россия – это континент, который притворяется страной. Россия – это цивилизация, замаскированная под нацию» [см. Сушенцов 2016]. В.Н. Шевченко пишет: «...Россия есть огромное и весьма сложное государство-цивилизация, которая состоит из целого ряда уникальных миров как этнических, религиозных, так и региональных (Сибирь, Дальний Восток, Кавказ)» [Спиридонова, Соколова и Шевченко 2016, 112]. Он также отмечает, что государство, которое осознает себя в качестве цивилизации, наделяет себя новыми свойствами – «новыми созидательными функциями, ценностными ориентирами и духовными смыслами» [Спиридонова, Соколова и Шевченко 2016, 6]. Оно обретает миссию в виде сохранения и развития своей цивилизации.

Российский конфликт с западными странами имеет цивилизационную подоплеку. Россия представляет собой иную, не западную цивилизацию, что Запад знал всегда. Мы же до последнего времени в этом сомневались. Западная цивилизация агрессивна, она привыкла господствовать в мире, и отношения со своим соседом Россией «на равных» западные страны принимают только под давлением необходимости. Когда Россия стала социалистической страной и возглавила социалистический лагерь, на первый план в ее противостоянии с Западом вышло различие в общественном строе. Затем, когда общественный строй стал однотипным, вернулась прежняя, цивилизационная причина.

Роль идеологии в построении цивилизации. Цивилизационная российская идеология

Как уже говорилось ранее, цивилизация представляет собой территориальную, историческую, политическую, экономическую, культурную и идеологическую общность. Все перечисленные аспекты присутствуют у нынешней российской цивилизации, кроме последнего. Между тем идеологический аспект очень важен, так как он обеспечивает единство, сплочение цивилизационной общности и ее самоидентификацию. Верно отмечает А.Г. Дугин, что цивилизация в определенном смысле есть конструкт [Дугин 2013, 120]: «Цивилизация суть то, что требуется создать. Однако этот процесс создания цивилизаций не предполагает целиком искусственной модели, полностью отсутствующей в реальности. Культурная, социологическая, историческая, ментальная, психологическая база для цивилизаций есть, и она эмпирически фиксируется» [Дугин 2013, 121]. Он также указывает на роль интеллектуальной и политической элиты в создании цивилизационной идентичности. То, что российская цивилизация может, по минимуму, совпадать с российским государством – это ее несомненный плюс, который сильно облегчает формирование. Нужно только сблизить и консолидировать народы, населяющие это государство. И китайская, и индийская цивилизации носят схожий характер – они могут в принципе совпадать с основным государством. В свою очередь, исламская цивилизация не обладает данным свойством, и это ее минус, который делает проблематичным саму возможность такой цивилизации, поскольку исламский мир растянут на очень большом протяжении и включает в себя очень разные страны. В ней не существует политического центра, как нет и общепризнанных стержневых государств, к тому же имеют место профессиональный распад и борьба. Евросоюз постепенно движется к оформлению в виде государства. Брюссель набирает и закрепляет за собой государственные функции, что, конечно, встречает сопротивление со стороны отдельных государств-членов Евросоюза. К чему приведут названные процессы – к действительному возникновению общеевропейского государства, к распаду Евросоюза или к какой-то его трансформации – сейчас предсказать трудно.

Какой же может быть цивилизационная российская идеология? Прежде всего нужно отметить, какой она не должна быть. Она не должна совпадать с господствующей идеологией западной цивилизации, потому что сегодня она откровенно враждебна по отношению к России, как, впрочем, и ранее, а ее идеология имеет наступательный, завоевательный характер, претендует на универсализм и используется для того, чтобы подчинять себе другие страны и народы, весь мир. Свои завоевательные качества она очень выпукло продемонстрировала при продвижении по миру – разумеется, опираясь на мощь западной цивилизации. Сам факт принятия этой идеологии означал бы не что иное, как подчинение западному миру. В то же время нужно сказать, что идеология либерализма сама облегчила нам, как и другим цивилизациям, ее отторжение, потому что в своем развитии она приоб-

рела сегодня крайние формы, которые делают ее совершенно неприемлемой для незападного человека – как и для многих людей западного мира тоже.

Указанное первое условие можно считать отрицательным для содержания идеологии российской цивилизации. Положительная же сторона данной идеологии заключается прежде всего в том, что она обосновывает целостность и особость того мира, который получил наименование Россия, а также принадлежность и жизненную причастность к этому миру всех народов, населяющих Россию и создавших его. Данный мир должен быть представлен в качестве суверенной цивилизации Земного шара – цивилизации, способной к расширению. Что же касается конкретных ценностей, которые должны наполнять эту идеологию, важнейшее условие заключается в том, чтобы они были приемлемы для всех народов, образующих эту цивилизацию, ни у кого не вызывали отторжения. Казалось бы, это условие трудно выполнить, потому что народов много, при этом одни из них сформировались в лоне православия, другие – ислама, третьи – буддизма, а у четвертых до сих пор существуют ранние племенные верования. На самом деле, нетрудно найти ценности, которые разделяют самые разные, все народы России – и которые присутствуют во всех верованиях. Данные ценности связаны с почитанием предков, семьей, любовью к родине, сотрудничеством и взаимопомощью, добротой, храбростью, верностью, защитой слабых. На них можно строить идеологию, рассчитывая на то, что она будет близка всем народам, населяющим нашу страну, и будет эффективно выполнять интегрирующую социальную функцию. Данные ценности традиционны, они оправданы прошлым, подавляющим массивом человеческого опыта. Идеологию, которая вбирает их в себя, условно можно назвать традиционалистской. Она не вернет нас в традиционное общество и вполне применима к современным условиям жизни. В то же время она прямо противостоит идеологии, которую пытаются сейчас утвердить в западном мире – идеологии, которая основана на ультраиндивидуализме, ЛГБТ, радикальном феминизме, уничтожении традиционной семьи, шельмовании деторождения, провозглашении приоритета меньшинств над большинствами, расчеловечивании человека и превращении его в некое другое существо (так называемый трансгуманизм).

Важно и то, что построенная подобным образом российская идеология будет способствовать сближению России с другими незападными цивилизациями, которые тоже испытывают давление со стороны западной идеологии и стремятся ему противодействовать, опираясь на свои коренные ценности. В концерте антизападных сил Россия может играть и ведущую, лидирующую роль. Она может также стать прибежищем для тех людей из западных стран, которые не смогут принять новейшие изыски западной идеологии.

Выводы

Универсализм и полицентризм – прямо противоположные картины социально-исторического мира. Либерализм берет на вооружение универсализм. В антропологии универсализм предполагает универсальную неизменную природу человека, в аксиологии – монизм ценностей, в философии истории – единую общечеловеческую историю. Полицентризм в антропологии исходит из представления о социально-культурной и исторической обусловленности человека, в аксиологии предполагает плюрализм ценностей, в философии истории – цивилизационную модель мышления истории. Универсализм принимает представление об «универсальной цивилизации» (либеральной), полицентризм признает множественность цивилизаций, каждая из которых своеобразна и представляет собой независимый мировой центр.

В полицентричной картине мира Россия представляет собой отдельную цивилизацию, выступая одновременно государством и цивилизацией. Распространяя свое влияние на прилегающие страны, Россия формирует евразийскую цивилизацию.

Важный фактор формирования любой цивилизации – идеология. Российская цивилизация не может принять идеологию либерализма – ее цивилизационная идеология должна опираться на традиционные ценности населяющих Россию народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берлин И. (2001) Мой интеллектуальный путь // Логос. № 4. С. 48–64.
- Берлин И. (2002) Апофеоз романтической воли (Восстание против мифа об идеальном мире) // В: Берлин И. Подлинная цель познания. Избранные эссе. М.: Канон+. С. 666–702.
- Грей Дж. (2003) Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М.: Праксис. 368 с.
- Дугин А.Г. (2013) Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение. 532 с.
- Лорд Актон (1992) Очерки становления свободы. London: Overseas Publication Interchange Ltd. 207 с.
- Савицкий П.Н. (2002a) Географические и геополитические основы евразийства // В: Основы евразийства. М.: Арктогея центр. С. 297–305.
- Савицкий П.Н. (2002b) Континент-Океан (Россия и мировой рынок) // В: Основы евразийства. М.: Арктогея центр. С. 305–324.
- Смирнов А.В. (2019) Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Садра», Издательский Дом ЯСК. 216 с.
- Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н. (2016) Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М.: ИФ РАН. 122 с.
- Трубецкой Н.С. (2007) Об идее-правительнице идеократического государства // В: Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Эксмо. С. 615–622.
- Хантингтон С. (2003) Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ. 603 с.
- Цивилизация, притворяющаяся страной: ведущие западные аналитики о России (2016) Ред.: Сушенцов А.А. М.: Эксмо. 384 с.
- Huntington S. (1993) The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. No. 72. Pp. 22–49.

REFERENCES

- Berlin I. (2001) *Moi intellektual'nyi put'* [My Intellectual Path]. *Logos*. no. 4, pp. 48–64.
- Berlin I. (2002) *Apofeoz romanticheskoi voli (Vosstanie protiv mifa ob ideal'nom mire)* [Apotheosis of Romantic Will (Rebellion Against the Myth of an Ideal World)]. In: Berlin I. *Podlinnaia tsel' poznaniia. Izbrannye esse*. Moscow: Kanon+. Pp. 666–702.
- Gray J. (2003) *Pominki po Prosveshcheniiu: Politika i kul'tura na zakate sovremennosti* [Enlightenment's Wake: Politics and Culture at the Close of the Modern Age]. Moscow: Praksis. 368 p.
- Dugin A.G. (2013) *Teoriia mnogopoliarnogo mira* [Theory of a Multipolar World]. Moscow: Evraziiskoe dvizhenie. 532 p.
- Huntington S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsyi* [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST. 603 p.
- Huntington S. (1993) *The Clash of Civilizations?* *Foreign Affairs*. no. 72, pp. 22–49.
- Lord Acton (1992) *Ocherki stanovleniia svobody* [Essays on the Formation of Freedom]. London: Overseas Publication Interchange Ltd. 207 p.

Savitsky P.N. (2002a) Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy evraziistva [Geographic and Geopolitical Foundations of Eurasianism]. In: *Osnovy evraziistva*. Moscow: Arktogeia tsentr. Pp. 297–305.

Savitsky P.N. (2002b) Kontinent-Okean (Rossiia i mirovoi rynek) [Continent-Ocean (Russia and the World Market)]. In: *Osnovy evraziistva*. Moscow: Arktogeia tsentr. Pp. 305–324.

Smirnov A.V. (2019) *Vsechelovecheskoe vs. obshchechelovecheskoe* [All-Human vs. Universal]. Moscow: ООО «Sadra», Izdatel'skiy Dom YaSK. 216 p.

Spiridonova V.I., Sokolova R.I., Shevchenko V.N. (2016) *Rossiia kak gosudarstvo-tsvilizatsiia: filosofsko-politicheskii analiz* [Russia as a State-Civilization: Philosophical and Political Analysis]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 122 p.

Tsvilizatsiya, pritvoriaiushchaisia stranoi: vedushie zapadnye analitiki o Rossii [Civilization Pretending to be a Country: Leading Western Analysts on Russia] (2016) Ed(s): Sushentsov A.A. Moscow: Eksmo. 384 p.

Trubetskoy N.S. (2007) Ob idee-pravitel'nitse ideokraticeskogo gosudarstva [On the Idea-Ruler of an Ideocratic State]. In: Trubetskoy N.S. *Nasledie Chingiskhana*. Moscow: Eksmo. Pp. 615–622.

Информация об авторе

Алферов Анатолий Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Института философии и социально-политических наук Южного Федерального университета. Адрес: 344065, Ростов-на-Дону, пер. Днепровский, 116. E-mail: antal@list.ru

About the author

Anatoly A. Alferov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University. Address: 116, av. Dneprovsky, Rostov-on-Don, 344065, Russian Federation. E-mail: antal@list.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 1.08.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 3.10.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 10.10.2022

DOI: 10.31857/S086904992205001X
EDN: EYU7PC

Оригинальная статья / Original Article

«Колея» и гражданское общество¹

© И.Е. ДИСКИН

Дискин Иосиф Евгеньевич, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), idiskin9@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5002-7867

Сегодня назрела необходимость концептуализации, обновления среднесрочной стратегии развития общества. В ее рамках необходимо учитывать реально сложившиеся ограничения. Здесь значимо обращение к концепции «эффекта колеи», получившей в нашей стране широкое распространение. В статье охарактеризованы факторы влияния «эффекта колеи» и выделены ключевые акторы, которые воздействуют на ход институциональных преобразований. Один из таких факторов – культурно-когнитивные априоры – это аналоги «эпистем» М. Фуко, которые блокируют анализ альтернатив выхода из «колеи». Чтобы преодолеть их, необходимо учитывать национальную специфику – нравственно-этическое измерение институционального развития. Результаты макросоциальных перемен существенно смягчили ограничения «эффекта колеи». Сегодня созданы предпосылки усиления влияния гражданского общества. В статье охарактеризованы функции гражданского общества и предложены приоритеты его развития, способные поддержать конструктивные институциональные преобразования.

Ключевые слова: «эффект колеи», нравственно-этическое измерение, социальные сдвиги, гражданское общество

Цитирование: Дискин И.Е. (2022) «Колея» и гражданское общество // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 113–127. DOI: 10.31857/S086904992205001X, EDN: EYU7PC

¹ Статья подготовлена в рамках фундаментального научного исследования НИУ ВШЭ «Роль институтов самоорганизации в посткризисном развитии экономики и социальной сферы».

The article was prepared as part of a fundamental research study by the National Research University Higher School of Economics “The Role of Self-Organization Institutions in the Post-Crisis Development of the Economy and the Social Sphere”.

Path Dependence and Civil Society

© I. DISKIN

Iosif E. Diskin, Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), idiskin9@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5002-7867

Abstract. Today there is a need for conceptualizing, renewing the mid-term strategy covering the main areas of Russia's development. Within its framework, it is necessary to take into account the real limitations that have emerged to consider the theoretical concept of the "path dependence effect", which has received acceptance in Russia. The article describes the factors of negative impact of the "path dependence effect", highlights the key actors that influence the course of institutional transformations. One of these factors is the cultural and cognitive a priori – an analogue of the "episteme" of M. Foucault – which is blocking the analysis of alternatives to getting out of the "path". One of these alternatives is to take into account the specific moral and ethical dimension of institutional development for Russia's society. Ongoing macro-social processes have significantly softened the limitations of the "path dependence effect". Macrosocial changes are strengthening the influence of civil society. The priorities of civil society development are proposed.

Keywords: «path dependence effect», moral and ethical dimension, social changes, civil society

Citation: Diskin I. (2022) Path Dependence and Civil Society. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5. pp. 113–127. DOI: 10.31857/S086904992205001X, EDN: EYYTPC

Сегодня в нашем государстве и обществе происходят значимые – более того – структурные сдвиги, которые затрагивают как экономическую и социальную сферу, так и их нравственно-этический фундамент.

В условиях жесткого санкционного давления действия высшей и исполнительной властей носят преимущественно реактивный характер. Нужно оперативно найти адекватные средства парирования угроз, налаживания функционирования экономики в новых условиях.

Тем не менее, уже в ближайшей перспективе потребуется определенная концептуализация – основа для корректировки стратегических ориентиров. Необходим набор принципов интеграции экономического и социального развития, преодоления неизбежных противоречий. Разработка таких принципов и стратегических ориентиров требует понимания и учета «коридоров возможного» [Дискин 2021].

В рамках концептуализации важно не стать заложником стереотипов, которые закрывают реальные возможности для конструктивного продвижения. В то же время важно использовать теоретические конструкции, которые учитывают исторически сложившиеся институциональные ограничения. Обращение к одной из таких концепций – «эффекту колеи» – позволяет одновременно оценить реальные, сохраняющие свою силу ограничения, и выявить те, которые уже можно преодолеть.

Статус этой концепции подтвержден присуждением Д. Нортю Нобелевской премии по экономике [North 1990]. На том, что необходимо учитывать влияние «эффекта колеи», настаивали ведущие российские институционалисты А. Аузан, Р. Нуреев и Е. Ясин [Аузан 2017; Нуреев, Латов 2009; Ясин 2012].

К концепту «эффекта колеи» активно обращаются не только институционалисты и историки экономической теории. Ее активно используют в прикладных исследованиях,

см., например [Бабурин 2020; Гордеев, Зырянов, Ситковский 2019; Данышин 2020; Караваев 2020; Кузнецова, Зверев 2019; Розанова 2020; Чучкалов, Алексеев 2020].

В рассмотрении автора под «эффектом колеи» можно принять понимание, которое предложили Л. Добуш и Я. Капеллер в своем развернутом теоретико-методологическом анализе: «На этом уровне абстракции “зависимость от пути” является теоретическим зонтичным термином, который охватывает различные эмпирически выявленные процессы, связанные с социальными стандартами в форме технологий или институтов» [Dobusch, Kapeller 2013].

В оценках влияния сложившейся «колеи» на экономическое, социальное и политическое развитие в отечественной литературе преобладают негативные суждения: наша исторически сложившаяся «колея» не позволяет решать актуальные задачи отечественного развития.

Так, например, А. Аузан характеризует отечественную ситуацию: «В России не сформировалась нация со своими надконституционными ценностями. 500 лет мы жили в империи, и сейчас мало кто может перечислить, причем так, чтобы с ним не заспорили, три-четыре национальные особенности, которые конституируют русских как нацию» [Аузан 2017]. На вопросе о наличии и характере нашей национальной специфики автор еще остановится позже. Здесь важна сама констатация проблемы, которая затрагивает основы концептуализации.

К числу обсуждаемых характеристик «колеи», которые, как представляется, позволяют проникнуть в ее сущность, можно добавить «институциональный монизм» – фокусировка преобразований лишь на изменении легальных норм. В течение почти двухсот лет «прогрессивное» российское общество ориентируется исключительно на перемены «внешних» сторон общественной и государственной жизни, легальных основ государственности. П.Б. Струве в «Вехах» писал: «К политике в умах русской интеллигенции установилось в конце концов извращенное и в корне противоречивое отношение. Сводя политику к внешнему устройству жизни – чем она с технической точки зрения на самом деле и является, – интеллигенция в то же время видела в политике альфу и омегу всего бытия своего и народного (я беру тут политику именно в широком смысле внешнего общественного устройства жизни). Таким образом, ограниченное средство превращалось во всеобъемлющую цель, – явное, хотя и постоянно в человеческом обиходе встречающееся извращение соотношения между средством и целью»². Далее он указывает: «Предъявляя самые радикальные требования, во имя их призывая народ к действиям, наша радикальная интеллигенция совершенно отрицала воспитание в политике и ставила на его место возбуждение»³.

При рассмотрении природы «колеи» важно понять причины «институционального монизма», стремления к политическому переустройству России и уклонению от задач упрочения нравственно-этического фундамента ее государственного и общественного устройства. Обращение к задаче нравственного воспитания общества, которое стоит в центре концепции «веховцев», неизбежно влекло за собой вопрос о роли религии в этом процессе и, соответственно, о конструктивном взаимодействии с Церковью. Однако для атеистически настроенной «прогрессивной» части российского общества это означало пересечь «красную черту». В результате отрицания призыва «Вех» раз-

² Струве П. Интеллигенция и революция. Вехи. С. 148. Lib.Ru. (http://az.lib.ru/s/struwe_p_b/text_1918_intelligentziya_i_revolutzia.shtml).

³ Там же.

личными политическими течениями упрочился вклад «институционального монизма» в ограничения «колеи».

Исходя из такого понимания, можно высказать гипотезу, что важное условие действия «эффекта колеи» – формирование культурно-когнитивных априори: прочных стереотипов, блокирующих альтернативные подходы в проведении преобразований, которые можно назвать аналогом «эпистем» М. Фуко [Фуко 1994].

Такая объяснительная схема формирования стереотипов, задающих отношение различных слоев и групп – прежде всего, элит и субэлитных групп – к социальным изменениям и проектам преобразований позволяет выстроить подходы к социологическому анализу соответствующих стереотипов, оценке и структуре их влияния. В рамках такой исследовательской программы, ориентированной на подходы «понимающей социологии», можно выявить те сложившиеся когнитивные стереотипы, которые обуславливают отношение соответствующих акторов к институциональным формальным и неформальным нормам.

Такой подход также открывает возможности для преодоления «эффекта колеи» через разрушение подобных стереотипов, в связи с чем важно выявить соответствующую регуляторную роль акторов, способных оказать воздействие на позиции элитных и субэлитных групп, а также на массовые неформальные институциональные практики.

Даже обсуждение обоснованности таких априори открывает возможности выхода из «колеи». В рамках подобных дискуссий предлагается даже придумать «новую колею»: «России надо отыскать свой путь к этой модели развития.... Нам надо найти свою – новую! – колею» [Нуреев, Латов 2009, 294].

Однако новую «колею» вряд ли можно изобрести. Если эффект пройденного пути ограничивает возможности институционального выбора, то необходимо показать, насколько исчезли – или хотя бы смягчились – прежние ограничения. Важнее не придумать «колею», но продемонстрировать, что для утверждения новых (включая и «придуманные») институциональных норм в конкретных условиях складываются необходимые предпосылки.

Такая постановка существенно ограничивает предметные подходы к анализу проблемы. Для оценки социальных предпосылок институциональных преобразований необходимо учитывать многие внеэкономические факторы.

Социологические подходы к анализу «эффекта колеи»

Рассуждения такого рода привели ведущих институционалистов к расширению круга рассматриваемых проблем: в частности, в анализ влияния «эффекта колеи» включили социокультурные факторы [Норт 2011; Аузан, Келимбетов 2012]. Одновременно фокусом анализа стало соответствие формальных институциональных норм сложившимся неформальным нормам. В экономической теории данную проблему впервые поднял Э. де Сото [Сото 2011]. В России эти вопросы анализировала Т.И. Заславская: «Эффективность общественных институтов во многом зависит, во-первых, от степени соответствия формально-правовых норм неформальным социокультурным нормам, во-вторых, насколько реальные практики соответствуют формальным и неформальным нормам» [Заславская 2004].

Соответственно, влияние «колеи» на характер институциональных преобразований в существенной мере связано с тем, насколько неформальные нормы и практики противостоят вводимым нормам, которые основаны на стереотипах «колеи».

Данные противоречия ясно проявились в ходе «пенсионной реформы», которую негативно восприняли не только из-за того, что были задеты социально-экономические инте-

рессы, но и в связи с поправлением массовых представлений о справедливости. По данным ВЦИОМ, «послевкусие» пенсионной реформы все еще влияет на ситуацию в стране⁴.

Анализ судьбы многих модернизационных проектов показывает, что попытки силового продвижения новых установлений, которые затрагивают – и, более того, оскорбляют – высоко значимые ценности активных групп, ведет к краху этих проектов. Собственно, ставший привычным термин «термидор» и обозначает реванш – приведение институциональной основы в соответствие с базовыми ценностями и представлениями наиболее влиятельных групп.

В рамках обсуждения «эффекта колеи» сегодня фокус направлен на взаимодействие государства и гражданского общества. Популярными институционалистами Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон выдвинули тезис: «... для возникновения и расцвета свободы сильными должны быть и государство, и общество» [Аджемоглу, Робинсон 2021].

Следует обратить внимание на то, что влияние неформальных норм на функционирование формальных институтов рассматривается «в целом», без учета специфики позиций акторов, действия которых обуславливают характер функционирования институтов.

На необходимость такого учета указывала Э. Остром в своем определении институтов: «Совокупность действующих правил, на основе которых устанавливается, кто имеет право принимать решения в соответствующих областях, какие действия разрешены или ограничены, какие общие правила будут использоваться, каким процедурам необходимо следовать, какая информация должна представляться, а какая нет и какой выигрыш получают индивиды в зависимости от своих действий» [Остром 2013]. Учет специфики акторов позволяет лучше понять как регуляторный характер «колеи», так и возможности ее корректировки, создаваемые общественными изменениями.

Важно отграничить социологический подход, ориентированный на оценку регуляторного влияния на институциональные изменения, от спекулятивных представлений. Вряд ли возможно непосредственно использовать апелляции к максимам больших философов без эмпирического анализа того, в какой мере ключевые социальные группы принимают их в качестве ориентиров [Корнейчук 2016].

В рамках данной логики важно обратиться к эмпирически верифицируемой концепции, которая позволяет анализировать роль и влияние ключевых групп, определяющих характер институциональных изменений. Так, Дж. Хигли предложил разделять «элиты» по их способности принимать или, напротив, блокировать стратегические решения [Higley 1979]. «Элиты можно определить, как личности и небольшие группы людей, которые, благодаря преимуществу своего стратегического положения, занимаемого ими в крупных организациях или организациях, могущих считаться ведущими на основании каких-либо иных признаков, способны оказывать постоянное и значительное влияние на политические результаты» [Хигли 2010].

Такой подход позволяет эмпирически выделять тех акторов, которые функционально участвуют в формировании институциональных установлений, соответствующих норм и правил.

В то же время важно учитывать и круг акторов, которые способны влиять на позиции элит. Здесь нас продвигает представление о роли субэлитных групп: «Их характеризует наличие определенного статуса, обуславливающего отнесение их к рассматриваемой социальной группе – гарантия наличия значимого уровня социализации и социальной

⁴ Заседание Научного совета ВЦИОМ на тему: «Стабильные перемены или меняющаяся стабильность: какой общественный запрос стоит за выборами-2021?». ВЦИОМ. (<https://profi.wciom.ru/stabilnye-peremeny-ili-menyayushchayasya-stabilnost/>).

интеграции, а также способности к рефлексии своих социально-экономических интересов» [Дискин 2021]. Субэлитные группы выступают референтным окружением элит и участвуют в формировании их представлений, что предполагает расширение предмета анализа – в него, как уже отмечалось, включаются позиции элитных и субэлитных групп.

Соответственно, чтобы преодолеть устойчивые стереотипы элит и субэлитных групп, необходимо выявить тех социальных акторов, которые, с одной стороны, способны повлиять на позиции элит и субэлитных групп, с другой, – влиять на массовые неформальные институциональные практики.

Социальный фундамент: прочные устои и идущие перемены

Для оценки реального влияния «эффекта колени» и выработки реалистичных путей преодоления этого эффекта надо характеризовать наличные макросоциальные регуляторные механизмы, а также соотнести их базовые, неизменные компоненты и влияние идущих перемен. Соответственно, необходимо охарактеризовать специфику отечественного макросоциального регулирования.

Представляется, что важной спецификой нашего социума можно считать сохраняющееся даже при больших трансформационных изменениях существенное регуляторное влияние партикулярных ценностей [Дискин 2016]. В рисунке 1 приведены результаты социологического исследования [Дискин 2019, 121].

Рисунок 1. В сложной ситуации, когда у Вас возникают сомнения, как поступить, чем Вы, прежде всего, руководствуетесь? (в % от численности опрошенных)

Figure 1. In a difficult situation, when you have doubts about what you're going to do, what are you primarily guided by? (% of the number of respondents)

В основу анализа положен вопрос о том, как индивиды разрешают сомнения в трудной ситуации, когда не срабатывают сложившиеся стереотипы. Приведенные данные показывают, что в основе принимаемых в трудной ситуации решений лежат, прежде всего, внутренние убеждения и принципы. Из рисунка видно, что на формирование принципов и убеждений более всего – наряду с нормами закона – влияют партикулярные по своему происхождению ценности и представления.

К приведенным выводам можно добавить аргумент, что в условиях общепризнанного социального кризиса 1990-х гг. многие институты вполне устойчиво функционировали, опираясь на сформированные цепочки межличностного (партикулярного) доверия между

«своими» (товарищами по совместной службе в партийных, комсомольских органах, силовых структурах, совместной учебе и т. д.) [Дискин 2016]. Более того, данный тезис подкрепляется близкой концепцией о регулятивной роли институциональных конвенций [Бесси, Фавро 2010].

Формирование социокультурных конвенций и их влияние на формирование регуляторных норм и представлений автор ранее рассматривал при анализе моделей легитимации [Дискин 2022].

Специфика регуляторной роли партикулярных ценностей в нашей культуре обусловлена высоким статусом «близких». Здесь уместна оценка такого квалифицированного включенного наблюдателя, как В. Познер, который в силу обстоятельств своей жизни вполне способен различать социокультурную специфику нашего Отчества, с одной стороны, и хорошо знакомых ему культур Европы и Америки, с другой. Так, Познер отмечает: «Если в России вы знакомите человека и говорите “это мой друг”, то вы тем самым делаете заявление и человек, если он русский человек, он понимает, что это не просто ваш приятель, он не коллега, а друг! И это имеет определенное звучание, что я этому человеку доверяю, что я его люблю, что он мне близок, то есть этим словом я все это говорю», – пояснил телеведущий⁵.

Эти базовые социокультурные связи обуславливают и специфический характер формирования индивидуальных представлений, которые затем оказывают значимое регуляторное воздействие. Здесь преобладают горизонтальные взаимодействия между «близкими». Существенно меньшую роль имеют «вертикальные» влияния, которые обращаются к универсальным ценностям. В таблице 1 приведены данные общероссийского опроса⁶.

Таблица 1

Какие черты для Вас наиболее важны в человеке, мнение которого для Вас особенно значимо и способно существенным образом повлиять на Ваши оценки относительно социально-политической ситуации в нашей стране? (один или несколько ответов)

Table 1

What traits are most important to you in a person whose opinion is especially valuable to you and can significantly influence your assessments of the socio-political situation in our country? (one or more answers)

Важнее всего его квалификация и информированность	46,2*
Важнее всего его патриотизм, забота о нашей Родине, о наших людях	36,8
Прежде всего, он должен обладать высокими нравственными качествами, проявлять принципиальность, отстаивать собственные убеждения	62,3
Он должен обладать большой популярностью, поддержкой людей	15,8
Другое (что именно)	9,8
Затрудняюсь ответить	1,1
Отказ от ответа	0,5

* здесь и далее указан % от численности опрошенных.

⁵ Познер сравнил дружбу в России и США. РИА Новости. 20.08.2020. (<https://ria.ru/20200820/1576015011.html>).

⁶ Общероссийский опрос был проведен в рамках проекта «ЛЕГИТИМНОСТЬ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ, СПЕЦИФИКА, ПУТИ УПРОЧЕНИЯ», осуществленного при финансовой поддержке РФФИ, проект: 21-011-31887 опп.

Результаты опроса показывают, что наиболее важной характеристикой человека, способного оказать влияние, россияне считают его нравственные качества.

Приведенные выше результаты социологического исследования, как и достаточно значимая регуляторная роль норм закона, явно противоречат неоднократно высказанным позициям о влиянии «колеи». Данный скепсис – значительная составная часть стереотипов, лежащих в основе обсуждаемой «колеи». Соответственно, важной проблемой можно считать наличие или, напротив, отсутствие изменений в обществе по отношению к действующим формальным – прежде всего легитимным – нормам. Характер или, напротив, отсутствие таких изменений обуславливает выбор путей преодоления «колеи».

Для ответа на этот практически ключевой для нашего анализа вопрос о регулятивной роли легальных норм в рамках проекта по исследованию проблем легитимации были проведены фокус-группы с участием как студентов, так и представителей муниципальных и региональных общественных палат. Был рассмотрен кейс: «Менеджер Василий Васильевич часто возвращается поздно с работы и все парковочные места у дома заняты. Делать нечего, и Василий Васильевич занимает место, предназначенное для аварийного транспорта (отмечено диагональной разметкой и знаком эвакуатора). Старшая по подъезду Зоя Ивановна несколько раз делала замечания Василию Васильевичу и, видя безрезультатность своих замечаний, вызвала эвакуатор. С чьей позицией Вы более согласны и почему?».

В прежней «нигилистической» этике, которая составляла важную опору «колеи», довольно часто нарушения формальных и легальных норм оправдывали, а обращение к властям осуждали как «стукачество».

Сегодня же результаты фокус-групп показали, что практически все их участники защищают Зою Ивановну, ссылаясь, прежде всего, на ее правоту с точки зрения безопасности и формальных правил. Подкрепляет ситуационную легитимность действий Зои Ивановны в глазах участников то, что она действовала в интересах многих людей и уже предупредила Василия Васильевича о возможных последствиях.

Таким образом, результаты фокус-групп и приведенного выше общероссийского опроса показывают, что в нашем обществе, если и не сложились, то, по крайней мере, намечились очень значимые сдвиги в отношении к формальным нормам. Соответственно, прежние ограничения, связанные с негативными отношениями к установкам государства, становятся уже не настолько жесткими, чтобы блокировать развитие конструктивных институциональных установлений. Соответственно, возможно усиление легальных оснований институциональных преобразований – при условии, что они не затрагивают базовые массовые ценности.

Важной характеристикой социальных перемен также можно считать рост социальной ответственности россиян. Импульсом для данной трансформации стала пандемия и связанные с ней кризис повседневности и проблематизация ключевых условий своей жизни. «Так, в апреле 2020 года, в разгар самоизоляции, был достигнут необычайно высокий показатель, характеризующий долю граждан, которые ощущали ответственность за происходящее в своем населенном пункте и в стране в целом. Граждане вняли призывам к самоизоляции, мерам предосторожности и, по крайней мере, декларировали, что ощущают ответственность за происходящее в своем городе (селе, поселке) и даже в стране. Достигнутые 42% всех опрошенных – это беспрецедентно высокий показатель. За все 15 волн такого не было» [Мерсиянова 2020].

Еще один индикатор социальных сдвигов – рост социальной активности, прежде всего, участия россиян в добровольчестве и волонтерстве. «Растет число людей, которые участвуют в волонтерском движении, в социальных проектах, осознают себя добровольцами

(семь лет назад активных участников было 3%, а сегодня – 15%), а также тех, кто одобряет такую деятельность, наблюдая со стороны (70–80% общества)⁷.

Как же можно реализовать сложившиеся предпосылки?

Гражданское общество: роль и возможности корректировки «колеи»

Предложенные выше подходы позволяют продвинуться к выработке путей корректировки ограничений «колеи».

Прежде всего, необходимо подорвать статус устойчивых стереотипов, которые блокируют выработку конструктивных альтернатив общественного развития. Важно утвердить в общественном дискурсе представление о необходимости институциональных преобразований не на основе идеологизированных доктрин, а в соответствии со сложившимися социальными реалиями и позициями – в первую очередь с нравственно-этическими представлениями ключевых социальных акторов.

Соответственно, реализуемые конкретные меры экономического, социального и политического развития не должны противоречить нравственно-этическим представлениям активных и потенциально мобилизуемых слоев и групп. Успех проводимых преобразований, как уже отмечалось, должен быть подкреплён упрочением нравственно-этического фундамента нашего общества.

Можно сделать вывод о том, что необходимое условие преодоления ограничений «колеи» – учет нравственного измерения развития.

В отечественной культуре данную проблему традиционно ставили в центр общественного дискурса. Классическая русская литература совершила прорыв, утверждая, что «внизу», «на дне», среди «униженных и оскорбленных» имеются примеры высоко-нравственного взгляда на жизнь. В то же время следует отметить, что «прогрессивная критика» и социальное доктринерство гипертрофировали эту позицию до утверждения, что только «на дне» и живет подлинная нравственность. Все нравственные усилия остальных социальных сил были дискредитированы. Тут было бы несправедливо не отметить попытку «шестидесятников» вернуть нравственные критерии – «все прогрессы – реакционны, если рушится человек»⁸. Данную попытку убили идеологические доктринеры и партийная номенклатура.

В рамках логики анализа здесь важно определить чьи, собственно, оценки выступают индикаторами нравственно-этического развития. Необходимо также определить акторов, которые способны повлиять на позиции элитных и субэлитных групп, а также на массовые нравственно-этические представления. Здесь мы приходим к роли и влиянию отечественного гражданского общества. Произошедшие макросоциальные перемены создали предпосылки для их существенного усиления.

Как показало исследование, в нашем обществе сложились слои и группы, в которых, с одной стороны, сочетаются относительно высокие нравственные представления, рефлексия собственных-социально-экономических интересов, и учет реальных обстоятельств общественного развития, представления об общественных интересах, с другой [Дискин 2022]. Соответственно, представления этих слоев и групп, которые и составляют отечественное гражданское общество, способны выступать индикаторами нравственного изменения общественного развития.

⁷ СоциоДиггер. Том 2. Выпуск 3(8): Гражданский активизм. ВЦИОМ. Март 2021.. (https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/wciom_sociodigger_032021.pdf).

⁸ Вознесенский А. Оза. Поэма. (<https://orden-bezdna.livejournal.com/625612.html?ysclid=l3k7q86n8g>).

Отдельно следует отметить значение важного для представленного анализа нравственно-этического влияния структур гражданского общества на субэлитные группы, с которыми они тесно взаимодействуют. Такое влияние способно корректировать позиции этих групп – в т.ч. через механизмы общественного контроля.

Представляется, что оценка нравственного измерения развития – это специфическая функция гражданского общества, которая влияет на эффективность функционирования институциональной системы.

Важной предпосылкой выполнения этой функции гражданского общества можно назвать осознание им значения собственных нравственно-этических представлений, их консолидация. В то же время важно понимать, что процессы нравственно-этической консолидации будут протекать «без фанатизма», без неизбежных эксцессов, характерных для идеологической консолидации [Дискин 2022].

Ориентация на нормы, ценности и представления гражданского общества в проведении институциональных преобразований также позволяет снижать риски социально-политической напряженности, поддерживать стабильность – предмет озабоченности большинства нашего общества⁹.

Данное направление инструментально приводит к необходимости организации социологического мониторинга институциональных преобразований, который будет своевременно выявлять напряженность в том, как их оценивают ключевые слои и группы. Появление такого рода напряженности вовсе не означает отказа от преобразований, но ведет к поиску средств их смягчения, к созданию механизма социальных адаптаций к проводимым преобразованиям.

В преодолении ограничений «колеи» большое значение имеет роль гражданского общества в представлении общественных интересов. Его позиции позволяют получить специфическую проекцию этих интересов, характеризующуюся меньшим влиянием идеологизированного догматизма и бюрократической инерции. Результаты фокус-групп с участием представителей общественных палат достаточно убедительно показали, что их члены способны высказывать обоснованные суждения о приоритетах социально-экономического развития. Следует также учесть, что члены палат находятся в постоянном контакте с более широким кругом гражданских активистов и, соответственно, представляют их позиции.

Значение представительской функции гражданского общества связано с формированием у него достаточно рационализированного представления об общественных интересах, что приобретает особое значение в условиях, когда в обществе усилились тенденции популизма.

Не ставя под сомнение классическую представительскую функцию политических партий, важно также сформировать несколько иное представление об общественных интересах, связанное с позицией социально активных и социально ответственных групп общества. Выполнение рассматриваемой представительской функции институтов гражданского общества предполагает, в свою очередь, осознание этими институтами значения и специфики данной функции. Лишь при соблюдении данных условий становится возможным продвигать ключевые документы социально-экономического развития в широком социальном **видении** в рамках проводимой общественными палатами экспертизы.

⁹ Глава ВЦИОМ: соцопросы не могут быть честнее, чем люди, которые в них участвуют. ВЦИОМ. 20 августа 2021. (<https://wciom.ru/sobytie/glava-wciom-socoproxy-ne-mogut-byt-chestnee-chem-ljudi-kotorye-v-nikh-uchastvujut>).

Важным условием успеха рассматриваемой представительской функции представляется также осознание значимости этой функции государственными институциями, которые разрабатывают и осуществляют меры по приоритетным направлениям социально-экономического развития. Необходимый в достаточно сложных современных условиях широкий общесоциальный подход призван преодолеть бюрократическую и технократическую инерцию.

В рамках создания такого рода механизмов необходимо использовать еще одну роль гражданского общества – референтной группы для более широких слоев нашего общества. Здесь, как уже отмечалось, важно влияние гражданского общества на массовые реальные институциональные неформальные практики.

Референтное влияние гражданского общества может существенно воздействовать на выработку массовых представлений относительно общественной ситуации, и, соответственно, на эволюцию их неформальных практик. При реализации этой функции важны нравственный авторитет и непосредственные, межличностные контакты гражданских активистов и гражданского общества в целом. Референтная роль создает предпосылки для позитивной эволюции массовых социальных практик.

В рамках данного обсуждения снижения влияния «колеи» следует учитывать еще одну функцию гражданского общества – «нормативную», связанную с формированием образцов социальной активности и ответственности и их превращением в устойчивые социальные нормы. Формирование нормативных представлений о социальной активности и ответственности – важная предпосылка блокирования влияния стереотипов «колеи».

Отмеченный выше высокий уровень общественного одобрения деятельности волонтеров и добровольцев, активная поддержка гражданской активности со стороны государства создают значимые предпосылки для того, чтобы легитимировать соответствующие образцы гражданской активности и ответственности, придать им статус признаваемых социальных норм. Важны даже не количественные показатели роста добровольчества (хотя рост этих показателей имеет большое значение), сколько превращение соответствующих представлений в важную составляющую критериев оценок социальной жизни.

Выполнение данной «нормативной» функции, в свою очередь, требует не только продвижения в массовое сознание выдающихся образцов гражданской активности и ответственности, но и систематической консолидирующей деятельности самого гражданского общества, его самоочищения от дискредитирующих это общество эксцессов.

Предлагаемое видение роли и функций гражданского общества, его возросшая активность и социальная ответственность создает значимые предпосылки для снижения влияния макросоциальных ограничений, накладываемых проблемами и противоречиями нашего предшествующего развития. Здесь, прежде всего, имеет значение освобождение от мифов и стереотипов, которые поддерживают социальный и ментальный статус «колеи». Уже само видение и признание позитивных социальных перемен станет необходимой предпосылкой, которая откроет возможности успешного развития.

Осознание новых возможностей и их энергичная реализация дают нам вполне реальный шанс для выхода из «колеи».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021) Узкий коридор. М.: Издательство АСТ. С. 12.
- Аузан А. (2017) Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Аузан А., Келимбетов К. (2021) Социокультурная формула экономической модернизации // Вопросы экономики. № 5.
- Бабурин В.Л. (2020) Влияние эффекта колеи на эволюцию промышленных ареалов России // Региональные исследования. № 3. С. 26–39.
- Бесси К., Фавро К. (2010) Институты и экономическая теория конвенций // Вопросы экономики. № 7. С. 12–38.
- Гордеев С.С., Зырянов С.Г., Ситковский А.М. (2019) «Эффект колеи» в пространственном межмуниципальном развитии // Муниципалитет: экономика и управление. № 4. С. 40–55.
- Даньшин А.И. (2020) «Эффект колеи» в сельском хозяйстве депрессивных территорий // Географическая среда и живые системы. № 2. С. 100–112.
- Дискин И.Е. (2019) Альтернативы российского прорыва. М: Политическая энциклопедия. 430 с.
- Дискин И.Е. (2016) Институты: загадка и судьба. М.: Политическая энциклопедия. 302 с.
- Дискин И.Е (2021) «Консервативная модернизация». М.: РОССПЭН.
- Дискин И.Е (2022) Модели легитимации и альтернативы социальной динамики // Общественные науки и современность. № 2. С. 78–94.
- Заславская Т.И. (2004) Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело.
- Караваев П.Л. (2020) Пространственное развитие транспортной системы региона и «эффект колеи» // В: Балтийский регион – регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений. Материалы IV международной научно-практической конференции. Отв. редактор: Михайлова А.А. С. 173–178.
- Корнейчук Б.В. (2016) «Эффект колеи» в контексте эволюционной теории экономических изменений // Terra Economicus. № 14. С. 78–87.
- Кузнецова А.Л., Зверев Ю.М. (2019) «Эффект колеи» и его использование в региональных исследованиях (на примере Калининградской области). Калининград: Балтийский федеральный университет имени И. Канта.
- Мерсиянова И.В. (2020) Российское общество и НКО: что изменилось за 15 лет. Доклад Центра изучения гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ.
- Норт Д.К., Уоллис Дж., Вайнграст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. М.: Издательство института Гайдара. 482 с.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2009) Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград. 294 с.
- Остром Э. (2013) Управление общим. Эволюция институций коллективного действия. Пер с англ. Т. Монтян. К. 400 с.
- Розанова Н.Н. (2020) Уровень регионального патриотизма как фактор риска, усиливающий эффект «залипания» в колее (на примере Смоленской области) // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. № 5. С. 98–107.
- Сото Э. (2004) Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: «Олимп-Бизнес». 272 с.
- Фуко М. (1997) Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М: Прогресс.
- Хигли Дж. (2010) Элиты, массовые группы и пределы политики: методология и практика сравнительного анализа // Сравнительная политика. № 1. С. 50–72.

- Чучкалов А.С., Алексеев А.И. (2020) Эффект колеи в эволюции сельских населенных пунктов Республики Марий Эл // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 2. С. 53–65.
- Ясин Е.Г. (2007) Модернизация и общество // Вопросы экономики. № 5. С. 4–29.
- Ясин Е.Г. (2009) Приживется ли демократия в России. 2-е изд., расш., доп. М.: Либеральная миссия, Новое литературное обозрение. 864 с.
- Dobusch L., Kapeller J. (2013) Breaking New Paths: Theory and Method in Path Dependence Research // *Schmalenbach Business Review*. Vol. 65. Pp. 288–311.
- Higley J. (1979) *Elitizm*. NY.
- North Douglas C. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. (2021) *Uzkiy koridor* [The Narrow Corridor]. Moscow: Izdatelstvo AST. P. 12.
- Auzan A. (2017) *Ekonomika vsego* [The Economics of Everything]. Moscow: Mann, Ivanov, Farber.
- Auzan A., Kelinmbetov K., (2012) Sociokulturnaya fomula ekonomicheskoy modernizatsiyi [Sociocultural Formula for Economic Modernization]. *Voprosy ekonomiki*. no. 5.
- Baburin. V.L. (2020) Vliyanie efekta kolei na evoluziu promyshlennykh arealov Rossiyi [Influence of the Track Effect on the Evolution of Russian Industrial Areas]. *Regionalnyi issledovaniya*. no. 3, pp. 26–39.
- Bessi K., Favro K. (2010) Insituty I ekonomicheskaya teoriya konvencyiy [Institutions and Economic Conventions Theory]. *Voprosy ekonomiki*. no. 7, pp. 12–38.
- Chuchkalov A., Alekseev A. (2020) Effekt koleyi d evoluziyi selskih naseleennykh punktov respubliki Mari-El [The Effect of the Track in the Evolution of Rural Settlements of the Republic Mari El]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*. no. 2, pp. 53–65.
- Gordeev S.S., Zyryanov, S.G., Sitkovskiy A.M. (2019) “Effekt koleyi» v prostranstvennom meghmunicipalnom razvityi [The “Track Effect” in Spatial Inter-Municipal Development]. *Municipalitet: ekonomika I upravlenie*. no. 4.
- Danshin A.I. (2020) «Effekt koleyi” v selskom khozaystve depressivnykh territoriy [The “Track Effect” in the Agriculture of the Depressive Areas]. *Geograficheskaya sreda i giviyi sistemy*. no. 2, pp. 40–55.
- Diskin I.E. (2019) *Alternativy rossiyskogo proryva* [Alternatives to a Russian Breakthrough]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. 430 p.
- Diskin I.E. (2016) *Instituty: zagadka I sudba* [Institutes: The Mystery and the Fate]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. 302 p.
- Diskin I.E. (2021) *Konservativnaya modernizatsiya* [Conservative Modernization]. Moscow: ROSSPEN.
- Diskin I.E. (2022) Modely legitimatsiyi I alternativy socialnoy dinamiki [Models of Legitimation and the Alternatives to Social Dynamics]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 2, pp. 78–94.
- Dobusch L., Kapeller J. (2013) Breaking New Paths: Theory and Method in Path Dependence Research. *Schmalenbach Business Review*. vol. 65, pp. 288–311.
- Fuko M. (1997) *Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archeology of the Humanities]. Moscow: Progress.
- Higley J. (2010) Elity, massovyie gruppy I predely poliki: metodologiya I praktika sravnitel'nogo analiza [Elites, Mass Groups and the Limits of Politics: Methodology and Practice of Comparative Analysis]. *Sranitel'naya politika*. no. 5, pp. 50–72.
- Higley J. (1979) *Elitizm*. New York.

Karavaev P.L. (2020) Prostranstvennyye razvitiye transportnoy sistemy regiona I “effekt kolyi” [Spatial Development of the Transport System of the Region and the «Track Effect»]. In: *Baltiyskiy region – region sotrudnichesyya. Materialy mezhdunarodnoy yauchno-prakticheskoy konferenzyi*. Ed(s): Mikhailova A.A. Pp. 173–178.

Korneychuk B.V. (2016) «Effekt koleyi» v kontekste evolucionnoy teoryi ekonomicheskikh izmeneniy [The «Track Effect» in the Context of the Evolutionary Theory of Economic Change]. *Terra Economicus*. no. 14, pp. 78–87.

Kuznecova A., Zverev U. (2019) «Effekt koleyi» I ego ispolzovaniye na primere Kaliningradskoy oblasti [The «Track Effect» and Its Use on the Example of the Kaliningrad Region]. Kaliningrad: Baltiyskiy federalniy universitet im. I. Kanta.

Mersiannova I. (2020) *Rossiyskoe obchestvo i NKO: chto izmnilo za 15 let* [Russian Society and NGOs: What Has Shanged in 15 Years]. Doklad Zentra izucheniya grazhdanskogo obchestva I nekommercheskogo sektora. Moscow: HSE.

North D. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

North D., Uollis J., Vaingast B. (2011) *Nasilie i socialniye poryadki* [Violence and Social Order]. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara. 482 p.

Nureev R., Latov U. (2009) *Rossiya i Evropa: effect koleyi (opyt institucionalnogo analiza istoriyi ekonomicheskogo razvitiya)* [Russia and Europe: The Track Effect (Experience of Institutional Analysis of the History of Economic Development)]. Kalinigrad. 294 p.

Ostrom E. (2013) *Upravleniye obchim. Evoluziya instituziy kollektivnogo deystviya* [General Management. The Evolution of Collective Action Institutions]. Kiev. 400 p.

Rozanova N.N. (2020) Uroven regionalnogog patriotizma kar factor riska, usilvaushiy effect «zalipaniya» v kolee (na primere Smolenskoj oblasti) [The Level of Regional Patriotism as a Risk Factor that Enhances the Effect of «Sticking» in a Rut (on the Example of the Smolensk region)]. *POISK: Politika. Obchestvovedeniye. Iskusstvo. Sociologiya. Kultura*. no. 5, pp. 98–107.

Soto E. (2004) *Zagadka kapitala. Pochemu kapitaliz torgestvuet na Zapade I terpit porageniye vo vsem ostalnom mire* [The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else]. Moscow: Olimp-Bizness. 272 p.

Yasin E.G. (2007) Modernizatsiya I obchestvo [Modernisation and Society]. *Voprosy ekonomiki*. no. 5, pp. 4–29.

Yasin E.G. (2012) *Prizivetsy li demokratiya v Rossii* [Will Democracy Take Root in Russia?]. Moscow: Liberalnaya missiya. Novoe literaturnoe obozrenie.

Zaslavskaya T.I. (2004) Societalnaya transformatsiya rossiyskogo obchestva [Societal Transformation of the Russian Society]. Moscow: Delo.

Информация об авторе

Дискин Иосиф Евгеньевич, доктор экономических наук, ведущий эксперт Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11. E-mail: idiskin9@gmail.com

About the author

Iosif E. Diskin, Doctor of Sciences (Economics), Leading Research Fellow, Centre for Civil Society Studies and the Nonprofit Sector, Research University Higher School of Economics. Address: 109028, Moscow, Pokrovsky Boulevard, 11. E-mail: idiskin9@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 30.05.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 24.10.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 5.11.2022

DOI: 10.31857/S0869049922050069
EDN: FAOIHU

Оригинальная статья / Original Article

Этно-демографическая неоднородность и социально-экономическое развитие юго-западных штатов США

© В.Н. МИНАТ

Минат Валерий Николаевич, Рязанский государственный агротехнологический университет имени П.А. Костычева (Рязань, Россия), minat.valera@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-8787-4274

В данной работе в рамках проблемного подхода выявлены и обоснованы актуальные аспекты влияния этно-демографической неоднородности на социально-экономическое развитие юго-западных штатов США, граничащих с Мексикой. Хронологический период включает 1970–2020 гг. и прогноз до 2030 г. Исследование носит междисциплинарный характер, в рамках которого комплексно используются элементы и системы математического (регрессионного) моделирования, отвечающего требованиям теоретической, региональной и городской экономики, политической экономики, а также новой экономической географии. По результатам эмпирического исследования полностью подтвердились гипотезы автора о том, что направление влияния этно-демографической неоднородности на социально-экономическое развитие юго-западных штатов США меняется под воздействием, прежде всего, повышения доли испаноязычной общности (хиспаник), проявляющейся в увеличении поляризации населения. Поляризация постепенно привела к формированию этно-демографической турбулентности, увеличив культурную дистанцию и «периферийное размывание» единства американской нации, причем с усилением негативного влияния на экономическую составляющую развития.

Ключевые слова: этно-демографическая неоднородность, юго-западные штаты США, хиспаник, социально-экономическое развитие, регрессионное моделирование, этно-демографическая турбулентность, регионализация

Цитирование: Минат В.Н. (2022) Этно-демографическая неоднородность и социально-экономическое развитие юго-западных штатов США // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 128–143. DOI: 10.31857/S0869049922050069, EDN: FAOIHU.

Ethno-Demographic Heterogeneity and Socio-Economic Development of the Southwestern States of the USA

© V. MINAT

Valery N. Minat, Ryazan State Agrotechnological University named after P.A. Kostycheva (Ryazan, Russia), minat.valera@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-8787-4274

Abstract. In this article relevant aspects of the influence of ethno-demographic heterogeneity on the socio-economic development of the southwestern US states bordering Mexico are identified and substantiated within the framework of the problematic approach. The chronological frame includes the period from 1970 to 2020, as well as a forecast until 2030. The study is interdisciplinary in nature, involving the integrated use of elements and systems of mathematical (regression) modeling that meets the requirements of theoretical, regional and urban economics, political economy, and new economic geography. Based on the results of the empirical study, the author's hypotheses are fully confirmed: the direction of the influence of ethno-demographic heterogeneity on the socio-economic development of the US's southwestern states is changing under the influence, first of all, of an increase in the proportion of the Hispanic community (Hispanic), which manifests itself in an increase in population polarization. Polarization gradually led to the formation of ethno-demographic turbulence through an increase in cultural distance and a "peripheral erosion" of the unity of the American nation, with an increase in the negative impact on the economic component of development.

Keywords: ethno-demographic heterogeneity, southwestern US states, Hispanic, Latino, socio-economic development, regression modeling, ethno-demographic turbulence, regionalization

Citation: Minat V. (2022) Ethno-Demographic Heterogeneity and Socio-economic Development of the Southwestern States of the USA. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 128–143. DOI: 10.31857/S0869049922050069, EDN: FAOIHU.

Введение

Междисциплинарное исследование в проблемном ключе – на стыке различных социогуманитарных и экономико-теоретических дисциплин, широко использующих математическое моделирование – предполагает комплексное использование как традиционных подходов, связанных с экономическим ростом и социально-экономическим развитием, а также с различными аспектами неравенства и неоднородности, так и «новых», которые отражают современную регионализацию общественно-экономических отношений. Региональное самосознание и этнонациональное самоопределение перманентно обостряют ценностный конфликт общественного бытия в условной матрице «Запад – не-Запад» [Клунт 2022].

Национальный вопрос в общественно-экономической жизни крупнейших федеративных государств, первым из которых на Американском континенте стали США (они граничат с двумя другими крупнейшими федерациями – Мексикой и Канадой), имел и имеет важное, а в определенных «точках» пространства-времени ключевое значение для социально-экономического развития этих стран. Формирование единой нации, конституционно закреплённой термином «Мы, народ Соединённых Штатов...» (We the People of the United States...), которую понимают как совокупность людей разных этносов, объединённых в национальное государство (state), но различающихся социально наследуемыми

обычаями, традициями, менталитетом, языком и происхождением, легитимизирует власть и институциональную систему [Дискин 2021].

Региональное самосознание американцев имеет много аспектов, важнейшим из которых, на взгляд автора, выступает социально-экономический. Он испытывает непрерывно нарастающее «давление»/влияние этно-демографической неоднородности/гетерогенности – *ethno-demographic heterogeneities* (ЭДН, EDH).

Оценить (количественно и качественно) силу и характер такого давления возможно, рассмотрев полярные концепции этнокультурной интеграции в США:

– «плавильный котел» (*melting pot*): сплав в единую специфическую нацию, которая постепенно утрачивает «корневую» этническую и культурную (в том числе языковую) связь;

– «салатная чаша» (*salad bowl*): смесь, но не сплав этнокультурных групп.

Вторая из отмеченных концепций учитывает хаотическую самоорганизацию общественных и хозяйственных отношений, позволяет говорить о наличии этно-демографической турбулентности (ЭДТ). Данное явление, выступая элементом единого процесса социально-экономического развития какой-либо пространственно-временной общности, позволяет качественно охарактеризовать влияние ЭДН (сформулировав общее направление/тенденцию – позитивное или негативное) на конкретные среды, сферы и институты такого развития. Автор с определенной осторожностью предполагает, что ЭДТ, понимаемая как крайний вариант ЭДН, может служить одной из основ регионализации социально-экономического развития полиэтничного федеративного государства, которые отличаются нарастанием разных противоречий.

Внутреннее воздействие/влияние обусловлено характером экономического федерализма, который поддерживают т.н. «конституционные традиции». Они исторически сдерживают процесс централизации на известном уровне, резервируя в десятой поправке к основному закону страны «полномочия, не делегированные Соединенным Штатам и не запрещенные для штатов», за региональной властью и местным управлением. На протяжении всего послевоенного периода объективно усиливались противоречия между группировками финансово-промышленных бизнес-структур, которые на макроуровне характеризуются транснационализацией своей деятельности, а на мезоуровне, внутри Соединенных Штатов – формируются по территориальному признаку [Володин 1984]. В результате социально-экономическая и организационно-управленческая роль территориальных систем постоянно влияет – и даже с переменным успехом доминирует – в отношениях федеральных и региональных властей, мэрий городов и местных администраций, а также ретроспективно характеризует распределение социальных и хозяйственных функций как крайне неравномерное [Штоюнда 2021]. Данная динамика проявляется в формировании и перманентной активизации соответствующих институтов и инструментов селективной/избирательной социально-экономической политики на каждом уровне государственного и местного управления, которая учитывает этническую и демографическую составляющие тех или иных территорий США в качестве важнейшего фактора.

Развивая идею об ЭДТ как о потенциальном факторе, «перекидывающим мостик» от федерализма к регионализации, стоит отметить, что исследователи уже не рассматривают США как «идеальную модель» полиэтничного государства, где национальный вопрос решен на демократической основе в рамках девиза «*E Pluribus Unum*» (лат.) – «единство из множества». Напротив, этот вопрос обостряется под влиянием миграционных и внутренних демографических сдвигов, имеющих этнокультурные структурные последствия как во времени [Гарбузов 2020], так и в пространстве [Смирнягин 1989].

В то же время, современные российские ученые отмечают исторически закрепленную федеративными отношениями и особыми конституционными принципами стабильность этнокультурного многообразия в США (даже в структуре городских анклавов¹). Американские исследователи выявляют традиционность не только регионализма, сформированного по территориальному признаку (штаты, округа, графства и т. д.), но и очередного витка децентрализации (нередко граничащей с сепаратизмом), который в кризисных экономических условиях может грозить сецессией/распадом единого пространства страны². Автор не склонен к гипертрофированному восприятию американского регионализма, который якобы способен критически повысить децентрализацию Американской федерации (вплоть до неизбежности гражданской войны [Читтам 2020]), однако нельзя не согласиться с актуализацией объективной проблемы т. н. «периферийного размывания» американской нации (erosion of the American nation from the periphery). Более того, что последнюю порой целенаправленно обостряют конструированием имиджевых характеристик на государственном уровне. Отмеченная проблема территориально связана с граничащими с Мексикой юго-западными штатами (ЮЗШ) США – историко-генетически наиболее полиэтнокультурными в стране. Территории/геотории таких штатов как нельзя лучше подходят под концептуальное понимание динамики процесса ЭДН, связанного с длительным «перемешиванием» в «салатной чаше» разнообразного населения на обширном пространстве. В то же время данное население не ассимилировано, а, напротив, поляризовано на основе выделения двух главных общностей – белые европейского происхождения (european descent whites) и испаноязычные или латино/хиспаник (hispanic or latino)³.

Историко-географически и этнографически к числу таких территорий относятся нынешние штаты Калифорния, Аризона, Нью-Мексико, Техас⁴, а также Невада, Юта и часть Вайоминга. Все указанные пространства (около миллиона квадратных миль) с расположенными в их пределах на данный момент социально-экономическими объектами и этнически неоднородным населением стали частью Американской федерации по результатам войны с Мексикой (1846–1848 гг.). Выделяемые в переписях населения США общности американских граждан, мигрирующих, проживающих и даже рожденных в пределах ЮЗШ различаются не только этно-культурно, но и расово (афро-американцы, азиаты, индейцы). Так, на территории перечисленных выше четырех основных штатов от 1/3 в

¹ Кельман Ю.Ф. (2016) Этнокультурное многообразие городского населения США и методы его исследования в географическом контексте: Дис. ... канд. геогр. наук. М.: Географический факультет. МГУ им. М.В. Ломоносова.

² «Автор вышедшей осенью 2020 г. книги «Круши давай: сецессия, разлад и тайная история неидеального американского союза» Ричард Крайтнер полагает, что идеи сепаратизма сопровождают США, сколько существует страна. В 2020 г. в США были изданы и другие книги на ту же тему, среди них – «Американская сецессия: надвигающаяся угроза распада страны» Фрэнсиса Бакли и «Разделившись, мы падем: угроза сецессии в Америке и как нам возродить страну» Дэвида Френча. Последний агитирует за распад и пишет следующее: «Мы слишком большие, мы одна из самых больших стран на свете. Маленькие страны счастливее, и в них меньше коррупции. Они не бряцают оружием, они свободнее... Большое – значит плохое» [Глигич-Золотарева 2021, 170].

³ Межрасовая этнокультурная общность «хиспаник» в ЮЗР США включает не только потомков людей с отвоёванной США территории Мексики, но и мигрантов из Пуэрто-Рико, Кубы и других стран Центральной и Южной Америки. За несколько последних десятилетий также усилился приток «латино» из государств северного треугольника Центральной Америки – Гватемалы, Гондураса и Сальвадора, которые прибывают в страну через Мексику.

⁴ В рамках данного исследования автор ограничивается анализом ЭДН и ее влияния на социально-экономическое развитие штатов США, имеющих с Мексикой общую границу – Калифорнии, Аризоны, Нью-Мексико и Техаса.

начале 1970-х гг. до более чем 1/2 населения в начале 2010-х гг. были носителями испаноязычной культурной традиции [Геевский, Червоная 1985]⁵.

Опираясь на факты о том, что указанная группа может влиять на социально-экономическое развитие ЮЗШ, отметим, что именно переселенцы из Латинской Америки, готовые стать американскими гражданами, «... с трудом воспринимают весь комплекс идей и принципов, составляющих неоспоримое наследие американского общества и государства... Каждый этнический сегмент по-своему воспринимает США и их политические институты, привнося при этом в новое общество свои привычки, культуру, образ жизни и поведения, которые подчас ему противоречат» [Гарбузов 2020, 18–19]. Кроме того, в 2020 г. доля хиспаник среди небелого трудоспособного населения США уже была наиболее значительной в возрастных группах от 16 до 19 лет и – особенно – от 20 до 24 лет [Петровская 2021].

Влияние ЭДН на социально-экономическое развитие таких передовых штатов, как Калифорния и Техас, несомненно, представляется чрезвычайно сложным пространственно-временным явлением. Научно-исследовательские и инновационно-экономические знания-емкие центры указанных штатов стали традиционным местом иммиграции высококвалифицированных кадров со всего мира. В связи с этим (не говоря здесь о значении белого населения европейского происхождения) вклад азиатского и афро-американского этнических сообществ в развитие юго-запада США нельзя не учитывать как в количественном, так и в качественном отношении в пространственно-временной динамике изменения степени его влияния.

Цель данного исследования – выявить и обосновать возможное влияние ЭДН на социально-экономическое развитие ЮЗШ США в период 1970–2020 гг., а также спрогнозировать, сохранятся ли тенденции этого влияния на перспективу до 2030 г. Достижение поставленной цели в рамках проблемного подхода, носящего междисциплинарный характер, базируется на комплексном использовании элементов и систем моделирования, которые отвечают требованиям теоретической, региональной и городской экономики, политической экономии, новой экономической географии.

Имеющийся опыт научного исследования по данной проблематике, заимствованный автором (персонифицируемо либо библиографически отмеченный и широко используемый в основных разделах настоящей статьи), позволил сформулировать две главные гипотезы, подтверждение либо опровержение которых эмпирическим путем составляет предмет и задачи настоящего исследования.

Первая. Усиление ЭДН исследуемых территорий, которое в долгосрочном историческом периоде имеет в целом положительное либо нейтральное влияние на социально-экономическое развитие, в условиях ЭДТ регионального уровня меняет свой характер на противоположный – отрицательный.

Вторая. Повышательная динамика поляризации национальной структуры населения ЮЗШ, которая на протяжении всего исследуемого периода характеризуется увеличе-

⁵ Анализ статистических и картографических данных, представленных Ю.Ф. Кельман, позволяет оценить долю хиспаник в городских округах штатов Калифорния, Аризона, Нью-Мексико и Техас по максимальному уровню представленной шкалы – от 25,00 до 94,28 % в общем населении. Соответственно, если в начале 1970-х гг. доля «белых европейского происхождения» в целом по четырем юго-западным штатам составляла немногим менее 1/2, то к началу 2010-х гг. она снизилась до 1/3. Доля азиатов, афро-американцев, индейцев и представителей других расово-этнических групп не была доминирующей в рассматриваемый период времени (за исключением одного из округов штата Калифорния в 2010-х гг.). По: Кельман Ю.Ф. (2016) Этнокультурное многообразие городского населения США и методы его исследования в географическом контексте: Дис. ... канд. геогр. наук. М.: Географический факультет. МГУ им. М.В. Ломоносова.

нием отрицательного влияния ЭДН на социально-экономическое развитие этих территорий, отражает неоднородную/изменчивую структуру воздействия в зависимости от доли хиспаник.

Материалы и методы исследования

Эмпирическая часть работы основана на использовании статистической базы в разрезе пограничных с Мексикой штатов страны и данных по метрополитенским статистическим ареалам (МСА) США, выделенным в рамках их территории.

В контексте исследований этно-демографических, этнокультурных и расово-этнических групп в пространственно-временном континууме наиболее активно применяют индексные методы. Так, в социогеографических исследованиях для оценки размещения компонентов этнокультурного разнообразия используют индекс локализации, а при помощи расчетов по методу «двойной доли» определяется, какая часть той или иной группы проживает в областях со значительным превышением средней доли этой группы по стране (ареалы концентрации). Уровень расово-этнического разнообразия определяется вычислением индекса энтропии, который позволяет выделить центры наибольшего разнообразия и сделать вывод о неоднородности состава населения по данному признаку⁶.

В экономических исследованиях количественную оценку уровня ЭДН проводят в определенном промежутке хронологического времени и в рамках целостной территории при помощи расчета индексов фракционализации и поляризации. Как западные [Esteban, Ray 1994, 1999], так и российские [Буфетова, Коломак 2021] специалисты отмечают, что свойства показателей, характеризующих ассоциируемые с каждым из указанных индексов эффекты, как правило, не совпадают. Опыт показывает, что положительные эффекты неоднородности/гетерогенности ассоциируются с индексом фракционализации населения, а социальной напряженности – с индексом поляризации. Стоит отметить, что оба индекса предполагают двойную оценку – как без учета культурной дистанции между группами населения, так и с ее учетом. В рамках социокультурной экономики производят расчеты, отражающие культурную дистанцию/расстояние (KS или dist) в пространстве-времени исследуемых территорий и проживающих в их пределах этнических групп, используя методику культурных измерений Б. Когута и Х. Сингха⁷.

В данном исследовании автор отдает предпочтение расчету индексов фракционализации и поляризации с учетом культурной дистанции, поскольку он наиболее точно отражает оцениваемые параметры ЭДН, а не этнокультурной либо расово-этнической составляющих разнообразия населения ЮЗШ.

Изначально автор применяет менее сложный (в сравнении с методом Когута-Сингха), но вполне репрезентативный способ расчета культурной дистанции – меры близости/сходства этнических групп населения (r_{ij}). Он определяется с использованием автоматизированной [Brown et al. 2008] или генетической [Desmet et al. 2011] классификации

⁶ Расчет индекса энтропии для МСА США, проведенный Ю.Ф. Кельман по данным переписи 2000 г., показал, что в перечень беспорных лидеров по неоднородности расово-этнического состава американского населения среди агломераций, расположенных в пространстве ЮЗШ, в числе лидирующих по стране вошли Лос-Анджелес, Стоктон-Лоди в центральной Калифорнии, Сан-Франциско, Сан-Диего, Хьюстон, Сан-Антонио, Эль-Пасо. По: Кельман Ю.Ф. (2016) Этнокультурное многообразие городского населения США и методы его исследования в географическом контексте: Дис. ... канд. геогр. наук. М.: Географический факультет. МГУ им. М.В. Ломоносова.

⁷ Аузан А.А., Никишина Е.Н. (2021) Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру: курс лекций. М.: Экономический факультет. МГУ им. М.В. Ломоносова.

языков, географической или языковой близости [Fearon 2003; Melitz, Toubal 2014], либо расстояния между «ветвями языкового/лингвистического древа», к которому принадлежат исследуемые этнические группы [Laitin 2000; Fearon 2003]. В любом случае формула для расчета имеет общий вид:

$$r_{ij} = \left(\frac{l}{m}\right)^\alpha, \quad (1)$$

где l – количество общих лингвистических ветвей i -й и j -й этнических групп населения территории (штата, МСА); m – наибольшее количество групп в используемой лингвистической классификации (ветвей в языковом древе); α – степень различия языков, условно оцениваемая от нуля до единицы (для удобства расчетов $\alpha = 1$). Равенство l и m означает, что сравниваемые этнические группы говорят на одном языке, следовательно, r_{ij} равно единице.

Индекс фракционализации с учетом этнических различий между группами населения исследуемых регионов – EF_{dist} [Fearon 2003] имеет вид:

$$EF_{dist} = 1 - \sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^N s_i s_j r_{ij}, \quad (2)$$

где N – количество этнических групп. Граница значений индекса от нуля (население этнически однородно) до $1 - (1/N)$, когда неоднородность нарастает, теоретически до единицы (люди принадлежат к различным этносам); s_i и s_j – доля населения разных этнических групп в общей численности населения территории (штата, МСА); r_{ij} – мера близости/сходства этнических групп i и j . При максимальной степени различия групп, когда $r_{ij} = 0$ для $i \neq j$ и $r_{ij} = 1$ для $i = j$, $EF_{dist} = EF$. Значение EF_{dist} уменьшается при увеличении сходства рассматриваемых групп, EF_{dist} равен нулю при этническом единообразии (нет разделения на группы).

На основе исследований, которые отражают влияние социальных процессов на формирование неоднородности общественного развития [Horowitz 1985] – прежде всего, посредством увеличения различий между этническими группами при условии известной степени внутригрупповой национальной однородности [Keefe, Knack 2002] – определяется биполярность либо мультиполярность населения ЮЗШ.

Индекс поляризации с учетом культурной дистанции [Esteban, Ray 1994], конкретизированный при помощи масштабирующего коэффициента Д. Генга (K), который равен 4 при константе (α), равной единице [Geng 2012], имеет следующий вид:

$$EP_{dist} = D(4,1) = 4 \sum_{i \neq j} s_i^2 s_j d_{ij}, \quad (3)$$

где $D(4,1)$ – индекс поляризации Эстебана-Рея – $D(K, \alpha)$, в котором $K = 4$, $\alpha = 1$; d_{ij} – степень различия/расстояния между этническими группами i и j , который принимает значения от нуля до единицы, характеризуя увеличение указанного различия/расстояния. Максимальное значение EP_{dist} достигается при консолидации населения территории на две равные этнические группы с максимально возможными различиями.

Междисциплинарный (в рамках общественных наук) спектр регрессионного моделирования опирается на панельные данные, что позволяет учитывать региональные (по штатам) и трансрегиональные (по МСА) особенности и сочетания культурных, социальных, географических и урбанистических факторов, историзм явлений, взаимодействие формальных и неформальных институтов, а также языковые и межэтнические взаимодействия в пространстве ЮЗШ⁸.

⁸ В данной работе автор опирается на богатейший опыт использования широко известных теорий и моделей, адаптированных к особенностям моделирования мезоэкономических территориальных систем [Несе-на 2015; Минат 2022]: 1) группа неоклассических моделей экономического роста (модель бета-конвергенции

Регрессионное уравнение, которое отражает влияние ЭДН на величину валового регионального продукта (ВРП) штата, где зависимой переменной выступает произведенная продукция, а независимыми переменными – труд, капитал, контрольные переменные и рассчитанные выше индексы ЭДН, имеет следующий вид:

$$Y_{it} = \beta_0 + \beta_1 C_{it} + \beta_2 L_{it} + \beta_3 EF_{dist\ it} + \beta_4 EP_{dist\ it} + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_{ij}, \quad (4)$$

где Y_{it} – ВРП i -го штата в году t (с поправкой на инфляцию путем пересчета на основе индексов физического объема за соответствующий временной период); β – параметр, который характеризует бета-конвергенцию; C_{it} – основные производственные фонды i -го штата в году t ; L_{it} – численность занятых в экономике i -го штата в году t ; EF_{it} – нормированный индекс фракционализации без учета культурной дистанции населения i -го штата в году t ; $EP_{dist\ it}$ – оценка индекса поляризации с учетом культурной дистанции населения i -го штата в году t ; μ_i – пространственный эффект; λ_t – временной эффект; ε_{ij} – урбанизационные эффекты¹⁰.

Модель совокупной факторной производительности дает возможность оценить влияние ЭДН на инновационную деятельность в разрезе соответствующих МСА через использование методического аппарата пространственно-временного анализа урбоориентированного инновационного развития США:

$$\ln TFP_{jt} = \alpha + \beta_1 EF_{dist\ jt} + \beta_2 PF_{dist\ jt} + X_{jt} \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_{ij}, \quad (5)$$

где $\ln TFP_{jt}$ – логарифмы средних темпов совокупной факторной производительности; $EF_{dist\ jt}$ и $PF_{dist\ jt}$ – соответствующие индексы в разрезе МСА; X_{jt} – детерминанты TFP_{jt} , которая определяется, в частности, расходами на НИОКР ($R\&D$) на душу населения в i -м МСА за время t (используется в качестве показателя инновационной деятельности).

Моделирование производственной функции знания позволяет оценить влияние ЭДН на человеческий капитал в разрезе МСА на юго-западе США следующим образом:

$$Y_{jt} = F(R\&D_{it}, HK_{jt}, PF_{jt}, PF_{dist\ jt}, X_{jt}, WR\&D_{jt}, WHK_{jt}), \quad (6)$$

где F – функция знания; Y_{jt} – количество патентов в компаниях, зарегистрированных в j -м МСА за время t ; $R\&D_{it}$ – расходы на НИОКР в j -м МСА за время t ; HK_{jt} – совокупный показатель развития человеческого капитала, рассчитанный для j -го МСА за период времени t ; X_{jt} – детерминанты функции знания; $WR\&D_{it}$ и WHK_{jt} – расходы соответственно на НИОКР и человеческий капитал в j -м МСА за время t .

Уравнение регрессии для оценки влияния ЭДН на среднедушевые денежные доходы населения ЮЗШ, которое помимо известных индексов учитывает ВРП на душу насе-

Р. Барро и К. Сала-и-Мартина, модель совокупной факторной производительности Р. Солоу, В. Истерли и Р. Левина, модель производственной функции знания З. Грилихеса, С. Шарлот, Р. Кресченци и А. Музолен); 2) модель дифференциальной заработной платы и ренты Ж. Отговиано, Ж. Перси и Д. Робака, разработанная в рамках теории городской экономики и новой экономической географии; 3) модель гетерогенности предпочтений избирателей А. Алесина, Р. Бакира и В. Истерли, которая выступает эконометрической базой современной теории политической экономики.

⁹ Проблема мультиколлинеарности снимается за счет отсутствия высокой степени линейной зависимости между двумя индексами.

¹⁰ В этом и последующих регрессионных уравнениях пространственный и временной эффекты рассматриваются как фиксированные (исходя из результатов теста Хаусмана), урбанизационные эффекты в случае расчетов в разрезе штатов (Калифорния, Аризона, Нью-Мексико и Техас) принимаются как фиксированные среднестатистические значения для каждого из указанных штатов, исходя из данных официальной статистики, а для расчетов, проводимых по МСА, рассчитываются индивидуально для каждого ареала.

ления, а также региональные (по штатам) и урбо-территориальные (по МСА) эффекты, имеет следующий вид:

$$I_{ijt} = \beta_0 + \beta_1 \frac{Y_{it}}{H_{it}} + \beta_2 EF_{dist\ ijt} + \beta_3 PF_{dist\ ijt} + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_{ij}, \quad (7)$$

где I_{ijt} – среднедушевые денежные доходы населения i -го штата и j -го МСА за определенный год t ; Y_{it}/H_{it} – ВРП штата на душу населения за год. Коэффициенты β при индексах фракционализации – положительная величина, а при индексах поляризации – отрицательная.

Влияние ЭДН на бюджетные расходы, которые отражают эффективность общественных благ в ЮЗШ, представлено следующей регрессией, где контрольными переменными выступают ВРП штатов на душу населения, а также фиксированные региональные и временные эффекты:

$$\frac{BI_{it}}{H_{it}} = \beta_0 + \beta_1 \frac{Y_{it}}{H_{it}} + \beta_2 EF_{dist\ it} + \beta_3 PF_{dist\ it} + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_{ij}, \quad (8)$$

где BI_{it}/H_{it} – расходы бюджета i -го штата в году t .

Наконец, выявление связи между ЭДН и динамикой маргинализации населения ЮЗШ за исследуемый период и в перспективе до 2030 г. (социально значимые заболевания, преступность, неестественную смертность, девиантное поведение и др.) специфицируется посредством уравнения в логарифмах:

$$\ln(CR_{ijt}) = \beta_0 + \beta_1 \ln\left(\frac{Y_{it}}{H_{it}}\right) + \beta_2 \ln(EF_{dist\ it}) + \beta_3 \ln(PF_{dist\ it}) + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_{ij}, \quad (9)$$

где $\ln(CR_{ijt})$ – логарифмирование средних темпов маргинализации населения i -го штата и j -го МСА за время t .

Результаты и обсуждение

У автора отсутствует возможность подробно интерпретировать итоги каждой регрессионной модели, однако стоит отметить как стабильность, так и изменчивость во времени-пространстве искомого влияния ЭДН на социально-экономическое развитие ЮЗШ, актуализирующих конкретные аспекты.

Итоговые результаты динамики ЭДН приведены в таблице 1.

Наблюдается постоянное увеличение ЭДН в ЮЗШ по всем индексам и величине разницы их значений – как за прошедшие с 1970 г. 50 лет, так и в прогнозируемое десятилетие до 2030 г. В то же время в период с 2010 по 2020 гг. темпы роста ЭДН лишь снижаются, однако тенденция к росту сохраняется.

Полученный эмпирический результат однозначно свидетельствует:

- о нарастании культурных различий (увеличение численности и разнообразия этнических групп);
- о поляризации населения (снижение культурного и языкового сродства/единства между двумя основными, наиболее многочисленными этническими группами) в штатах и МСА юго-запада США за счет поляризации между группами «хиспаник» и «англоязычные белые европейского происхождения».

Одновременно стоит отметить некоторое снижение темпов поляризации населения ЮЗШ в период с 2010 г., что связано с беспрецедентным за рассматриваемый период ужесточением борьбы американских властей с миграцией с территории Мексики. Однако моделирование показывает высокую вероятность сохранения условий расчета для прогноза на 2030 г., которые предполагают нарастание поляризации в рамках ЭДН, обуславливающей негативное воздействие последней на социально-экономическое развитие

ЮЗШ по причине повышения доли хиспаник даже в условиях снижения миграционного потока из латиноамериканских стран через Мексику. Усиливается тенденция латиноамериканизации ЮЗШ «по рождению».

Таблица 1

Выборка итоговых средних оценок индексов, отражающих динамику ЭДН в ЮЗШ США в 1970–2030 гг.¹¹

Table 1

A sample of final average scores of indices reflecting Dynamics of EDH in the US SWS in 1970–2030

Индексы	Годы						
	1970	1980	1990	2000	2010	2020	2030 ¹
EF_{dist}	0,368	0,421	0,447	0,489	0,523	0,540	0,559
EP_{dist}	0,411	0,455	0,487	0,519	0,567	0,679	0,707
$EF_{dist\ 2020} - EF_{dist\ 1970}$	0,172						
$EP_{dist\ 2020} - EP_{dist\ 1970}$	0,268						
$EF_{dist\ 2030} - EF_{dist\ 1970}$	0,191						
$EP_{2030} - EP_{1970}$	0,314						
$EP_{dist\ 2030} - EP_{dist\ 1970}$	0,296						

Источник: *рассчитано автором по данным переписей населения США.*

Source: *calculated by the author from the US Census data.*

¹ Прогноз при сохранении условий, используемых при расчете индексов.

Окончательные результаты моделирования влияния ЭДН на социально-экономическое развитие ЮЗШ обобщены в таблице 2.

Анализ результатов моделирования подтверждает различие в «силе» и направленности влияния фракционализации (положительное влияние) и поляризации (отрицательное воздействие, со знаком «минус») населения исследуемых штатов на конкретные элементы их социально-экономического развития в пространстве-времени. В частности, динамика инновационной деятельности и ВРП наименее зависит от влияния ЭДН – как по результатам оценки как фракционализации, так и поляризации населения. Напротив, ЭДН, особенно в части поляризации, оказывает не только значительное, но и постоянно возрастающее во времени влияние на маргинализацию населения (естественно, с переменной знака в оценке фракционализации и поляризации) и среднегодовые денежные доходы граждан, проживающих, в первую очередь, в урбанизированных зонах ЮЗШ. Характерно, что влияние ЭДН на бюджетные расходы (из бюджетов всех уровней, включая дотации и программы федерального правительства) меняется в зависимости от экономической конъюнктуры, которая в том числе определяется структурно-циклическими изменениями/сдвигами в американской экономике, когда сочетание рыночных механизмов требует активизации государственного регулирования и прямого финансирования социальных программ по поддержке населения. Данные инструменты приобретают особую значимость в условиях постоянно растущей ЭДН, в рамках которой доминирует негативное влияние хиспаник (поляризации).

¹¹ С целью экономии места в таблице опущены медианные, максимальные и минимальные показатели, стандартные отклонения и значения коэффициентов вариации.

Таблица 2

**Итоговые результаты регрессионного моделирования влияния ЭДН
 на социально-экономическое развитие ЮЗШ США в 1970–2030 гг.¹²**

Table 2

**The final results of regression modeling of the impact of EDH
 on socio-economic development of US SWS in 1970–2030**

Ключевые переменные	Годы						
	1970	1980	1990	2000	2010	2020	2030 ¹
Влияние на ВРПИ (по штатам)							
КП*	7,334	11,181	14,064	17,894	22,327	26,461	32,873
EF_{dist}	0,462	0,712	1,063	1,304	1,577	1,816	2,185
EP_{dist}	-0,483	-0,775	-1,139	-1,372	-1,747	-2,314	-2,787
Влияние на инновационную деятельность (по МСА)							
КП	1,186	3,253	3,322	2,684	2,672	3,171	3,546
EF_{dist}	0,078	0,221	0,271	0,179	0,178	0,257	0,408
EP_{dist}	-0,105	-0,277	-0,353	-0,236	-0,229	-0,442	-0,930
Влияние на человеческий капитал (по МСА)							
КП	10,738	12,332	12,619	15,721	24,327	36,811	51,225
EF_{dist}	0,585	0,779	0,833	1,064	1,503	1,962	2,585
EP_{dist}	-0,873	-1,250	-1,341	-1,652	-2,393	-2,768	-3,246
Влияние на среднедушевые денежные доходы (по штатам и МСА)							
КП	25,327	42,894	73,624	107,140	168,395	213,947	274,280
EF_{dist}	2,073	2,368	2,612	3,070	3,633	4,042	4,803
EP_{dist}	-3,272	-3,906	-4,436	-6,048	-7,708	-9,492	-11,282
Влияние на бюджетные расходы (по штатам)							
КП	18,548	27,826	27,324	38,030	40,692	49,231	57,114
EF_{dist}	0,887	1,502	1,470	2,107	2,146	2,352	2,636
EP_{dist}	-1,251	-1,790	-1,773	-2,286	-2,320	-2,578	-2,929
Влияние на маргинализацию населения (по штатам и МСА)							
КП	39,338	63,172	97,633	146,935	198,374	251,094	333,836
EF_{dist}	-2,675	-3,041	-3,462	-3,912	-4,450	-4,922	-5,631
EP_{dist}	3,710	4,346	4,804	6,193	7,938	9,757	11,344

Источник: рассчитано автором по данным официальной статистики США.

Source: calculated by the author based on US official statistics.

*Обозначения: КП – контрольные переменные.

¹ Прогноз при сохранении условий, используемых в моделировании.

¹² С целью экономии места в таблице: 1) опущены средние значения, стандартные отклонения и ошибки используемых в моделировании независимых факторных переменных, а также коэффициенты при первых разностях; 2) значения в графе «контрольные переменные» приведены к средним.

Также в связи со структурной цикличностью развития – в частности, со сменой технологических и мирохозяйственных укладов – представляет особый интерес выявленный пространственно-временной динамизм влияния ЭДН на инновационную деятельность и человеческий капитал в МСА ЮЗШ. Указанное влияние наиболее четко отражает тенденцию начавшейся регионализации в США. Данное явление наблюдается в мезоэкономических территориальных системах таких высокоразвитых штатов, как Калифорния и Техас¹³. Последние, судя по динамике результатов соответствующих регрессий, уже с 1990–2000-х гг. явно испытывают негативное давление этнической поляризации. Главное противоречие, которое негативно влияет на социально-экономическое развитие ЮЗШ, – между высококвалифицированным трудовым потенциалом преимущественно белого американского населения этих территорий и критически возросшей низкообразованной (часто нетрудовой маргинализированной) массой мексиканцев и иных хиспаник. Влияние последних явно превышает – но пока не нивелирует – вклад высококвалифицированных трудовых ресурсов белых европейцев по происхождению, а также азиатов (из Юго-Восточной Азии, Китая, Японии, Индии и др.) и даже незначительной части афроамериканцев.

Заключение

Итак, проведенный анализ темпов роста влияния ЭДН на социально-экономическое развитие ЮЗШ по годам подтверждает гипотезу № 1. Усиление ЭДН выражается в «размывании» национальной идентичности и увеличении культурной дистанции под влиянием процесса «этно-демографической турбулентности» (ЭДТ), представленного значительными по времени периодами с хаотичной ЭДН. Отмеченная ЭДТ сказывается не только на качественном (экономическое развитие, социальные условия жизни людей), но и количественном (экономический рост, выраженный посредством динамики показателей ВРП, востребованных инноваций, человеческого капитала и др.) изменении характера и объемов расширенного воспроизводства региональных и городских экономических систем ЮЗШ.

Более того, предпринятая автором попытка смоделировать будущее развития ЮЗШ на период до 2030 г. позволяет прогнозно и гипотетически предполагать формирование специфического механизма условной «окраинной, приграничной регионализации» в США. Результаты моделирования выявляют как минимум два фактора, которые определяют среднесрочное формирование особого типа регионализации «по-американски»:

- переход от экономического федерализма к экономической регионализации (хоть и в начальной стадии), доминирующий в экономически развитых штатах – Калифорнии и Техасе;

- «периферийное размывание американской нации», которое регионализирует национальную идентичность в поляризованной системе ментальных отношений «Запад – неЗапад».

Первый фактор объективно выступает базисом для усиления влияния второго.

¹³ Следует заметить, что из четырех анализируемых Штатов два – Калифорния и Техас – выступают не только «геоэкономическими центрами» национальной хозяйственной и инновационной системы США, но и имеют мировое значение как субъекты внешнеэкономической деятельности (в первую очередь, Калифорния) наряду с важнейшими региональными инновационными и экономическими системами штатов Северо-Востока страны (прежде всего Нью-Йорком).

При сравнении результатов моделирования между собой (регрессионных моделей влияния ЭДН на конкретные элементы роста и развития ЮЗШ) полностью подтверждается гипотеза № 2. Эмпирические результаты показывают, что негативное воздействие ЭДН последние 50 лет было наиболее опасно для социального контекста (преимущественно в плане маргинализации населения и динамики бюджетных расходов). В последнее десятилетие (2010-е гг.) и в прогнозе на 2030 г. сравнительно возрастает отрицательное влияние исследуемой неоднородности (особенно в части поляризации) на экономические процессы в геопространстве граничащих с Мексикой штатов США. Оно обусловлено тем, что с 2010-х гг. усиливается негативное воздействие быстро растущей доли хиспаник, доминирующей в ЮЗШ. Нельзя не заметить, что маргинальная составляющая поляризации «хиспаник – белые европейского происхождения» в прогнозе на ближайшее десятилетие будет входить в противоречие с экономическими интересами общественных элит калифорнийского и тexasского «геоэкономических центров» США, представленных белыми.

В связи с данной особенностью следует также отметить, что институты и инструменты экономического федерализма, которые США использовали на протяжении рассматриваемого времени, требуют внесения принципиальных «поправок» из-за развития в ЮЗШ ЭДТ. Такая турбулентность отличается не просто повышенной поляризацией структуры полиэтничного общества на территориях четырех пограничных с Мексикой штатов США, ядрами социально-экономического развития которых выступают определяемые в качестве трех мегарегионов расселения урбоориентированные территориальные системы, но и расшатывает национальную систему доверия, укоренившихся навыков и предпочтений субъектов хозяйствования.

В дальнейшем автор видит необходимость сравнительного исследования изученного в настоящей работе влияния ЭДН на социально-экономическое развитие ЮЗШ с аналогичным влиянием в пространстве-времени пограничных американо-канадских территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буфетова А.Н., Коломак Е.А. (2021) Национальная неоднородность в регионах России: оценка, изменение, влияние на экономическое развитие // Вопросы экономики. № 1. С. 120–142. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-1-120-142.
- Володин А.А. (1984) США: Экономика и местные органы власти. М.: Наука. 143 с.
- Гарбузов В.Н. (2020) Свет и тени американской исключительности // США & Канада: экономика, политика, культура. Т. 50. № 11. С. 5–21. DOI: 10.31857/S268667300012339-2.
- Геевский И.А., Червонная С.А. (1985) Национальный вопрос в общественно-политической жизни США. М.: Наука. 273 с.
- Глигич-Золотарева М.В. (2021) На пороге новой регионализации // Федерализм. Т. 26. № 1. С. 165–186. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-1-165-186.
- Дискин И.Е. (2021) Нация и легитимность // Общественные науки и современность. № 4. С. 132–145. DOI: 10.31857/S086904990016458-5.
- Клупт М.А. (2022) Запад, не-Запад и стратегии политической борьбы на демографическом поле // Общественные науки и современность. № 1. С. 78–90. DOI: 10.31857/S0869049922010051.
- Минат В.Н. (2022) Мезоэкономическое моделирование структурных сдвигов промышленности США: отраслевая и пространственная составляющие // Экономическая наука современной России. № 1. С. 94–109. DOI: 10.33293/1609-1442-2022-1(96)-94-109.

- Несена М.В. (2015) Влияние культурного разнообразия регионов России на экономические показатели // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 72–85.
- Петровская Н.Е. (2021) Молодежный рынок труда в США // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 66–78. DOI: 10.31857/S086904990014322-6.
- Смирнягин Л.В. (1989) Районы США: портрет современной Америки. М.: Мысль. 379 с.
- Читтам Т.В. (2020) Вторая гражданская война в США. Разрушение Америки? Пер. с англ. М.: Книжный мир. 384 с.
- Штоюнда Е.М. (2021) Федерализм эпохи глобальной турбулентности // *США & Канада: экономика, политика, культура*. Т. 51. № 4. С. 54–72. DOI: 10.31857/S268667300014339-2.
- Brown C., Holman E., Wichmann S. (2008) Automated Classification of the World's Languages // *Language Typology and Universals*. Vol. 61. No. 4. Pp. 285–308. DOI: 10.1534/stuf.2008.0026.
- Desmet K., Le Breton M., Weber S. (2011) The Stability and Breakup of Nations: A Quantitative Analysis // *Journal of Economic Growth*. Vol. 16. No. 183. Pp. 322–338. DOI: 10.1007/s10887-011-9068-z.
- Esteban J., Ray D. (1994) On the Measurement of Polarization // *Econometrica*. Vol. 62. No. 4. Pp. 819–851. DOI: 10.2307/2951734.
- Esteban J., Ray D. (1999) Conflict and Distribution // *Journal of Economic Theory*. Vol. 87. No. 2. Pp. 379–415. DOI: 10.1006/jeth.1999.2549.
- Fearon J. (2003) Ethnic and Cultural Diversity by Country // *Journal of Economic Growth*. Vol. 8. No. 2. Pp. 195–222. DOI: 10.1023/A:1024419522867.
- Geng D. (2012) Identifying the Unique Polarization Index: A Mean-Preserving Axiomatic Approach // *Journal of Public Economic Theory*. Vol. 14. No. 5. Pp. 791–812. DOI: 10.1111/j.1467-9779.2012.01562.x.
- Horowitz D. (1985) *Ethnic Groups in Conflict: Theories, Patterns, Policies*. Berkeley: University of California Press.
- Keefer P., Knack S. (2002) Polarization, Politics and Property Rights: Links between Inequality and Growth // *Public Choice*. Vol. 111. No. 1–2. Pp. 127–154. DOI: 10.1023/A:1015168000336.
- Laitin D. (2000) What is a Language Community? // *American Journal of Political Science*. Vol. 44. No. 1. Pp. 142–155. DOI: 10.2307/2669300.
- Melitz J., Toubal F. (2014) Native Language, Spoken Language, Translation and Trade // *Journal of International Economics*. Vol. 93. No. 2. Pp. 351–363. DOI: 10.1016/j.jinteco.2014.04.004.

REFERENCES

- Brown C., Holman E., Wichmann S. (2008) Automated Classification of the World's Languages. *Language Typology and Universals*. vol. 61, no. 4, pp. 285–308. DOI: 10.1534/stuf.2008.0026.
- Bufetova A.N., Kolomak E.A. (2021) Nacional'naya neodnorodnost' v regionah Rossii: oценка, izmenenie, vliyanie na ekonomicheskoe razvitiye [National Heterogeneity in the Regions of Russia: Assessment, Change, Impact on Economic Development]. *Voprosy ekonomiki*. no. 1, pp. 120–142. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-1-120-142.
- Chittam T.V. (2020) *The Second American Civil War. The Destruction of America?* Translation from English. Moscow: Book World. 384 p.
- Desmet K., Le Breton M., Weber S. (2011) The Stability and Breakup of Nations: A Quantitative Analysis. *Journal of Economic Growth*. vol. 16, no. 183, pp. 322–338. DOI: 10.1007/s10887-011-9068-z.
- Diskin I.E. (2021) Naciya i legitimnost' [Nation and Legitimacy]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 132–145. DOI: 10.31857/S086904990016458-5
- Esteban J., Ray D. (1994) On the Measurement of Polarization. *Econometrica*. vol. 62, no. 4, pp. 819–851. DOI: 10.2307/2951734.

Esteban J., Ray D. (1999) Conflict and Distribution. *Journal of Economic Theory*. vol. 87, no. 2, pp. 379–415. DOI: 10.1006/jeth.1999.2549.

Fearon J. (2003) Ethnic and Cultural Diversity by Country. *Journal of Economic Growth*. vol. 8, no. 2, pp. 195–222. DOI: 10.1023/A:1024419522867.

Garbuzov V.N. (2020) Svet i teni amerikanskoj isklyuchitel'nosti [Lights and Shadows of American Exceptionalism]. *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. vol. 50, no. 11, pp. 5–21. DOI: 10.31857/S268667300012339-2.

Geevskij I.A., Chervonnaya S.A. (1985) *Nacional'nyj vopros v obshchestvenno-politicheskoj zhizni SShA* [The National Question in the Public and Political Life of the USA]. Moscow: Nauka. 273 p.

Geng D. (2012) Identifying the Unique Polarization Index: A Mean-Preserving Axiomatic Approach. *Journal of Public Economic Theory*. vol. 14, no. 5, pp. 791–812. DOI: 10.1111/j.1467-9779.2012.01562.x.

Gligich-Zolotareva M.V. (2021) Na poroge novoj regionalizacii [On the Threshold of New Regionalization]. *Federalizm*. vol. 26, no. 1, pp. 165–186. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-1-165-186.

Horowitz D. (1985) *Ethnic Groups in Conflict: Theories, Patterns, Policies*. Berkeley: University of California Press.

Keefer P., Knack S. (2002) Polarization, Politics and Property Rights: Links between Inequality and Growth. *Public Choice*. vol. 111, no. 1–2, pp. 127–154. DOI: 10.1023/A:1015168000336.

Klupt M.A. (2022) Zapad, ne-Zapad i strategii politicheskoj bor'by na demograficheskom pole [West, Non-West and Strategies of Political Struggle in the Demographic Field]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 1, pp. 78–90. DOI: 10.31857/S0869049922010051.

Laitin D. (2000) What is a Language Community? *American Journal of Political Science*. vol. 44, no. 1, pp. 142–155. DOI: 10.2307/2669300.

Melitz J., Toubal F. (2014) Native Language, Spoken Language, Translation and Trade. *Journal of International Economics*. vol. 93, no. 2, pp. 351–363. DOI: 10.1016/j.jinteco.2014.04.004.

Minat V.N. (2022) Mezoekonomicheskoe modelirovanie strukturnyh sdvigov promyshlennosti SShA: otraslevaya i prostranstvennaya sostavlyayushchie [Mesoeconomic Modeling of Structural Shifts in the US Industry: Sectoral and Spatial Components]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii*. no. 1, pp. 94–109. DOI: 10.33293/1609-1442-2022-1(96)-94-109.

Nesena M.V. (2015) Vliyanie kul'turnogo raznoobraziya regionov Rossii na ekonomicheskie pokazateli [Influence of Cultural Diversity of Russian Regions on Economic Indicators]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 5, pp. 72–85.

Petrovskaya N.E. (2021) Molodezhnyj rynek truda v SShA [Youth Labour Market in the USA]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 2, pp. 66–78. DOI: 10.31857/S086904990014322-6.

Shtoyunda E.M. (2021) Federalizm epohi global'noj turbulentsii [Federalism in the Era of Global Turbulence]. *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. vol. 51, no. 4, pp. 54–72. DOI: 10.31857/S268667300014339-2.

Smirnyagin L.V. (1989) Rajony SShA: portret sovremennoj Ameriki [Neighborhoods of the USA: A Portrait of Modern America]. Moscow: Mysl'. 379 p.

Volodin A.A. (1984) *SShA: ekonomika i mestnye organy vlasti* [USA: Economy and Local Government]. Moscow: Nauka. 143

Информация об авторе

Минат Валерий Николаевич, кандидат географических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Рязанского государственного агротехнологического университета имени П.А. Костычева. Адрес: Костычева ул., д. 1, 390044, Рязань. E-mail: minat.valera@yandex.ru

About the author

Valery N. Minat, Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, Department of Economics and Management, Ryazan State Agrotechnological University named after P.A. Kostychev. Address: 390044, Ryazan, Kostycheva Street, 1. E-mail: minat.valera@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 04.06.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 21.07.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 28.07.2022

DOI: 10.31857/S0869049922050057
EDN: FADWHV

ФИНАНСЫ И ПРАВО FINANCES AND LAW

Оригинальная статья / Original Article

Публичный финансовый контроль в условиях современного российского федерализма: актуальные проблемы и пути их решения¹

© О.И. ЛЮТОВА, М.А. ШИЧАНИН

Лютова Ольга Игоревна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), olyutova@hse.ru. ORCID: 0000-0002-6603-8859

Шичанин Михаил Алексеевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), mshichanin@hse.ru. ORCID: 0000-0002-7361-1502

В настоящее время в России остро стоит проблема развития федеративных отношений в аспекте определения баланса полномочий федерального центра и регионов. С точки зрения финансового права, подобные процессы в наибольшей степени коррелируются с проблемой построения эффективной модели публичного финансового контроля. Актуальное правовое регулирование организации и осуществления контрольных полномочий финансовыми органами характеризуется отсутствием системности, что приводит к невозможности построения такой модели финансового контроля, которая будет основана на единстве целей, принципов и согласованности действий контрольных органов, а также учитывать особенности развития финансовых систем регионов. Представлены предложения по совершенствованию бюджетного и налогового законодательства, связанного с распределением компетенции финансово-контрольных органов, которые были сформулированы с применением зарубежного опыта правового регулирования организации и деятельности государственных органов в области публичного финансового контроля. Особое внимание уделяется совершенствованию правового регулирования и правоприменения в сфере финансового контроля, происходящего под влиянием активного развития цифровых технологий – в том числе технологии распределенного реестра (блокчейн).

¹ Финансирование. Исследование подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20–311–90010 «Трансформация системы публичного финансового контроля в условиях цифровизации публичного управления».

Funding. The reported study was funded by Russian Federation of Basic Research (RFBR), project No. 20–311–90010 “Transformation of the public financial control system in the context of digitalization of public administration”.

Ключевые слова: публичный финансовый контроль, федерализм, централизация, децентрализация, контрольные полномочия, цифровизация, цифровые технологии

Цитирование: Лютова О.И., Шичанин М.А. (2022) Публичный финансовый контроль в условиях современного российского федерализма: актуальные проблемы и пути их решения // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 144–155. DOI: 10.31857/S0869049922050057, EDN: FADWHV.

Public Financial Control in the Conditions of Modern Russian Federalism: Acute Problems and Their Solutions

© O. LYUTOVA, M. SHICHANIN

Olga I. Lyutova, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), olyutova@hse.ru. ORCID: 0000-0002-6603-8859

Mikhail A. Shichanin, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), mshichanin@hse.ru. ORCID: 0000-0002-7361-1502

Abstract. Currently, the problem of the development of federal relations in Russia is acute in terms of determining the balance of powers of the federal center and the regions. From the point of view of financial law, such processes are most correlated with the problem of building an effective model of public financial control. The current legal regulation of the organization and exercise of control powers by financial authorities is characterized by a lack of consistency, which leads to the impossibility of building a model of financial control which will be based on the unity of goals, principles and coordination of actions of control bodies, and will be taking into account the peculiarities of the development of financial systems of the regions. The paper presents proposals for improving budget and tax legislation related to the distribution of competence of financial control bodies, formulated using foreign experience in legal regulation of the organizations and activities of state bodies exercising public financial control. Particular attention is paid to improving legal regulation and enforcement in the field of financial control, which is influenced by the active development of digital technologies, including the use of distributed ledger technology (blockchain).

Keywords: public financial control, federalism, centralization, decentralization, control powers, digitalization, digital technologies

Citation: Lyutova O., Shichanin M. (2022) Public Financial Control in the Conditions of Modern Russian Federalism: Acute Problems and Their Solutions. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 144–155. DOI: 10.31857/S0869049922050057, EDN: FADWHV.

Введение

В федеративных государствах вопрос распределения полномочий между центральной и региональными властями традиционно становится предметом многочисленных научных дискуссий. Не стала исключением и наука финансового права, в которой, как известно, категория федерализма весьма популярна среди исследователей. Данный факт обусловлен в том числе тем, что применение принципов устройства федеративного государства неразрывно связано с публичным финансовым контролем. Система органов публичного финансового контроля и их компетенция напрямую зависят от принципиальной позиции государства относительно его территориального устройства.

Общая характеристика современной модели российского финансового федерализма

Общепринято, что федерализм представляет собой сочетание двух принципов – централизации и децентрализации, объем и содержание которых раскрывает, например, С.А. Авакьян: «централизм органически присущ государству и объективируется в том, что определенные функции могут и должны быть присущи только ему в целом и никак не могут быть отданы территориальным единицам как частям государства» [Авакьян 2005]. В финансовом праве вопросы соотношения объемов централизации и децентрализации анализируют в основном при поиске ответов на вопросы о понятии бюджетного [Белозерова 2019; Ильин 2021; Либерман 2013] и фискального [Зайцев 2017; Лютова 2013; Садчиков 2021] федерализма.

Что касается российской модели бюджетного федерализма, ее в литературе характеризуют как смешанную, для которой свойственно постоянное усиление контроля (в том числе финансового) со стороны центральной власти, при этом на местах функционируют независимые органы публичного управления [Лагутин 2017]. Можно предположить, что тенденция к централизации объединяет все виды финансового федерализма ввиду взаимосвязанности налоговой и бюджетной политики.

Условием применения смешанной модели финансового федерализма можно назвать формирование аналогичной модели публичного финансового контроля, которая предполагает такое развитие его правового регулирования, при котором постоянно расширяются финансово-контрольные полномочия центральной власти за счет ограничения соответствующей компетенции регионов. Как отмечают исследователи, для реализации подобной модели бюджетного федерализма в современной российской действительности необходимо тесное сотрудничество региональных и центральных государственных органов власти в процессе активизации механизма бюджетного выравнивания территорий [Иванов 2010], а также усиление ответственности федерального центра за эффективность перераспределения региональных государственных финансов. Помимо перечисленных факторов, для успеха смешанной модели бюджетного федерализма необходимо повышать роль межбюджетных трансфертов из вышестоящих бюджетов нижестоящим.

По мнению авторов, развитию смешанной модели бюджетного федерализма в России могло бы способствовать:

- развитие правового регулирования различных форм бюджетного сотрудничества региональных и центральных органов власти и иных лиц;
- повышение роли региональных властей в процессе распределения доходов (прежде всего налоговых);
- приоритетность политики горизонтального бюджетного выравнивания, возложение на федеральный центр дополнительных обязанностей, связанных с обеспеченностью региональных государственных бюджетов, уровнем социально-экономического развития территорий, что приведет к усилению контроля со стороны центра и ограничению самостоятельности региональных властей.

В то же время направление дальнейшей децентрализации традиционно рассматривается в финансово-правовой литературе как позитивное и весьма прогрессивное, поскольку это первый шаг к созданию такого механизма правового обеспечения доходов региональных бюджетов, при котором бюджеты субъектов Российской Федерации и муниципальных образований будут самодостаточными [Лагутин 2017].

В силу данной особенности актуален вопрос о том, как внедрить политику фискальной децентрализации в современной России, и, что более важно, – как успешно ее воплощать.

Ответ на него позволит создать теоретическую модель эффективной реализации федеративных отношений с учетом современных реалий, а также позитивно повлиять на существующую практику неэффективного бюджетного финансирования регионов.

Прежде всего необходимо отметить, что авторы считают ключевым препятствием на пути развития финансового федерализма отсутствие основ правового регулирования распределения компетенции центральных и региональных органов власти при осуществлении финансового контроля, поскольку федеральный закон о финансовом контроле так и не приняли.

Как известно, в июле 2020 г. появился Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»². Несмотря на его неоспоримую ценность, указанный нормативный акт не содержит в себе общих положений, регулирующих публичный финансовый контроль – один из важнейших видов государственного контроля. В силу данного обстоятельства вопрос разработки и принятия нормативного акта о публичном финансовом контроле продолжает оставаться актуальным. Так, по мнению Е.Ю. Грачевой, принятие закона (о финансовом контроле) по-прежнему необходимо. Он должен быть направлен на регулирование, в частности, следующих вопросов: определение понятия и видов финансового контроля, понятия государственного финансового контроля, понятия надзора и его отличия от контроля; определение форм и методов финансового контроля; формулировка его целей, задач, принципов; установление стандартов контрольной деятельности органов финансового контроля. Закон станет правовой базой формирования и осуществления финансового контроля в субъектах Российской Федерации, а также в муниципальных образованиях [Грачева 2014].

По мнению авторов, стоит дополнительно обосновать необходимость принятия отдельного закона о публичном финансовом контроле. Подтверждается это следующим.

Во-первых, представляется справедливым утверждение о том, что «... интеграция всех видов контроля над публичными ресурсами и их систематизация в рамках одного закона о финансовом контроле (что неоднократно предлагалось и продолжает предлагаться в доктрине) кажется невозможной и нерациональной в силу того, что финансовый контроль – не собирательное понятие, а явление с отличительными признаками ...» [Рябова 2019]. Можно согласиться с тем, что признаки федерального, регионального и муниципального финансового контроля могут различаться – в том числе в связи с тем, что, согласно распространенному в доктрине финансового права мнению, понятие публичного финансового контроля охватывает такие его виды, как налоговый, валютный, бюджетный и другие. Перечисленные разновидности финансового контроля, безусловно, имеют общие характеристики, однако обладают и множеством различий, поскольку возникают на основе реализации различных с точки зрения особенностей правового регулирования общественных отношений. В частности, налоговый, валютный, бюджетный и другие виды государственного (муниципального) контроля преследуют разные цели и задачи, у них различаются субъекты и объекты и т. д. [Шичанин 2020]. Подобные различия существенно влияют и на практику соответствующих контрольных правоотношений на федеральном, региональном и местном уровнях.

Во-вторых, отдельные общие положения о публичном финансовом контроле на сегодняшний день регулирует глава 26 БК РФ («Основы государственного (муниципального) финансового контроля»)³. По мнению авторов, вполне логично применять принцип нор-

² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

³ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ.

мативной экономики, включив правовые нормы о понятии, видах, методах публичного финансового контроля, а также иные его общие характеристики в случае, если соответствующее решение будет принято законодателем, в указанный раздел БК РФ.

Таким образом, можно считать закономерным, что на сегодняшний день существует необходимость построить единую систему публичного финансового контроля, квинтэссенцией которой будет не строгая иерархия и подчинение нижестоящих по уровню финансово-контрольных органов вышестоящим, но которая будет основана на единстве целей, принципов и согласованности действий контрольных органов при учете особенностей развития финансовых систем регионов.

Актуальные направления развития финансового федерализма России

Для преодоления указанных сложностей возможны два варианта решения.

Первый вариант – предоставить субъектам федерации широкую автономию в финансово-контрольной сфере за счет трансформации правового регулирования вопроса распределения компетенции центра и регионов. Самостоятельность субъектов должна проявляться в независимости их контрольно-счетных органов при финансовом контроле – за счет наделения их соответствующей компетенцией, регулируемой законами субъектов.

Следует уточнить, что подобная новелла не будет противоречить принципу единства бюджетной системы Российской Федерации (ст. 29 БК РФ), который предполагает «...единство бюджетного законодательства Российской Федерации, принципов организации и функционирования бюджетной системы Российской Федерации, форм бюджетной документации и бюджетной отчетности, бюджетной классификации бюджетной системы Российской Федерации» и т. д.

Так, С.И. Иловайский, характеризуя феномен бюджета как собирательное явление, выделял признаки его внутреннего и внешнего единства: «Внутреннее единство бюджета выражается в единстве бюджетного баланса и нарушается необъединенностью, множественностью бюджетных балансов. Внешнее единство бюджета выражается в единстве 1) бюджетного документа и 2) бюджетной системы» [Иловайский 1912]. Соответственно, принцип единства бюджетной системы нельзя понимать буквально и излишне централизовать бюджетные полномочия на федеральном уровне, поскольку «...субъекты Российской Федерации и муниципальные образования также вправе регулировать бюджетные правоотношения путем принятия соответствующих нормативных правовых актов. Однако пределы регулирования бюджетных отношений субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями устанавливаются на федеральном уровне» [Арзуманова, Артемов, Болтинова и др. 2017].

Также для исследования вопросов перераспределения полномочий финансово-контрольных органов важен соответствующий зарубежный опыт. Например, в Германии функционирование контрольных органов осуществляется при следующих условиях: «Во-первых, наделение субъекта контроля полномочиями по инициированию отставки главы исполнительной власти по основаниям, закрепленным законодательно. Во-вторых, разработка и внедрение финансово-аналитических систем контрольных программ на всех уровнях осуществления финансового контроля (особенно актуально данное предложение для муниципальных контрольно-счетных органов России)» [Алексеева 2016].

Не менее интересен опыт организации публичного финансового контроля в Европейском союзе: «Организация единой системы европейского финансового контроля сталкивается с разными национально-государственными традициями и стандартами, с различием в

правовых системах... согласно Маастрихтскому договору 1992 г. был создан такой орган, как Суд аудиторов, играющий роль европейской счетной палаты. Этот орган состоит из 15 членов, каждый из которых представляет свою страну и назначается Советом министров ЕС. Предварительно кандидатуры тщательно изучаются Европейским парламентом» [Пашенцев 2012].

Если рассматривать такой вариант решения проблемы излишней централизации модели российского финансового контроля, следует отметить, что в Евросоюзе существует возможность создания коллегиального органа финансового контроля на общегосударственном уровне, в который входит по одному представителю от каждой территории, который будет собираться ежегодно для демонстрации отчетов представителей каждого субъекта о проведенных контрольных мероприятиях, выявленных и предотвращенных правонарушениях и т. д. Цель таких собраний заключается в обмене информацией между уровнями власти, а также обменом «лучшими практиками» между контрольными органами, которые функционируют на различных уровнях власти в стране.

Передача регулирования и осуществления публичного финансового контроля исключительно на уровень субъектов будет способствовать развитию российских регионов, а также укреплению федерализма (фискального федерализма) в России. Ведь контроль сам по себе проводят не ради него самого, а ради устойчивого развития, благоприятного социального климата, выполнения государственных программ и т. д.

Тем не менее стоит отметить, что первый способ решения проблемы излишней централизации современной российской модели публичного финансового контроля, помимо несомненных преимуществ, несет в себе и существенные риски, обусловленные его сложностью и трудоемкостью. Так, для его внедрения необходимо внести изменения в Конституцию РФ, бюджетное законодательство и иные нормативные акты. Кроме того, выстраивание модели публичного финансового контроля, основанной на принципах фискального федерализма с применением зарубежного опыта, может занять продолжительное время. Одновременно нет никаких гарантий, что создание и использование данной модели применительно к России окажется в итоге рабочим и успешным вариантом, например, в связи с изменением политических, экономических и иных условий.

Также возможен вариант перераспределения на принципах гармонизации и субсидиарности. «Гармонизация обеспечивает единство бюджетной системы в целом, а субсидиарность – относительную самостоятельность ее нижних уровней, в условиях равенства бюджетов ее уровней. Для государства очень важно найти баланс между этими принципами в бюджетной сфере. В противном случае, если принцип единства будет реализовываться без учета возможности самостоятельности регионов, то форма государственного устройства модифицируется из федеративной в унитарную. И наоборот, если имеет место реализация самостоятельности бюджетов, а принцип единства не соблюдается либо установлены законодательные ограничения для его соблюдения, то тогда невозможно выстроить в государстве стабильную бюджетную систему, фактически не будет целостного государства как такового» [Тулутова 2007]. Соблюдение этих двух принципов, на взгляд авторов, поможет выстроить эффективную модель публичного финансового контроля, которая будет основана на грамотном распределении контрольных полномочий между различными уровнями публичной власти.

Второй вариант решения проблемы излишнего централизма финансового контроля в современной России предполагает непосредственную корреляцию развития модели российского федерализма с процессом цифровизации его организации и осуществления. Действительно, «развитие цифровых технологий побуждает государства реализовывать новую политику на основе новых технологий. Процессы цифровизации проявляются и на

уровне налогово-бюджетных отношений, строящихся на принципе федерализма, основанном на федеративном устройстве государства и на соотношении различных видов публичных интересов (государственных, территориальных и коллективных)» [Леонов 2020].

Как известно, активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в деятельность финансово-контрольных органов дает основание констатировать появление нового принципа – принципа экстерриториальности, который на практике, по мнению авторов, может стать отправной точкой при решении проблемы излишней централизации контрольных полномочий.

Реализация принципа экстерриториальности в финансово-контрольной деятельности предполагает создание единой цифровой платформы для проведения контрольных мероприятий, которая будет покрывать всю территорию Российской Федерации и функционировать вне зависимости от уровня публичного управления. Принцип экстерриториальности на сегодняшний день успешно апробируется в налоговом контроле: «ПК АСК “НДС-2” работает по принципу экстерриториальности, поскольку камеральный налоговый контроль осуществляется с помощью новейших цифровых технологий и сопоставляет данные налогоплательщиков, стоящих на учете в разных налоговых органах. Таким образом, традиционный принцип территориальности налогового контроля, который давно прижился в теории налогового права, постепенно сдает свои позиции. Представляется, что названный подход при осуществлении налогового контроля можно назвать и антикоррупционным» [Цинделиани 2019].

Контрольная деятельность в сфере публичных финансов, осуществляемая с помощью цифровой платформы, должна функционировать на основе ряда принципов. Приведем некоторые из них:

1. Принцип минимизации цифрового риска (киберриска). Благодаря применению информационных технологий контролирующие субъекты в ходе контрольной деятельности получают достаточный объем информации о хозяйственной деятельности и бизнес-процессах подконтрольных объектов. Защита данной информации – вопрос первоочередной важности в настоящий момент. Именно возможность хищения таких сведений и попадание их не в те руки сопутствует увеличению угрозы, которую можно назвать цифровым риском или киберриском. Риск утраты такой информации можно назвать одним из ключевых при контрольных мероприятиях, и на его предотвращение должны быть направлены усилия как контролирующих субъектов, так и подконтрольных объектов. В силу данной особенности минимизация цифрового риска (киберриска) возведена на уровень принципа, применяемого при организации цифровой модели публичного финансового контроля.

2. Принцип невмешательства искусственного интеллекта в деятельность субъектов контроля. Он направлен на надлежащее функционирование цифровых механизмов в контрольной деятельности и позволяет использовать их с максимальной эффективностью. Однако управление искусственным интеллектом, а также его использование по назначению должны осуществлять именно квалифицированные специалисты в конкретной сфере (в данном случае – в сфере публичного финансового контроля).

3. Принцип простоты функционирования информационных технологий в контрольной деятельности. Указанный принцип применяется как при организации публичного финансового контроля, так и при осуществлении государственного контроля в целом. Его смысл заключается в том, что электронные (цифровые) механизмы должны быть одновременно эффективными (действенными) и простыми в обращении (использовании). Данный принцип не отменяет того факта, что для использования информационных технологий в контрольной деятельности необходимы квалифицированные специалисты.

Важно отметить, что единая цифровая платформа будет иметь возможность функционировать при условии использования технологии распределенных реестров (blockchain). Под блокчейном можно понимать структуру «... данных только для добавления связанных набором узлов... Все узлы в сети блокчейн согласовывают упорядоченный набор блоков, каждый из которых содержит несколько транзакций, что позволяет рассматривать блокчейн как журнал упорядоченных транзакций» [Dinh, Wang, Chen, Liu, Ooi, Tan 2017]. Такая технология позволит хранить информацию, полученную в ходе контрольной деятельности. Кроме того, она может выступать в качестве реестра транзакций, осуществляемых при проведении контрольных мероприятий. «Основные преимущества использования технологии распределенного реестра будут заключаться в многократном повышении скорости обмена информацией, обеспечение прозрачности, невозможности внесения изменений и фальсификации данных, построении эффективной системы взаимодействия с объектами контроля, органами внутреннего контроля, контрольно-счетными органами субъектов и иными внешними пользователями» [Бурякова, Варнавский 2019].

Проектирование и внедрение единой цифровой платформы поможет достичь тех целей, которые ставит Федеральное казначейство, говоря о необходимости модернизации финансового контроля. «Модель [финансового контроля] включает в себя все уровни внешнего и внутреннего контроля и взаимодействия между ними в части карт рисков, обмена информацией о результатах контроля и взаимного признания его результатов... Таким образом, для осуществления эффективного финансового контроля необходимо создание единой методологии финансового контроля, исключение дублирования контрольных полномочий и развитие риск-ориентированных подходов к контролю в финансово-бюджетной сфере»⁴.

Авторы не считают, что единая методология контрольных мероприятий в сфере публичных финансов может сделать контроль более эффективным. На каждом уровне его проведения (как субъекта, так и муниципалитета) региональным (местным) контролирующим органам виднее, какую методологию нужно применять при проведении контроля именно в этом регионе или муниципалитете – в этом отчасти и заключается децентрализация финансового контроля. Однако цифровая платформа, по мнению авторов, как нельзя лучше сможет обеспечить исключение дублирования контрольных полномочий и развитие риск-ориентированного подхода к организации финансового контроля.

Немаловажно также прояснить вопрос определения государственного органа-администратора единой цифровой платформы. Если заниматься администрированием будут только государственные органы федерального уровня, возникает риск получить такую модель публичного финансового контроля, которая будет учитывать исключительно общегосударственные, но не региональные интересы. В таком случае модель публичного финансового контроля в России принципиально не изменится и останется преимущественно централизованной. Если же администрирование и техническое сопровождение цифровой платформы отнести к исключительным полномочиям регионов, то, во-первых, интересы «центра» будут учтены в меньшей степени, а во-вторых, появится риск злоупотреблений со стороны регионального уровня власти.

Таким образом, можно сделать вывод, что необходимо применять механизм смешанного администрирования, в котором должны быть задействованы как федеральные, так

⁴ Исаев Э. Для эффективного финансового контроля необходимо создание единой методологии финансового контроля, исключение дублирования контрольных полномочий и развитие риск-ориентированных подходов к контролю в финансово-бюджетной сфере. Росказна. (<https://roskazna.gov.ru/novosti-i-soobshheniya/novosti/1327509/>).

и региональные контролирующие органы. В то же время должен быть соблюден определенный баланс: администрирование в отношении контрольных мероприятий, проводимых на уровне субъектов, должны осуществлять контролирующие органы субъектов, а в отношении мероприятий, проводимых на федеральном уровне – контролирующие органы федерального уровня.

Что касается контроля в отношении использования регионами бюджетных средств, выделяемых из федерального бюджета на условиях софинансирования в рамках национальных (федеральных) проектов и государственных программ, необходимо отметить, что в этом случае для разграничения полномочий контрольных органов федеральной власти и субъектов федерации следует рассматривать сферу финансового контроля, основываясь на теоретических представлениях о его формах и методах. Данный подход связан с тем, что подобное субсидирование носит строго целевой характер, и, соответственно, требует, чтобы расходование средств контролировали те лица и органы, которые имеют реальную возможность оценивать, соответствует ли выполненный проект его первоначальным целям и задачам.

Также стоит отметить, что цифровую платформу надо создавать, предварительно сформировав соответствующую нормативно-правовую базу. При ее отсутствии правовое регулирование, посвященное функционированию данной платформы, будет носить отрывочный характер и не будет способствовать стабильной работе этой системы. Вопрос ее содержания и всех сопряженных с этим процессом вопросов требует отдельного исследования в дальнейшем.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Фискальный федерализм представляет собой сложное многоаспектное явление, а реализация той или иной его модели предопределяется, в том числе, особенностями организации и проведения финансового контроля в государстве.

Авторы обосновывают, что на сегодняшний день в Российской Федерации практикуется смешанная модель фискального федерализма, развитие которой возможно при условии дальнейшего сотрудничества федерального центра и регионов в вопросах бюджетирования, а также повышения роли субъектов Российской Федерации в распределении бюджетных средств.

Авторы предлагают концепцию развития децентрализованных тенденций бюджетного устройства России в контексте трансформации правового регулирования финансового контроля. Особое внимание в исследовании было уделено цифровизации как одному из ключевых факторов такого развития. Действительно, активное внедрение использования технологии «блокчейн», а также создание цифровой платформы для проведения финансово-контрольных мероприятий будет способствовать росту бюджетной автономии регионов. Однако администрирование такой платформы должно осуществляться как с учетом критерия уровня контрольных мероприятий, так и в соответствии со сферой финансового контроля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авакьян С.А. (2005) Конституционно-правовые проблемы централизма, демократии и децентрализации в современном государстве // Конституционное и муниципальное право. № 8. С. 2–6.
- Алексеева М.Г. (2016) Законодательство и опыт зарубежных государств в сфере финансового контроля на муниципальном (местном) уровне // Право и государство: теория и практика. № 8. С. 91–97.
- Арзуманова Л.Л., Артемов Н.М., Болтинова О.В. и др. (2017) Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации (постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект. 306 с.
- Белозерова К.С. (2019) Критерий сбалансированности бюджета и правовые основы его обеспечения в рамках системы бюджетного федерализма // Финансовое право. № 11. С. 28–31.
- Бурякова А.О., Варнавский А.В. (2019) Цифровизация деятельности Счетной палаты Российской Федерации // Управленческие науки. Т. 9. № 4. С. 98–114.
- Грачева Е.Ю. (2014) Государственный финансовый контроль как важнейший инструмент обеспечения публичных интересов в условиях рынка // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 4. С. 20–29.
- Зайцев М.М. (2017) Теоретические основы модели бюджетно-налогового федерализма в Российской Федерации: сущность, принципы, генезис // Актуальные проблемы российского права. № 1. С. 109–115.
- Иванов В.В. (2010) Типология межбюджетных отношений и моделей бюджетного федерализма // Вестник МГТУ. Том 13. № 1. С. 5–14.
- Иловайский С.И. (1912) Учебник финансового права. Под ред. Н.П. Яснопольского. Одесса: издание Е.С. Иловайской. 616 с.
- Ильин И.М. (2021) Конституционная модель бюджетного федерализма России: особенности, проблематика и перспективы конституционной настройки (модернизации) // Конституционное и муниципальное право. № 9. С. 55–58.
- Артемов Н.М., Богданова А.В., Васильева Н.В. и др. (2017) Региональное финансовое право: монография. Ред.: Лагутин И.Б. М.: Юстицинформ. 316 с.
- Леонов А.Н. (2020) Налогово-бюджетные отношения в рамках развития цифровой экономики // В: Бюджетная система государства в условиях развития цифровой экономики: правовые и экономические аспекты: Материалы Международной научно-практической конференции. Отв. ред.: И.А. Цинделиани. М.: РГУП. 643 с.
- Либерман Т.И. (2013) Бюджетный федерализм: концепции, модели, механизмы развития. М. 159 с.
- Лютова О.И. (2013) Игра в налоговый федерализм завершена? // Налоговед. № 5. С. 26–33.
- Пашенцев Д.А. (2012) Система и принципы организации финансового контроля в Европейских странах // Евразийский юридический журнал. № 3. С. 26–28.
- Рябова Е.В. (2019) Публичный финансовый контроль: выявление сущности явления // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. С. 103–123.
- Садчиков М.Н. (2021) Правосубъектность публично-правовых образований в аспекте налогового суверенитета российского государства // Налоги. № 5. С. 13–17.
- Тулупова М.В. (2007) Система принципов бюджетного права Российской Федерации // В: А.Н. Евдокимов, М.В. Тулупова, Е.А. Фуфурин и др. Публичные финансы Российской Федерации: новые подходы к правовому регулированию. Ред.: А.Н. Козырин. М.: Центр публично-правовых исследований. 177 с.
- Анисина К.Т., Бадмаев Б.Г. и др. (2019) Финансовое право в условиях развития цифровой экономики: монография. М.: Проспект. 320 с.
- Шичанин М.А. (2020) Понятие и виды публичного финансового контроля: вопросы правового регулирования // Законодательство. № 9. С. 56–62.

Dinh, T.T.A., Wang, J., Chen, G., Liu, R., Ooi, B.C., Tan, K.-L. (2017) BLOCKBENCH: A Framework for Analyzing Private Blockchains // In: Proceedings of the ACM International Conference on Management of Data. Chicago: Association for Computing Machinery. Pp. 1085–1100.

REFERENCES

Alekseeva M.G. (2016) Zakonodatel'stvo i opyt zarubezhnykh gosudarstv v sfere finansovogo kontrolja na municipal'nom (mestnom) urovne [Legislation and Experience of Foreign States in the Sphere of Financial Control at the Municipal (Local) Level]. *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika*. no. 8, pp. 86–90.

Anisina K.T., Badmaev B.G. (2019) *Finansovoe pravo v uslovijah razvitija cifrovoj jekonomiki* [Financial Law in the Conditions of the Development of the Digital Economy]. Moscow: Prospekt. 320 p.

Artemov N.M., Bogdanova A.V. et al (2017) *Regional'noe finansovoe pravo: monografija* [Regional Financial Law: Monograph]. Ed(s): Lagutin I.B. Moscow: Justicinform. 316 p.

Avakian S.A. (2005) Konstitucionno-pravovye problemy centralizma, demokratii i decentralizacii v sovremennom gosudarstve [Constitutional and Legal Problems of Centralism, Democracy and Decentralization in the Modern State], *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. no. 8, pp. 2–6.

Belozerova K.S. (2019) Kriterij sbalansirovannosti bjudzhetna i pravovye osnovy ego obespechenija v ramkah sistemy bjudzhetnogo federalizma [The Criteria of Budgetary Equilibrium and its Legal Support Bases within the Framework of the Fiscal Federalism System]. *Finansovoe pravo*. no. 11, pp. 28–31.

Buryakova A.O., Varnavskii A.V. (2019) Cifrovizacija dejatel'nosti Schetnoj palaty Rossijskoj Federacii [Digitalization of the Accounts chamber of the Russian Federation]. *Upravlencheskie nauki*. no. 9, pp. 98–114.

Dinh, T.T.A., Wang, J., Chen, G., Liu, R., Ooi, B.C., Tan, K.-L. (2017) BLOCKBENCH: A Framework for Analyzing Private Blockchains. In: *Proceedings of the ACM International Conference on Management of Data*. Chicago: Association for Computing Machinery. Pp. 1085–1100.

Gracheva E.Yu. (2014) Gosudarstvennyj finansovyj kontrol' kak vazhnejshij instrument obespechenija publicnykh interesov v uslovijah rynka [State Financial Control as the Most Important Tool for Ensuring Public Interests in the Market Conditions]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGJuA)*. no. 4, pp. 20–29.

Gracheva E.Yu. (ed.) (2017) *Kommentarij k Bjudzhetnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj)* [Commentary to the Budget Code of the Russian Federation (article-by-article)]. 3rd ed. Moscow: Prospekt. 688 p.

Ilyin I.M. (2021) Konstitucionnaja model' bjudzhetnogo federalizma Rossii: osobennosti, problematika i perspektivy konstitucionnoj nastrojki (modernizacii) [The Constitutional Model of Budgetary Federalism in Russia: Features, Problems and the Constitutional Adjustment (Modernization) Prospect]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. no. 9, pp. 55–58.

Ilovaisky S.I. (1912) *Uchebnik finansovogo prava* [Textbook of Financial Law]. 5th ed. Ed(s): N.P. Yasnopol'ski. Odessa: izdanie E.S. Ilovajskoj. 604 p.

Ivanov V.V. (2010) Tipologija mezhbjudzhetnykh otnoshenij i modelej bjudzhetnogo federalizma [Typology of Inter-Budgetary Relations and models of Fiscal Federalism]. *Vestnik MGTU*. no. 1, pp. 5–14.

Leonov A.N. (2020) Nalogovo-bjudzhetnye otnoshenija v ramkah razvitija cifrovoj jekonomiki [Fiscal Relations in the Framework of Digital Economy Development]. In: Tsindeliani I.A. (ed.). *The Budget System of the State in the Context of the Development of the Digital Economy: Legal and Economic Aspects*. Moscow: RSUJ. Pp. 548–557.

Ljutova O.I. (2013) Igra v nalogovyj federalizm zavershena? [Is the Game of Tax Federalism Over?]. *Nalogoved*, no. 5, pp. 26–33.

Liberman T.I. (2013) *Bjudzhetnyj federalizm: koncepcii, modeli, mehanizmy razvitija* [Fiscal Federalism: Concepts, Models, Mechanisms of Development]. Moscow. 159 p.

Pashentsev D.A. (2012) Sistema i principy organizacii finansovogo kontrolja v Evropejskih stranah [System and Principles of Organization of Financial Control in the European Countries]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal*. no. 46, pp. 26–28.

Ryabova E.V. (2019) Publichnyj finansovyj kontrol': vyjavlenie sushhnosti javlenija [Public Financial Control: Searching of Nature]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki*. no. 2, pp. 103–123.

Sadchikov M.N. (2021) Pravosub'ektnost' publichno-pravovyh obrazovanij v aspekte nalogovogo suvereniteta rossijskogo gosudarstva [The Legal Capacity of Public Law Entities from the Standpoint of Tax Sovereignty of the Russian State]. *Nalogi*. no. 5, pp. 13–17.

Shichanin M.A. (2020) Ponjatie i vidy publichnogo finansovogo kontrolja: voprosy pravovogo regulirovanija [Concept and Types of Public Financial Control: Issues of Legal Regulation]. *Zakonodatel'stvo*. no. 9, pp. 56–62.

Tulupova M.V. (2007) Sistema principov bjudzhetnogo prava Rossijskoj Federacii [The System of Principles of Budget Law of the Russian Federation]. In: Kozyrin A.N. (ed.) *Public Finance of the Russian Federation: New Approaches to Legal Regulation*. Moscow: Center for Public Law Research. Pp. 43–87.

Zaitsev M.M. (2017) Teoreticheskie osnovy modeli bjudzhetno-nalogovogo federalizma v Rossijskoj Federacii: sushhnost', principy, genesis [Theoretical Framework of the Model Fiscal Federalism in the Russian Federation: Essence, Principles, Genesis]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. no. 1, pp. 109–115.

Информация об авторах

Лютова Ольга Игоревна, кандидат юридических наук, Институт государственного и муниципального управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Мясницкая улица, 20, 101000, Москва. E-mail: olyutova@hse.ru

Шичанин Михаил Алексеевич, аспирант факультета права, стажер-исследователь Института исследований национального и сравнительного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Мясницкая улица, 20, 101000, Москва. E-mail: mshichanin@hse.ru

About the authors

Olga I. Lyutova, Candidate of Sciences (Law), Institute for Public Administration and Governance, National Research University Higher School of Economics. Address: 101000, Moscow, Myasnitskaya Ulitsa, 20. E-mail: olyutova@hse.ru

Mikhail A. Shichanin, Post-Graduate Student, Research Assistant, Institute of National and Comparative Legal Studies, National Research University Higher School of Economics. Address: 101000, Moscow, Myasnitskaya Ulitsa, 20. E-mail: mshichanin@hse.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 11.04.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 16.07.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 30.09.2022

DOI: 10.31857/S0869049922050082
EDN: FAWKAU

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ CHALLENGES OF DIGITALIZATION

Оригинальная статья / Original Article

Антропологическая адекватность как показатель человекомерности цифровизации

© И.А. АСЕЕВА

Асеева Ирина Александровна, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Россия, Москва), irinaaseeva2011@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-4172-7762

Процесс цифровизации, бурно протекающий во всех социальных сферах, создает беспрецедентные возможности для обработки и хранения информации, а также новые способы коммуникации людей. В то же время он содержит явные и скрытые риски для человека и общества. В статье разрабатывается понятие антропологической адекватности цифровизации на основе идеи человекомерности результатов технонауки, предложенной в постнеклассической науке. Для конкретизации предложенного понятия введены и раскрыты критерии антропологической адекватности: цифровое благополучие, уровень цифровой грамотности и достаточность технических возможностей для обеспечения запросов пользователей. Социологические замеры, приведенные в исследовании, позволяют соотнести теоретические рассуждения об антропологических проблемах с реальными потребностями пользователей и недостатками цифровизации, а также получить «живой» материал для дальнейших философских обобщений.

Ключевые слова: цифровизация, человекомерность, антропологическая адекватность цифровизации, цифровое благополучие

Цитирование: Асеева И.А. (2022) Антропологическая адекватность как показатель человекомерности цифровизации // Общественные науки и современность. № 5. С. 156–164. DOI: 10.31857/S0869049922050082, EDN: FAWKAU.

Anthropological Adequacy as an Indicator of the Human Dimension of Digitalization

© I. ASEEEVA

Irina A. Aseeva, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), irinaaseeva2011@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-4172-7762

Abstract. Digitalization, which is rapidly taking place in all social spheres, demonstrates unprecedented opportunities for processing and storing information as well as new ways of people's communication. At the same time this process contains obvious and hidden risks for people and society. This article develops the concept of anthropological adequacy of digitalization, grasping the idea of the human dimension of the results of technoscience, which was proposed in post-non-classical science. To concretize the proposed concept, the article introduces criteria of anthropological adequacy: digital well-being, the level of digital literacy and the sufficiency of technical capabilities to meet user requests. Sociological measurements presented in this research allow to correlate theoretical arguments about anthropological problems with the real needs of users and weak points of digitalization, as well as get "live" material for further philosophical generalizations.

Keywords: digitalization, human dimension, anthropological adequacy of digitalization, digital well-being

Citation: Aseeva I.A. (2022) Anthropological Adequacy as an Indicator of the Human Dimension of Digitalization. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 156–164. DOI: 10.31857/S0869049922050082, EDN: FAWKAU.

Введение.

Понятие антропологической адекватности цифровизации

Для решения современных антропологических проблем требуется создать цифровые сетевые платформы и экосистемы, которые обладают антропологической адекватностью. Следует определить и критериально описать данное понятие.

Под антропологической адекватностью цифровых технологий автор будет понимать их приемлемость для человека, способность удовлетворить его сущностные интересы и потребности. Идея отчасти согласуется с понятием «человекоразмерности», которое В.С. Степин ввел, чтобы характеризовать постнеклассическую науку. Понятие отражает корреляцию достижений науки и их антропо-социокультурных измерений. «При изучении "человекоразмерных" объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений практического преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности» [Степин 1989, 16]. Категория человекомерности позволяет переориентировать познание сложных саморазвивающихся систем на трансдисциплинарную методологию, которая учитывает не только объективно-истинные результаты, но и роль, функции, влияние и цели субъекта познания – человека-актора, который конвергирует в своем мышлении природную и социальную соразмерности. Речь здесь может идти о понимании целостности мега-системы «мир-человек» – соответственно, о включении познающего субъекта в процесс познания, о человеческом измерении в прогнозировании последствий и рисков научно-технического прогресса, об осознании своей ответственности за создание человеческих факторов влияния на все уровни мира и т. д.

«Человекоразмерность – понятие постнеклассической науки, раскрывающее отношения между субъектом и объектом познания, актуализирует следующие вопросы:

1 – как познавать самоорганизующиеся системы (познавательный аспект, предлагающий междисциплинарный подход),

2 – как использовать знание о них, как управлять ими, не теряя “собственно человеческое в человеке”, как управлять человекоразмерными системами, чтобы сохранить человека и Природу (технологический аспект)». [Ершова-Бабенко, Гончарова 2015].

Полноту человекоразмерности (или человекомерности, если понимать их как синонимы) можно оценить через осмысление уровня антропологической адекватности новых достижений технауки – в частности, цифровых технологий, которые определяют современный этап развития общества.

Критерии антропологической адекватности цифровизации и их социологические измерения

К значимым универсальным критериям уровня антропологической адекватности относятся: чувство цифрового благополучия, которое может испытывать или не испытывать человек как член общества на современном этапе развития; уровень цифровой грамотности, который позволяет реализовать свои потребности в Интернете; достаточность технических возможностей для обеспечения запросов пользователей.

Индивидуальное и социальное благополучие в цифровой реальности – цель и важнейший принцип для разработки автоматизированных систем управления данными. Эту идею сформулировали в докладе Британской академии и Королевского общества в 2017 г.¹ Цифровое благополучие играет существенную роль в нескольких ключевых социальных сферах: здоровье и здравоохранение, образование и занятость, управление и социальное развитие, экономика и маркетинг, средства массовой информации и индустрия развлечений. Его анализ в указанных областях в последние десятилетия привлекает внимание иностранных и отечественных исследователей и представлен в специальном обзоре научных источников [Асеева 2021]. Возможные риски для гражданского общества, связанные с разработкой, апробацией и внедрением в мировую экономику цифровых сервисов и технологий, также рассмотрены ранее в [Асеева, Буданов 2020; Zotov, Асеева, Буданов, Belkina 2021]. В данной работе предлагается изучить уровень антропологической адекватности цифровизации в России через призму цифрового благополучия граждан, выявить его критерии, проанализировать результаты социологических замеров² с философско-аксиологической точки зрения и понять, насколько вводимые инновации соответствуют человекомерным критериям.

В современных исследованиях благополучие нередко соотносят с качеством жизни человека, которое ожидается изменится под воздействием новых технологий [Feng, Chang, Ming 2017]. Другие ассоциируют его с повышением производительности труда через

¹ IEEE Ethics in action in autonomous and intelligent systems. (<https://ethicsinaction.ieee.org>)

² В декабре 2021 г. было проведено массовое авторское социологическое исследование «Цифровое сетевое пространство российского общества» с целью выявить возможности, опасности и риски социотехнической конвергенции в условиях цифровизации сетевых пространств. Исследование проводилось посредством анкетного опроса комбинированным способом: онлайн-опрос через сервис Google и полевой опрос с использованием личных интервью и бумажной анкеты. Генеральную совокупность исследования составило население Российской Федерации старше 14 лет. Всего было опрошено 1000 человек, но часть анкет была исключена из обработки из-за ошибок, допущенных респондентами при заполнении. В итоге выборочная совокупность составила 930 респондентов.

доступ к интегрированным информационным сервисам и снижением социального неравенства [Khoury, Ioannidis 2014], третьи усматривают в нем ресурс для развития человеческого потенциала на основе вовлеченности человека в творческие и интеллектуальные практики [Calvo, Peters 2014; Peters, Calvo, Ryan 2018].

Выражение «цифровое благополучие» фиксирует положительное влияние цифровых технологий на жизнь человека в информационном обществе [Floridi 2014]. В то же время влияние цифровых технологий амбивалентно: большие новые возможности и эффекты от их применения неизбежно сопровождают явные и отсроченные риски и угрозы.

Цель данного исследования – оценить уровень и объем антропологической адекватности использования цифровых технологий в России через призму социологических исследований, а также осмыслить человекомерный потенциал цифровизации.

В качестве гипотезы автор предлагает утверждение о том, что цифровизация в России лишь частично соответствует антропологической адекватности, критериями которой будет считаться комплекс оценок цифровых технологий, которые так или иначе влияют на жизнь респондентов. Именно упомянутые составляющие цифрового благополучия были подробно изучены в ходе исследования [Асеева, Белкина 2022]. В результате массовых опросов установлено, что почти половина опрошенных отмечали существенные изменения в своей жизни за последние три года. Изменения особенно ускорились в связи с пандемией и введением карантинных мер, способствуя переносу многих услуг и контактов в Интернет. Однако важно отметить, что многие респонденты возрастной группы старше 60 лет, которые предпочитают личное общение виртуальному, практически не почувствовали в своей жизни значительного трансформирующего влияния цифровых информационно-коммуникативных технологий.

Уровень дохода также оказался значимым фактором. Респонденты с высоким уровнем благосостояния высказали мнение, что цифровые сервисы внесли определенные изменения в их повседневную жизнь (41,5%); около 36% сказали, что такие сервисы изменили ее кардинальным образом. В то же время на жизни трети людей с низким уровнем дохода активная деятельность в Интернете никак не отразилась.

Выявленная разница в отношении к цифровизации и в оценке ее влияния на жизнь респондентов в зависимости от возраста, образования и уровня доходов может свидетельствовать о том, что в российском обществе отсутствует стабильное чувство цифрового благополучия.

Использование новых информационно-коммуникативных технологий, способность оценить и успешно применять их в повседневной жизни и работе было бы невозможно без достаточного уровня развитости цифровых компетенций пользователя. Цифровые компетенции – комплексный показатель, который предполагает не только технические навыки работы в Интернете, но и способность оценить качество контента, а также понимание неких нравственных правил и норм, регулирующих поведение пользователей в сети. По определению Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, «цифровая грамотность включает в себя умение пользоваться поисковыми системами и находить нужную и полезную информацию, способность отличить добросовестные и вызывающие доверие источники информации от недобросовестных, знание о системах родительского контроля и умение ими пользоваться»³. Сформированность цифровых компетенций – маркер цифровой грамотности. Аналитический центр НАФИ ежегодно

³ Цифровая грамотность. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 1 апреля 2019. (<https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/540/>).

проводит мониторинг цифровой грамотности⁴. Индекс рассчитывают по методологии DigCompSAT. В рамках данной концепции цифровые компетенции анализируют по 5 основным параметрам: информационная грамотность – поиск и работа с информацией в интернете; коммуникативная грамотность – пользование онлайн-сервисами и соблюдение этических норм в сети; создание и редактирование цифрового контента; цифровая безопасность – оценка рисков мошенничества и манипуляций в Интернете, защита персональных данных и ответственное отношение к ним; навыки решения проблем в цифровой среде – пользование мобильными приложениями и компьютерными программами для выполнения повседневных задач. Данные НАФИ демонстрируют постоянный рост цифровой грамотности россиян, судя по этим показателям. Вместе с тем, методика не позволяет определить уровень развитости навыков защиты личных данных и упускает показатели этичности использования цифровых технологий.

Исследование «Цифровое сетевое пространство российского общества» выявило зависимость между частотой использования цифровых сервисов и уровнем владения ими. Так, исходя из данных опроса, чем выше у респондентов уровень владения цифровыми платформами и сервисами, тем чаще они ими пользуются. В то же время, судя по ответам на вопросы анкеты, респонденты осознают нехватку умений и знаний пользования сервисами. 27,8% профессионалов, 24,1% уверенных пользователей, 45,8% начинающих и 40% не владеющих компьютером ответили, что недостаток компетентности может повлиять на отношение к цифровизации. Следует отметить, что уровень владения технологическими навыками коррелирует со степенью удовлетворенности качеством цифровых платформ разного типа и активностью использования новых цифровых ресурсов. Так, начинающие пользователи, которые работают лишь со стандартными приложениями, пользуются новыми сервисами только по необходимости – в крайнем случае. Респонденты, которые не владеют навыками работы с цифровыми платформами и сервисами, в большей степени противятся принятию цифровых услуг. Также важно обратить внимание на то, что россияне отдают явное предпочтение сервисам, экономящим время и усилия. В то же время платформы для расширения интеллектуальных и статусных возможностей, связанных с получением новых навыков или профессий, они посещают не активно или совершенно их игнорируют – независимо от места жительства, возраста и уровня дохода респондентов.

Важным показателем антропологической адекватности цифровых технологий можно считать техническую возможность воплощения замыслов, интересов и потребностей пользователей с помощью цифровых ресурсов. Согласно результатам исследования, именно ограниченность средств или доступа в сеть Интернет субъективно ощущается как труднопреодолимое препятствие для распространения цифровизации в нашей стране. Так, 54,7% респондентов совершенно разных уровней владения компьютером – от профессионалов до начинающих пользователей – считают значимой помехой цифровизации технологическую отсталость. Среди технических факторов, негативно влияющих на отношение пользователей к цифровизации, респонденты называют:

- отсутствие «нормального» доступа в сеть Интернет (55,7% независимо от места жительства, образования, уровня дохода и возраста);
- высокую стоимость пользования цифровыми платформами (61,8% независимо от места жительства, образования, уровня дохода и возраста);

⁴ Вынужденная цифровизация: исследование цифровой грамотности россиян в 2021 году. Аналитический центр НАФИ. 18 мая 2021. (<https://nafu.ru/analytics/vynuzhdennaya-tsifrovizatsiya-issledovanie-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-v-2021-godu/>).

- отсутствие техники (смартфона, планшета, компьютера) для работы с сервисами (44,6% независимо от места жительства, образования, уровня дохода и возраста).

Также важно отметить, что в ответах заметна корреляция между уровнем дохода респондента и факторами, которые влияют на выбор цифровых платформ. Можно предположить, что у ответивших на вопросы просто нет финансовой возможности приобрести и оценить надежность работы, варианты использования в профессиональной сфере, удобство интерфейса платформы, простоту работы и безопасность данных. Отметим, что лица с низким уровнем дохода гораздо хуже оценивали эти характеристики цифровых платформ, чем респонденты из других категорий.

Разномасштабность человекомерности цифровизации

Возвращаясь к исходному тезису о возможности оценить полноту человекомерности цифровизации на основе рефлексии над гуманистическими ценностями и социо-антропологическими рисками этого процесса следует выделить три масштабных уровня, на которых заметны и возможности, и негативные последствия цифровых информационно-компьютерных технологий.

Первый уровень – в масштабе отдельной личности, включенной в процесс тотальной цифровизации. Ю.В. Катасонов отмечает, что «незаметно на стыке XX–XXI веков *Homo sapiens* стал превращаться в *Homo digital* – “человека цифрового”» [Катасонов 2019, 68]. Проникновение цифровых технологий в повседневные, даже бытовые, практики создает впечатление расширения человеческих возможностей за счет выхода в киберпространство наряду с физическим, беспрецедентного увеличения скорости и объема получения, обработки, размещения персональной информации и обмена ею, разнообразия способов коммуникации. Однако за оптимистическими мнимостями стоит переориентация мышления с более сложной (текстовой) на более простую (так называемое «клиповое сознание») образную форму, деградация критического подхода к воспринимаемой информации, обесценивание человеческой жизни и склонность к опасным авантюрам – как будто можно будет все переиграть или понизить уровень сложности игры. «Можно сказать, что для самого человека открывшаяся свобода стала проблемой, но решать ее он должен уже не сообща, а лично, поскольку его средства коммуникации являются его личным, если использовать термин Г. Маклюэна, расширением, и только он может найти выход сам для себя. Каждый раз индивид обновляет свою среду коммуникации, свою персональную вселенную, рискуя замкнуться в ней, не удержав внимание на среде своего развития, ближайшей коммуникации» [Ярославцева 2020, 249–250].

Второй уровень – в масштабе социальных связей и институтов. Цифровизация кардинально трансформирует социальную структуру общества, добавляя новые горизонтальные сетевые взаимодействия и вертикальные связи, представленные, например, технологиями системы безопасности и контроля, производственного цикла и логистики, государственного цифрового управления и т. д. Цифровые технологии как человекомерный инструмент доступен значительному количеству людей с достаточно поверхностными навыками, разного возраста и уровня дохода. Однако по скорости освоения новых технологий, как свидетельствуют исследования, в слой продвинутых пользователей вошли прежде всего молодые люди до 30 лет. Они имеют специализированное образование в информационных науках, обладают обширными междисциплинарными знаниями по математике, информатике, информационной когнитологии, кибернетике, семиотике и ряде других современных областей. Вместе с тем в силу возраста и малого жизненного опыта их знания часто ориентированы на практику без глубокой философской рефлексии и этических обременений.

Возникающие межпоколенческие разрывы, значительная разница в доступе к цифровым сервисам и услугам у сельских жителей и горожан, использование новых технологий в манипулятивных политических или экономических целях – лишь некоторые из примеров обратной стороны цифровизации на уровне социальных отношений.

Третий масштабный уровень – онтологический, на котором заметны существенные изменения в человечестве как виде. Новые инфо-коммуникативные, биологические, когнитивные технологии рисуют заманчивые перспективы «совершенствования» человека за счет различных интеллектуальных и технических расширений. Возможность конструировать и редактировать свою идентичность, трансформировать телесность, изобретать искусственный мир невероятных возможностей – весьма привлекательные стимулы. «Сфабрикованное искусственное, виртуальность, симулякры, информация, знаки, тексты, образы сегодня обретают статус подлинности, все больше оттесняя привычную вещно-событийную реальность, превращаясь в “реальную виртуальность” (по определению М. Кастельса – прим. автора), в рамках которой и конституируется бытие современного человека» [Соловьева 2020, 54]. Однако такие резкие трансформации далеко не безобидны, и многие исследователи (например, Э. Эриксон) расценивают их как кризис идентичности человека. Кроме того, чрезвычайно важные и, возможно, катастрофические последствия для человечества в целом будет иметь идея переложить часть интеллектуальных задач на «умные машины». Машины могут не только заменить, но и вытеснить человека – сначала в тяжелой монотонной работе и в обработке больших массивов данных, потом в поиске оптимального хода и эффективных алгоритмов решения проблемы, и, наконец, в создании (или имитации) кодов и целей. Лишившись мотивации решать сложные интеллектуальные задачи, отказавшись от свободного творчества, обесценив собственно человеческие умения и смыслы, растеряв «высшие кортикальные уровни символических координаций (письма, речи и т. п.)» [Бернштейн 2008, 59], человек с детренированным обленившимся мозгом рискует редуцироваться к примитивному уровню «больного животного» (Ф. Ницше) или вообще исчезнуть как вид.

Заключение

Итак, оценка уровня человекомерности цифровизации в России через выделение и анализ показателей антропологической адекватности инноваций с точки зрения автора оказалась вполне реалистичной. Свидетельства россиян разного возраста, достатка, образования и места жительства подтверждают значительное влияние цифровизации, которое они испытали в последние три года. Однако положительно оценивает изменения в своей повседневной жизни лишь та часть респондентов, которые способны – в силу молодого возраста и достаточного финансового благополучия – приобрести и освоить новые цифровые сервисы и платформы. Пессимизм в оценке цифрового будущего высказывают малообеспеченные лица старшего и пожилого возраста, слабо владеющие компьютером и проживающие в сельской местности. Цифровые технологии, наряду с бедностью, коррупцией, цифровизацией ради цифровизации, разрывом в поколенческих коммуникативных стратегиях и др. могут стать фактором расслоения общества, в котором значительная часть населения себя не находит. Вместе с тем можно констатировать, что уровень антропологической адекватности цифровизации в России довольно низок, но не критичен. Повышение цифровой грамотности, обучение «цифровой гигиене» (правилам отбора информации, самоконтролю и критическому подходу), взвешенная государственная политика цифровизации позволили бы существенно скорректировать антропологическую адекватность цифровизации в целом и повысить человекомерный потенциал цифровых процессов в нашей стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асеева И.А. (2021) Этические аспекты цифрового благополучия общества (Аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 8: Науковедение. № 4. С. 85–99. DOI: 10.31249/naukoved/2021.04.03.
- Асеева И.А., Белкина В.А. (2022) Критерии и показатели антропологической адекватности цифровизации в России // Науковедческие исследования. № 1. С. 8–44.
- Бернштейн Н.А. (2008) Биомеханика и физиология движений: Избранные психологические труды // Ред.: Зинченко В. П. 3-е изд. Серия «Психологи России». М.: Московский психолого-социальный институт; В.: МОДЕК. 688 с.
- Ершова-Бабенко И.В., Гончарова О.Е. (2015) Нечеловекомерные составляющие поля человекомерности // Філософія освіти. № 2. С. 243–259. (<https://cyberleninka.ru/article/n/nechelovekomernye-sostavlyayushchie-polya-chelovekomernosti>).
- Катасонов В.Ю. (2019) В начале было Слово, а в конце будет цифра. М.: «Кислород». 370 с.
- Соловьева Л.Н. (2020) Цифровая идентичность как феномен информационной современности // Общество: философия, история, культура. № 12. С. 53–56.
- Степин В.С. (1989) Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. № 10. С. 3–18.
- Ярославцева Е.И. (2020) Гуманитарные аспекты цифровых технологий // Вестник Российского философского общества. Вып. 1–2. С. 248–251.
- Aseeva I., Budanov V. (2020) Digitalization: Potential Risks for Civil Society // *Economic Annals-XXI*. Vol. 186. No. 11–12. Pp. 36–47.
- Calvo R.A., Peters D. (2014) *Positive Computing: Technology for Wellbeing and Human Potential*. Cambridge: MIT Press. 304 p.
- Feng Y., Chang C., Ming H. (2017) Engaging Mobile Data to Improve Human Wellbeing: The ADL Recognition Approach // *IT Professional*. Vol. 19. Issue 3. Pp. 31–37. (<http://doi.org/10.1109/MITP.2017.265111034>).
- Floridi L. (2014) *The Fourth Revolution*. Oxford: Oxford University Press. 272 p.
- Khoury M.J., Ioannidis J.P.A. (2014) Big Data Meets Public Health // *Science*. Vol. 346. No. 6213. Pp. 1054–1055.
- Peters D., Calvo R.A., Ryan R.M. (2018) Designing for Motivation, Engagement and Wellbeing in Digital Experience // *Frontiers in Psychology*. No. 9.
- Zotov V., Aseeva I., Budanov V., Belkina V. (2021) Risks of Sociotechnical Convergence in Digital Era // *Innovation Management and Sustainable Economic Development in the Era of Global Pandemic*. Proceedings of the 38th International Business Information Management Association Conference (IBIMA). Seville, Spain. Pp. 3966–3970.

REFERENCES

- Aseeva I., Budanov V. (2020) Digitalization: Potential Risks for Civil Society. *Economic Annals-XXI*. vol. 186, no. 11–12, pp. 36–47.
- Aseeva I.A. (2021) Etycheskie aspekty cifrovogo blagopoluchiya obshchestva (Analiticheskij obzor) [Ethical Aspects of Digital Well-Being of Society (Analytical Review)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Serya 8: Naukovedenie*. no. 4, pp. 85–99. DOI: 10.31249/naukoved/2021.04.03.
- Aseeva I.A., Belkina V.A. (2022) Kriterii i pokazateli antropologicheskoy adekvatnosti cifrovizacii v Rossii [Criteria and Indicators of Anthropological Adequacy of Digitalization in Russia]. *Naukovedcheskie issledovaniya*. no. 1. pp. 8–44.

Bernshtejn N.A. (2008) *Biomekhanika i fiziologiya dvizhenij: Izbrannye psihologicheskie trudy* [Biomechanics and Physiology of Movements: Selected Psychological Works]. Ed(s): Zinchenko V. P. 3-e izd., Seriya «Psihologi Rossii». Moskva: Moskovskij psihologo-social'nyj institut; Voronezh: MODEK. 688 p.

Calvo R.A., Peters D. (2014) *Positive Computing: Technology for Wellbeing and Human Potential*. Cambridge: MIT Press. 304 p.

Ershova-Babenko I.V., Goncharova O.E. (2015) Nechelovekomernye sostavlyayushchie polya chelovekomernosti [Non-Human Components of the Human Dimension Field]. *Filosofiya osviti*. no. 2, pp. 243–259. (<https://cyberleninka.ru/article/n/nechelovekomernye-sostavlyayushchie-polya-chelovekomernosti>).

Feng Y., Chang C., Ming H. (2017) Engaging Mobile Data to Improve Human Wellbeing: The ADL Recognition Approach. *IT Professional*. vol. 19, issue 3, pp. 31–37. (<http://doi.org/10.1109/MITP.2017.265111034>).

Floridi L. (2014) *The Fourth Revolution*. Oxford: Oxford University Press. 272 p.

Katasonov V. Yu. (2019) *V nachale bylo Slovo, a v konce budet cifra* [At the Beginning There Was a Word, and at the End There Will Be a Figure]. Moscow: «Kislorod». 370 p.

Khoury M.J., Ioannidis J.P.A. (2014) Big Data Meets Public Health. *Science*. vol. 346, no. 6213, pp. 1054–1055.

Peters D., Calvo R.A., Ryan R.M. (2018) Designing for Motivation, Engagement and Wellbeing in Digital Experience. *Frontiers in Psychology*. no. 9.

Solov'eva L.N. (2020) Cifrovaya identichnost' kak fenomen informacionnoj sovremennosti [Digital Identity as a Phenomenon of Informational Modernity]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. no. 12, pp. 53–56.

Stepin V.S. (1989) Nauchnoe poznanie i cennosti tekhnogennoj civilizacii [Scientific Knowledge and Values of Technogenic Civilization]. *Voprosy filosofii*. no. 10, pp. 3–18.

Zotov V., Aseeva I., Budanov V., Belkina V. (2021) Risks of Sociotechnical Convergence in Digital Era. *Innovation Management and Sustainable Economic Development in the Era of Global Pandemic. Proceedings of the 38th International Business Information Management Association Conference (IBIMA)*. Seville, Spain. Pp. 3966–3970.

Yaroslavceva E.I. (2020) Gumanitarnye aspekty cifrovyyh tekhnologij [Humanitarian Aspects of Digital Technologies]. *Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshchestva*. issue 1–2, pp. 248–251.

Информация об авторе

Асеева Ирина Александровна, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра научно-информационных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН. Адрес: 117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21. E-mail: irinaaseeva2011@yandex.ru

About the author

Irina A. Aseeva, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Leading Research Fellow, Center for Scientific and Information Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Address: 51/21 Nakhimovsky ave, Moscow, 117418, Russia. E-mail: irinaaseeva2011@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 4.10.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 17.10.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 27.10.2022